

# ЗАПИСКИ ИИМК РАН



RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

**TRANSACTIONS**  
**OF THE INSTITUTE**  
**FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

**No. 14**

Saint Petersburg  
2016

**ЗАПИСКИ**  
**ИНСТИТУТА ИСТОРИИ**  
**МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН**

**№ 14**

Санкт-Петербург  
2016

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2016. № 14. 192 с.  
ISSN 2310-6557

ISBN 978-5-9908534-3-0

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2016.  
No. 14. 192 p.

*Редакционная коллегия:* Е. Н. Носов (главный редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очередной

*Editorial board:* E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

*Издательская группа:* Л. Б. Кирчо, В. Я. Стеганцева

*Publishing group:* L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva

В № 14 «Записок ИИМК РАН» публикуются научные исследования в области археологии и древней истории, представленные на Международных чтениях «Культура и искусство античного Причерноморья», посвященных 130-летию выдающейся исследовательницы классических древностей М. И. Максимовой. Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музеоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 14<sup>th</sup> issue of the «Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences» contains papers in archaeology and ancient history presented to the International Readings «Culture and Art of the Black Sea region in Classical Antiquity», dedicated to the 130<sup>th</sup> birth anniversary of M. I. Maksimova. The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

# СОДЕРЖАНИЕ

## ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

- Ю. А. Виноградов*, *М. И. Максимова*. Путь русского ученого . . . . . 7
- И. В. Тункина*, *М. И. Максимова*: парижские письма *М. И. Ростовцеву*  
(август 1928 г.) . . . . . 24

## СТАТЬИ

- М. В. Скржинская*. Произведения монументального и прикладного искусства  
в качестве наград граждан античных государств Северного Причерноморья . . 34
- А. В. Буйских, Й. Форнасье, А. Г. Кузьмищев*. Предмесье Ольвии  
в свете новых украинско-германских исследований . . . . . 46
- И. Ю. Шауб*. Золотая диадема из Артюховского кургана . . . . . 58
- С. В. Кашаев*. Гемма (инталия) из некрополя Артющенко-2 . . . . . 69
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко*. Атгические чашевидные скифосы  
из меотских памятников Правобережья Кубани . . . . . 77
- С. Г. Колтухов, С. Н. Сенаторов*. Погребение скифского воина  
в кургане Кулаковского . . . . . 93
- Е. В. Кузнецова, Н. Б. Чурекова*. Греческие амфоры из коллекции Восточно-  
Крымского историко-культурного музея-заповедника: первые результаты . . 104
- С. Ю. Монахов*. О некоторых амфорах из комплекса У7  
поселения Панское I в Крыму . . . . . 113
- М. И. Тюрин*. Материалы из цистерны в XIX квартале  
Херсонеса Таврического (раскопки 1949–1950 гг.)  
и вопросы хронологии города позднеэллинистического периода . . . . . 126
- В. В. Дорошко*. Бронзовые рельефные атташи римского времени  
из раскопок Херсонеса Таврического . . . . . 143
- О. П. Дорошко*. Оконное стекло римского времени  
из раскопок Херсонеса Таврического и его округи . . . . . 149
- В. А. Нессель*. Краснолаковая керамика из раскопок античного поселения на  
западном берегу Казачьей бухты (Маячный полуостров) . . . . . 159
- Т. В. Олейник*. Еще раз к вопросу о методике описания  
античных каменных кладок Северного Причерноморья . . . . . 175
- Список сокращений . . . . . 187
- Список авторов статей, опубликованных в «Записках ИИМК РАН» № 14. . . . . 190

## CONTENTS

### FROM THE HISTORY OF SCIENCE

- Yu. A. Vinogradov*, M. I. Maksimova. The path of the Russian scholar . . . . . 7  
*I. V. Tunkina*, M. I. Maksimova: Paris letters to M. I. Rostovtsev (August 1928) . . . . . 24

### RESEARCH PAPERS

- M. V. Skrzhinskaya*. Monumental and applied art pieces used as awards  
for the citizens of the antique states of the North Black Sea region . . . . . 34  
*A. V. Buyskikh, J. Fornasier, A. G. Kuzmishchev*.  
Olbian suburb in the light of new Ukrainian-German studies . . . . . 46  
*I. Yu. Schaub*. Gold diadem from the Artyukhov barrow . . . . . 58  
*S. V. Kashaev*. Gem (intaglio) from the necropolis of Artyushchenko-2 . . . . . 69  
*N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko*. Attic cup-scyphoses  
from the Maeotian sites on the right bank of the Kuban river . . . . . 77  
*S. G. Koltukhov, S. N. Senatorov*. Burial of a Scythian warrior  
from the Kulakovsky barrow . . . . . 93  
*E. V. Kuznetsova, N. B. Churekova*. Greek amphorae from the collection  
of the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve: the first results . . . 104  
*S. Yu. Monakhov*. Some amphorae from assemblage Y7 of the Panskoe I  
settlement in Crimea . . . . . 113  
*M. I. Tyurin*. Materials from the cistern in quarter XIX of Tauric Chersonesos  
(excavations of 1949–1950) and the questions of chronology  
of the Late Hellenistic city . . . . . 126  
*V. V. Doroshko*. Bronze relief vessel appliqués of the Roman time  
from the excavations at Tauric Chersonesos . . . . . 143  
*O. P. Doroshko*. Roman window glass from the excavations  
of Tauric Chersonesos and its vicinity . . . . . 149  
*Nessel V. A.* Red-glazed pottery from the excavations of an antique settlement  
on the western coast of the Kazachiya bay (Mayachnyi peninsula) . . . . . 159  
*T. V. Oleinik*. Once again on the question of the methodology  
of describing antique stone masonry in the North Black Sea region . . . . . 175  
List of abbreviations . . . . . 187  
List of authors . . . . . 190

---

---

# ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

---

---

## М. И. МАКСИМОВА. ПУТЬ РУССКОГО УЧЕНОГО

Ю. А. ВИНОГРАДОВ

**Ключевые слова:** *история науки, античная археология, Эрмитаж, ГАИМК.*

М. И. Максимова (1885–1974) — выдающаяся представительница российской науки о классических древностях. Получив блестящее образование в России и Германии, она с 1914 г. трудилась в Государственном Эрмитаже и с 1926 г. — в ГАИМК. Из обоих учреждений была незаслуженно уволена в 1930–1931 гг. В ГАИМК (с 1937 г. — ИИМК АН СССР) смогла вернуться только в ноябре 1941 г.

На начальном этапе научной деятельности М. И. Максимова занималась изучением произведений античного искусства малых форм (фигурные сосуды, резные камни). В годы войны перевела «Анабасис» Ксенофонта, после ее окончания подготовила фундаментальный труд по истории античных городов Юго-Восточного Причерноморья. В последующие годы она внесла огромный вклад в изучение курганов Скифии и Боспора.

17 апреля 2015 г. исполнилось 130 лет со дня рождения Марии Ивановны Максимовой (Марьи Ивановны, как это имя звучало в повседневной речи). Надо признать, что в научной среде наших дней оно не забыто и произносится с большим уважением, что вполне закономерно. Имеющиеся краткие очерки ее жизни — статья И. Б. Брашинского, посвященная 80-летию исследовательницы (Брашинский 1965), и некрологи (Брашинский, Горбунова 1974; Горбунова 1974; Некролог 1975) верно отражают ее жизненный путь и заслуги перед наукой, однако, по понятным причинам, они далеко не достаточны.

Увы, о жизни этой выдающейся женщины мы знаем не очень много, а некоторые факты ее судьбы вообще трактуются неверно. В биографии М. И. Максимовой имеется немало неясных моментов, на которые несколько десятилетий назад не было принято обращать внимание, сейчас же о них следует сказать особо. Приведу всего два примера из анкеты, заполненной Марией Ивановной в 1952 г. В ней, как в стандартной советской анкете, надо было указать все места



работы и причины, по которым они были покинуты (НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 395, л. 71). В этом документе Мария Ивановна записала, что в 1914–1931 гг. трудилась хранителем Гос. Эрмитажа, оставив это учреждение в связи с сокращением штатов. Научным сотрудником ГАИМК она являлась с 1925 по 1930 гг. и ушла из Академии из-за предложения перейти на договорную работу.

В реальной жизни, однако, все было несколько иначе. Из ГАИМК Мария Ивановна действительно была уволена 15 декабря 1930 г., но в хранящемся в Архиве ИИМК РАН «Трудовом списке» сказано, что за три месяца до этого, 17 сентября, ей было объявлено «общественное порицание за участие совместно с белоэмигрантами в пражском сборнике *Seminarium Kondakovianum*, в статьях, явно враждебных советской науке, открыто показывающих антисоветские и антинаучные построения, несовместимые с положением советских ученых» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 5, д. 199, л. 2–3). В отношении публикаций *Seminarium Kondakovianum* все хорошо знают о возникшем в связи с этим «деле» академика С. А. Жебелёва (Тункина 2000). М. И. Максимова в 1927 г. поместила в этом альманахе статью «Сказка о “Потерпевшем кораблекрушение” и греческий скарабей VI-го века» (Максимова 1927). Никаких антисоветских выпадов и антинаучных построений в ней, естественно, не было. Однако, скорее всего, именно эта публикация, а не предложение перейти на договорную работу стала причиной увольнения из ГАИМК.

С Государственным Эрмитажем тоже не все так просто. Допускаю, что сокращение штатов в этом учреждении действительно имело место в 1931 г. Повлияла ли на это злополучная пражская публикация — трудно сказать. Однако 24 апреля 1931 г. состоялось общее собрание, на котором М. И. Максимова прошла «персональную чистку». Обвинения ей были представлены нешуточные. Во всяком случае, уже после этого собрания «обвиняемой» пришлось подготовить дополнительный оправдательный документ (НА ИИМК РАН, РО, ф. 75, д. 36а, л. 1–2).

Но что же ей ставилось в вину? В первую очередь — пропаганда монархических идей. В подготовке этого обвинения сильно поусердствовал тов. Кричевский. По этому поводу М. И. Максимова записала: «Считаю обвинение меня в пропаганде путем моих научных трудов монархических принципов совершенно необоснованным, по существу вздорным, т. к. никаких симпатий к монархии у меня никогда не было, и несоответствующим ни действительному содержанию моих работ, ни моим политическим взглядам, т. к. согласно моему глубокому убеждению, мечтать о восстановлении монархии в СССР может только человек психически ненормальный, к каковому разряду людей я не имею основания себя причислять» (Там же, л. 1).

Далее следовало обвинение в приверженности к старой, буржуазной (соответственно, антинаучной) методологии. Марии Ивановне пришлось признать: «К формальному методу я в настоящее время отношусь критически и ни в коей мере не защищаю его как метод руководящий» (Там же). Такая формулировка, как представляется, не могла удовлетворить обвинителей, от прошлого надо было решительно отказаться и, естественно, покаяться в ошибках.



Рис. 1. М. И. Максимова, портрет работы Э. К. Липгарта (август 1919 г.)

Fig. 1. Portrait of M. I. Maksimova by E. K. Lipgart (August 1919)

Третье обвинение тоже было весьма грозным — М. И. Максимова противодействовала реконструкции Эрмитажа на основе марксистской методологии, в частности, она пыталась сохранить Отделение глиптики, в котором тогда трудилась. «Обвиняемая» признала, что действительно хотела сохранить это Отделение, но в составе Античного отдела, а также делала попытки противостоять некоторым предложениям по перестройке Эрмитажа, которые считала вредными для дела. Мария Ивановна при этом подчеркивала: «С момента же правильной постановки вопроса о реконструкции Музея на основе марксистской методологии, т. е. с начала работы структурных комитетов, я не только не оказывала им никакого противодействия, но живо интересовалась и принимала участие в обсуждении общих вопросов в Комиссиях Античного и Доклассового Обществ» (Там же, л. 2). Кстати, Отделение глиптики было расформировано еще в 1929 г.,

и Мария Ивановна получила должность старшего помощника хранителя в Эллино-Скифском Отделении.

Все эти оправдания, как представляется, не произвели ожидаемого впечатления на капитанов советской науки. М. И. Максимова потеряла свое место в Эрмитаже и, как говорится, хлебнула лиха. Но об этом я скажу чуть позднее... Сейчас же обращусь к временам намного более ранним.

В июле 1871 г. в семье Ивана Максимовича и Клавдии Егоровны Максимовых родилась дочь Софья (НА ИИМК РАН, РО, ф.75, д. 67, л. 1). Вероятно, после смерти Клавдии Егоровны второй женой И. М. Максимова стала Мария Егоровна Клаповская, и у них 17 апреля 1885 г. родилась дочь Мария. В семье Максимовых были и сыновья (по крайней мере, два), но фактов их жизни, даже самых важных, мы не знаем.

О некоторых из приведенных здесь жизненных обстоятельствах можно было бы умолчать, если бы не одно событие — 15 января 1895 г. Софья Ивановна вступила в законный брак с Григорием Филимоновичем Церетели, талантливым молодым человеком, оставленным при Санкт-Петербургском университете для приготовления к профессорскому званию (Там же, л. 1 об.). Г. Ф. Церетели впоследствии стал виднейшим специалистом в области античной литературы и папирологии, замечательным переводчиком древнегреческих авторов, а также, надо признать, хорошим поэтом (см.: Каухчишвили 1969; Фихман 1995; 2000). У него сложились очень близкие, доверительные отношения со сводной сестрой своей жены. Сотни его писем, в разное время направленных Марии Ивановне, хранятся в Научном архиве ИИМК РАН и ждут своего вдумчивого и деликатного исследователя<sup>1</sup>.

Иван Максимович Максимов (скончался в 1905 или 1906 г.) был купцом 2-й гильдии, имел дом (настоящий особняк!) в Петербурге на Спасской улице (ныне ул. Рылеева), д. 29, а также дачу в Ораниенбауме. Понятно, что девочка из богатой купеческой семьи получила хорошее воспитание и училась в гимназии М. Н. Стоюниной<sup>2</sup>, которую закончила в 1903 г. После этого она поступила на историко-филологическое Отделение Высших Женских (Бестужевских) курсов, где обучалась по циклу древней истории, ее учителями были М. И. Ростовцев и Ф. Ф. Зелинский. Здесь она познакомилась с С. А. Жебелёвым и А. А. Васильевым. На Курсах Мария Ивановна зарекомендовала себя с самой хорошей стороны.

Совсем не удивительно, что после завершения обучения в 1909 г. М. И. Максимова была оставлена при Курсах для продолжения научных занятий и сразу же была командирована за границу. С 1909 по 1914 г. она, в основном, проживала в Германии, слушала лекции по археологии и истории искусства сначала

<sup>1</sup> Все эти документы были переданы на хранение в Научный архив ИИМК РАН самой М. И. Максимова и, как порой считается, по ее завещательному распоряжению не подлежали выдаче (Фихман 1995: 230, прим. 17). На самом деле, такого распоряжения сделано не было! Сейчас эти бесценные материалы составляют фонд 75, д. 63 и вполне доступны для исследователей.

<sup>2</sup> Частная женская гимназия Марии Николаевны Стоюниной была открыта в Санкт-Петербурге в 1881 г.

в Университете Бонна, где занималась в семинарии проф. Георга Лёшке, а с осени 1913 г. перешла в Берлинский университет. Среди ее учителей можно назвать такие великие имена, как Эд. Мейер и У. Виламовиц-Мёллендорф. Избрав предметом своей диссертационной работы античные фигурные сосуды, она совершила путешествия по Греции и Италии, знакомясь с музейными собраниями и посещая места раскопок: Афины, Олимпию, Дельфы, Коринф, Микены, Тиринф, Крит, Рим, Помпеи и др. Музейную работу она вела также в Лувре, Британском музее и во всех крупных собраниях Германии и Австро-Венгрии. Естественно, Марья Ивановна не забывала и о памятниках античной культуры Северного Причерноморья. Летом 1910 г. она ездила на юг России, где осмотрела раскопки и музеи Одессы, Херсонеса и Керчи.

В то время Г. Ф. Церетели имел ежегодные командировки за границу, во время которых встречался с Марией Ивановной. Нет сомнения, что этот человек сыграл в судьбе М. И. Максимовой очень важную роль. Его письма содержат не только многословные уверения в любви, он шлет ей также свои переводы из Алкея, Сапфо, Феогнида, Горация, присылает и собственные стихи. Другие послания содержат своего рода наставления в понимании мировой политики, науки об античности и жизни вообще.

К научным занятиям М. И. Максимовой, связанным с углубленным изучением древнегреческих ваз, Г. Ф. Церетели относился с долей иронии, порой подтрунивая над «марусиными зверюшками» (т. е. вазами в виде фигурок животных, которые она тогда изучала). Но в других случаях ирония слетала, и суждения Г. Ф. Церетели становились предельно серьезными и поразительно глубокими: «Ты это хорошо делаешь, что читаешь Гомера и что вазочки вынимать велишь (очевидно, из музейных шкафов. — Ю. В.): ведь в Гомере и в вазочках очень много есть того, что многими не замечается — в них не только старая жизнь живет, не только красота заключается, но, помимо всего этого, в них есть чисто выраженные ответы на разные думы в разные минуты нашей жизни: они то на радость отвечают, то на печаль, то в мир грез унесут, то скажут прямо: “А этого вот мы не знаем”. Одним словом, они очень чувствительны на всякое прикосновение, точно друзья, но друзья мудрые вековой мудростью!» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 75, д. 63, л. 70). В ноябре 1911 г. Григорий Филимонович призывает свою подругу не очень обращать внимание на Г. Лёшке, поскольку ей «уже давно было бы пора расправить крылья и полететь, благо крылья есть» (Там же, л. 142).

Когда у Софьи Ивановны был выявлен туберкулез и она была направлена на излечение в Швейцарию, Мария Ивановна приезжала к своей сестре, порой совершая совместные путешествия по этой живописной стране. Естественно, она при этом неоднократно встречалась с Г. Ф. Церетели. Есть основания считать, что во время одной из таких встреч в 1912 г. между ними произошла серьезная размолвка. Как представляется, с этого момента М. И. Максимова окончательно определила главный вектор своей жизни, заключавшийся в служении науке. Места для Г. Ф. Церетели в ней больше не было или же оно было

весьма скромным. Переписка между двумя учеными на этом, конечно, не прекратилась, но былого напряжения чувств в ней больше не ощущается.

Весной 1914 г. М. И. Максимова сдала в Берлинском университете экзамен на степень доктора и представила рукопись диссертации об античных фигурных вазах. Публикации и защите, как не трудно догадаться, помешала разразившаяся вскоре Первая мировая война. В Россию Мария Ивановна возвратилась, когда война уже началась; по существу бежала из Германии.

По возвращении на родину осенью 1914 г. она была принята на службу (так тогда говорилось) в Отделение Древностей Эрмитажа. Этот Отдел тогда был своего рода маленькой Германией. В нем трудились одни немцы (О. Ф. Вальдгауэр, В. В. Струве и др.), во главе стоял Е. М. Придик, происходивший из Прибалтики и являвшийся своего рода проводником немецких влияний. В общем, в Отделе русская речь не звучала.

События тех дней хорошо описаны в экскурсии М. И. Максимовой «О враждебном отношении между С. А. Жебелёвым и “русскими немцами” из Отдела Древностей Эрмитажа», хранящемся в Петербургском филиале архива РАН (СПбФ АРАН, ф. 729, оп. 2, № 151, л. 148–159). В нем она, в частности, отметила, что после поражений русской армии в Восточной Пруссии в Отделе почувствовались признаки новых настроений. По этому поводу Мария Ивановна поведала следующую любопытнейшую историю: «... в то время, как все русские люди переживали тогда тяжелые дни, в Кабинете царствовали совсем другие настроения. Там, например, висела карта нашего фронта, и, приходя на службу, Придик радостно заявлял: “Сейчас у нас победа”, и тут же передвигал германский флажок вперед. Не могло быть сомнений в том, что в Кабинете с нетерпением ждут скорой и полной победы Германии. Ропот служителей музея нашел пути в другие слои общества, и в газетах появились заметки о странном поведении научного персонала Эрмитажа. Эффект получился поразительный. Сразу рухнули невидимые стены, как бы ограждавшие от окружающей жизни горстку людей высшей расы. Идиллическое благодушие сменилось страхом, чуть ли не паникой. Придик был сбит с толку и потерялся. Вальдгауэр засуетился, вместо немецкой послышалась русская, неимоверно “кувиркаемая” речь. Вильгельм Вильгельмович Струве превратился в Василия Васильевича и однажды появился в Эрмитаже вместе со священником. Проходя по залам нижнего этажа, он за руку здоровался со всеми служащими и представлял им священника — своего зятя» (Там же, л. 154).

Не удивительно, что по воспоминаниям археологов, хорошо знавших Марию Ивановну, она до конца своей жизни порой позволяла себе весьма нелестные отзывы о немцах и немецкой политике. Ей часто возражали, что военнополитическая ситуация в мире давно изменилась, и Германская Демократическая Республика является дружественным для нас государством. «Нет-нет! Вы совсем не знаете Германию», — так М. И. Максимова обычно обрывала бессмысленную для нее дискуссию.

Придя в Отдел Древностей, Мария Ивановна стала заниматься составлением описания античных ваз южно-русского происхождения, хранившихся в Эрмитаже. При образовании в 1918 г. нового Отделения глиптики М. И. Максимова была избрана его хранителем. Вспомним об ее неудачной попытке защитить это Отделение в год «Великого перелома».

В 1913 г. увидела свет первая научная публикация М. И. Максимовой, посвященная фаянсовым арибаллам (Максимова 1913), затем вышла весьма обстоятельная статья о кее с изображением мифического царя Ликурга (Максимова 1917). В 1916 г. Мария Ивановна сдала при Петербургском университете магистерский экзамен, в том же году была издана ее диссертация об античных фигурных вазах (Максимова 1916). Через два года при том же университете состоялась защита диссертации магистра истории и теории искусств. С осени 1918 г. М. И. Максимова состояла преподавателем, а затем вплоть до 1924 г. — профессором Петроградского университета, а кроме того преподавала в Археологическом институте и в Институте истории искусств. В 1917 г. М. И. Максимова была избрана действительным членом Археологического Общества.

В ГАИМК она была принята в январе 1926 г. в качестве научного сотрудника Разряда Греко-Римского искусства. Об этом ходатайствовали два виднейших антиковеда той поры — С. А. Жебелёв и Б. В. Фармаковский. В заключении своей весьма пространной рекомендации они отметили: «Если истинно исследовательская работа характеризуется тем, что автор, исполняющий ее, является полным обладателем материала в избранной им отрасли знания, объективно трезвым критиком этого материала, возводящим свое построение на почве строго проверенных фактов, а не каких-либо предвзятых теорий или идей, то этими качествами запечатлены в полной мере все работы М. И. Максимовой. Если основною задачею нашей Академии является, прежде всего, исследовательская работа, то М. И. Максимова доказала, что в ее лице мы (“имеем” — зачеркнуто. — Ю. В.) имели бы дело с образцовым исследователем. Не так давно она по разрешению Совета была допущена к занятиям в Академии на положении “волонтера” и успела уже своею работою над резными камнями и перстнями из Ольвии оправдать оказанное ей Академиею доверие. Но для вящего успеха исследовательской работы в области археологии и истории искусства античного мира необходимо “прикрепить” М. И. Максимова к Академии прочнее, ибо такие ученые работники, каким является она, никогда в Академии лишними оказаться не могут и не должны» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 395, л. 8). Это предложение было поддержано О. Ф. Валдгауэром, но, по вполне понятным причинам, не в таком хвалебном тоне (Там же, л. 10). Не лишним будет отметить, что первая публикация Марии Ивановны в изданиях ГАИМК относится еще к 1922 г. (Максимова 1922), следующая — к 1926 г. (Максимова 1926б).

К этому периоду относятся также две книги М. И. Максимовой, изданные в Эрмитаже — «Камея Гонзага» (Максимова 1924), в которой проведен блестя-

щий анализ этого замечательного произведения искусства, и «Античные резные камни Эрмитажа» (Максимова 1926а), публикация, заложившая основу изучения чрезвычайно богатого эрмитажного собрания.

В 1927 г. во Франции была издана монография М. И. Максимовой о фигурных вазах (Maximova 1927). Это удивительно, но в 1928 г. Мария Ивановна имела заграничную командировку в Германию и Францию, где работала в музеях и библиотеках, а также прочитала научный доклад в Германском археологическом обществе в Берлине. Во время этой поездки она очень хотела встретиться с М. И. Ростовцевым, летом того года находившимся в Париже, но встреча не состоялась, поскольку Михаил Иванович покинул Париж раньше приезда Марии Ивановны. С. А. Жебелёв в письме к ней от 26 августа 1928 г. по этому поводу с огорчением заметил: «Жаль, что Вам не удалось повидаться с М. И. — все-таки кое-что порассказали бы ему, а он Вам. Но значит не судьба, игрушками которой являемся мы, люди» (СПбФ АРАН, ф. 729, оп. 2, № 151, л. 32).

В 1929 г. М. И. Максимова была избрана членом-корреспондентом Германского археологического общества (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 193, л. 15), т. е. ее заслуги перед наукой признавались на международном уровне. Времена, однако, изменились очень быстро и радикально.

После увольнений из ГАИМК в конце 1930 г. и из Эрмитажа в 1931 г., о некоторых обстоятельствах которых было сказано выше, Мария Ивановна оказалась в тяжелой ситуации. С 1932 по январь 1935 г. ей пришлось поработать библиотекарем в Ленинградском отделении Коммунистической академии, а с 1935 по 1940 г. библиографом в библиотеке Лесотехнической академии им. С. М. Кирова. Правда, одновременно она вела научную работу по договору в Институте науки и техники Академии наук СССР, ею был написан ряд глав для знаменитого в нашей историографии издания «Эллинистическая техника» (опубликовано в 1948 г.). В Институте истории АН СССР она подготовила для «Всемирной истории» разделы, посвященные античному искусству. Весьма содержательный очерк истории искусства Древней Греции увидел свет значительно позднее (Максимова 1956б). В это трудное время Мария Ивановна работала также над обстоятельным, уникальным в нашей историографии исследованием, посвященным античным садам Италии (Максимова 1941а).

С 1939 г. М. И. Максимова состояла внештатным профессором Исторического факультета ЛГУ. С 1939 по 1941 г. ей пришлось также поработать в Грузии. Мария Ивановна состояла научным сотрудником Грузинской академии наук и Гос. музея Грузии, участвовала в разборке материалов, добытых раскопками в Мцхете и в Армази (Максимова 1941б; 1950). Этот поворот, конечно, можно связывать с ее переживаниями, вызванными несправедливыми увольнениями, неудовлетворенностью своим положением, пониманием невозможности реализовать свой профессиональный потенциал и т. д. В общем, нетрудно представить, как она стремилась вырваться из Ленинграда и найти более подходящее место для «новой жизни». Но почему таким местом была избрана именно Грузия? Понятно, что свободу «за хребтом Кавказа» тогда обрести было невозможно.

Формальным поводом стало приглашение академика А. И. Джавахишвили (СПбФ АРАН, ф. 729, оп. 2, № 151, л. 192), но свою роль здесь, безусловно, сыграл и тот факт, что в Грузии с 1920 г. проживало семейство Церетели (Каухчишвили 1969: 8; Фихман 1995: 238; 2000: 212). Григорий Филимонович к тому времени, правда, был арестован и в 1939 г. уже «стерт в лагерную пыль», так что точной даты его смерти никто не знает (Фихман 1995: 241–242). Две сестры, Мария Ивановна и Софья Ивановна, теперь оказались вместе, во всяком случае, периодически немалое время могли находиться рядом друг с другом.

На работу в ИИМК М. И. Максимова была принята только после начала Великой Отечественной войны, а точнее — с 25 ноября 1941 г., да и то временно, на полставки в 350 руб. в месяц (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 193, л. 4). На постоянную ставку с окладом в 700 руб. ее перевели только 31 января 1942 г. (Там же, л. 5). От одних этих дат у нормальных людей кровь должна стынуть в жилах! Шла первая блокадная зима...

31 марта 1942 г. М. И. Максимовой была выдана характеристика:

«Максимова Мария Ивановна, рожд. 1885 г., старший научный сотрудник Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР, магистр Петроградского университета и профессор Истфака ЛГУ, крупнейший специалист по истории античного искусства, а также по истории культуры и искусства Грузии эллинистического и римского периода. Ее перу принадлежит много десятков трудов, среди которых несколько крупных монографий, широко известных в СССР и за границей. Ввиду развившейся у М. И. в настоящее время цинги ей необходимо обеспечить улучшенное питание и лежание в условиях стационара, чтобы сохранить ее силы и здоровье для дальнейшей работы.

*Ученый секретарь ИИМК М. А. Тиханова  
Парторг П. П. Корнилова»* (Там же, л. 6).

Можно считать, что необходимые меры по спасению человеческой жизни на сей раз были приняты. 18 апреля 1942 г. М. И. Максимова была назначена заведующей Сектором античного мира ИИМК (Там же, л. 7), и эти обязанности она выполняла до 1951 г. Напомню, что до нее заведующим Сектором был академик С. А. Жебелёв, не покинувший блокадного города и даже ставший временно исполняющим обязанности директора ИИМК АН СССР. Он принял смерть 28 декабря 1941 г.

Эвакуация из блокированного города была назначена только на 10 июля (Там же, л. 9), вместе с частью сотрудников ИИМК М. И. Максимова была направлена в город Елабугу, где находилась до июня 1945 г.

От того времени в Архиве ИИМК РАН сохранилось единственное письмо, направленное Софье Ивановне в Грузию 14 августа 1943 г. Приведу лишь заключительную его часть:

«Главное же, конечно, <сейчас> происходит на фронтах. И я начинаю думать, что поворот здесь действительно наступил и Гитлеру уже не поправить своих дел. Крах его неминуем; будем надеяться, что он не за горами и стараться до него



дотянуть. Потом жизнь начнет налаживаться и уже можно будет залечивать свои раны, подводить итоги и как-то устраиваться сообразно своим желаниям и наклонностям. Крепко, крепко тебя обнимаю и от всей души желаю тебе сил и здоровья. Пиши почаще.

*Твоя Мария»* (НА ИИМК РАН, РО, ф. 75, д. 71, л. 2)<sup>3</sup>.

В письме, к сожалению, ничего не говорится о научной деятельности Марии Ивановны того времени, но мы знаем, что в сентябре 1942 г. ей пришлось даже исполнять обязанности директора Института (НА ИИМК, РО, ф. 35, оп. 5, д. 193, л. 10). Но не это главное! Главное заключается в том, что в Елабуге в 1943–1944 гг. она трудилась над переводом «Анабасиса» Ксенофонта (вышел из печати в 1951 г.) и над комментариями к нему (см. также: Максимова 1947; 1951). Я уверен, что в наши дни то или иное издание этого перевода находится в библиотеке каждого российского антиковеда. Без него просто невозможно обойтись!

В ноябре 1944 г. Ученый Совет ИИМК АН СССР единогласно присудил М. И. Максимова ученую степень доктора исторических наук без защиты диссертации. Высшая Аттестационная Комиссия утвердила это решение 9 июня 1945 г. (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 193, л. 28). За три дня до того Мария Ивановна была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», и справедливость этой награды не может вызывать никаких сомнений.

В июне Мария Ивановна вернулась из эвакуации в Ленинград, и началась обычная жизнь в мирной обстановке. Правда, в то трудное время приходилось бороться за, казалось бы, самые простые вещи — предоставление «литерного питания» (Там же: л. 18), дополнительного лимита на электроэнергию (Там же, л. 21), восстановление телефона в квартире (Там же, л. 25), дополнительной жилплощади (Там же, л. 22) и т. д. Стоит отметить, что она возвратилась в бывший дом своего отца на ул. Рылеева, где проживала в комнате площадью 22 м<sup>2</sup>.

Научная работа тоже постепенно входила в привычное русло. В октябре 1945 г. М. И. Максимова была назначена зав. Кафедрой искусства Древнего Мира Всероссийской академии художеств. В 1946 г. она оппонировала на защите докторской диссертации М. В. Фармаковского «Методика исследований древних тканей (Основы реставрации и консервации тканей)», значительная часть которой была посвящена изучению античного ткацкого производства. В том же году М. И. Максимова была включена в квалификационную комиссию для рассмотрения кандидатской диссертации Е. И. Леви «Гераклея Понтийская», а несколькими годами позднее стала председателем комиссии для рассмотрения докторской диссертации В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство» (Там же, л. 64). После защиты этой диссертации, в феврале 1951 г. Мария Ивановна была освобождена от исполнения обязанностей зав. Сектором Древнего Причерноморья, как сказано в приказе, «согласно личного заявления по состоянию здоровья»

<sup>3</sup> Это письмо не нашло адресата, поскольку Софья Ивановна скончалась 19 августа 1943 г., и по этой причине, как представляется, его переслали назад в Елабугу.

(Там же, л. 67). Как все хорошо знают, эту должность занял В. Ф. Гайдукевич, но надо признать, что к тому времени Виктор Францевич по существу уже давно руководил этим научным подразделением (Виноградов 2005: 327; 2006: 11).

Происшедшая перемена в должности, как представляется, никак не повлияла на положение М. И. Максимовой в научной среде, которое она приобрела к тому времени. Все выданные ей тогда и позднее характеристики вполне обоснованно констатировали: «В лице М. И. Максимовой наша наука имеет безусловно одного из наиболее авторитетных специалистов по истории античной культуры» (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 193, л. 44).

Основные усилия М. И. Максимовой в это время были сосредоточены на подготовке фундаментального исследования по истории античных городов Юго-Восточного Причерноморья. Эта работа требовала основательного изучения сохранившейся письменной традиции и имеющихся археологических материалов. Результатом ее стала монография, увидевшая свет в 1956 г. (Максимова 1956а). Надо признать, что наша историография ничего подобного ранее не знала, да ничего более нового по этой тематике не появилось и до сих пор. В этом отношении книга М. И. Максимовой уникальна, она не потеряла своей актуальности через 60 лет после опубликования. Заложенные здесь мысли о необходимости изучения античного Причерноморья как единого целого чрезвычайно плодотворны, они находят полное подтверждение в новых и новых специальных исследованиях.

В 1950-е гг. ярко проявилась еще одна составляющая научных интересов Марии Ивановны. Ценным вкладом в науку об античной культуре Северного Причерноморья стали статьи, посвященные изучению отдельных произведений древнего искусства из курганов Скифии и Боспора: зеркало и ритон из Келермеса, камнерезная мастерская Пантикапея, феодосийские серьги и др. (Максимова 1954; 1956в; 1957; 1958). Тонкий анализ и превосходное знание сравнительного материала позволили М. И. Максимовой с большим мастерством раскрыть подлинное историческое значение каждого ею изученного археологического памятника, а также выявить его особенности, остававшиеся незамеченными предшествующими исследователями.

В дальнейшем Мария Ивановна продолжала свои занятия в этой области, и из-под ее пера один за другим выходили маленькие шедевры: панафинейская амфора из Зеленского кургана, таманские амулеты-подвески, находки псевдоскарабеев (Максимова 1961; 1962а; 1962б). Исследовательница большое внимание уделяла изучению Ахтанизовского клада (Максимова 1969), который и в наши дни остается во многом загадочным.

М. И. Максимова была одной из немногих в нашей античной археологии, осознававшей важность полной публикации всех материалов, происходящих из больших боспорских курганов. Более того, она сделала очень важный шаг в направлении создания уже давно насущно необходимого *Corpus'а Tumulorum*,

который, увы, и в наши дни все еще весьма далек от реализации. Имеется в виду ее последняя работа, увидевшая свет уже после смерти исследовательницы — «Артюховский курган» (Максимова 1979).

Оценивая путь М. И. Максимовой в науке, следует полностью согласиться с мнением исследователей, считавших, что она была «одним из последних представителей той плеяды ученых-антиковедов, которые благодаря своей блестящей всесторонней подготовке в области античной культуры обладали поистине энциклопедическими знаниями» (Брашинский, Горбунова 1974: 274). Ее научные труды различны по тематике, но одинаково высококомпетентны. В начале служения науке Мария Ивановна зарекомендовала себя как тонкий знаток древнегреческого искусства малых форм (фигурные вазы, глиптика), при работе над «Анабасисом» проявился ее талант как превосходного филолога. Этапной в жизни исследовательницы стала монография «Античные города Юго-Восточного Причерноморья», в которой в полной мере раскрылась многогранность ее знаний в области древней истории и археологии. К концу своей жизни она все глубже погружалась в океан боспорских курганных древностей, и в этом можно видеть знак для нового поколения археологов-антиковедов.

В заключение необходимо хотя бы несколько слов сказать о близких родственниках Марии Ивановны. В графе «Семейное положение» советских анкет она писала не обычное «не замужем», а «одинокая». Действительно, помимо сводной сестры Софьи Ивановны, о ее близких родственниках нам почти ничего не известно. Однако, как было сказано выше, у нее были братья. Один из них, как записано в анкете 1941 г., с 1919 г. находился в Финляндии, и о его судьбе, по ее словам, она не имела сведений с 1929 г. (НА ИИМК РАН, РО, ф. 35, оп. 5, д. 193, л. 1). В более поздней анкете, относящейся к 1952 г., она отметила: «Брат Александр арестован в 1937 г. За что, мне не известно» (Там же, л. 70 об.). Есть также сведения о племяннике, которого звали Борис. О нем Мария Ивановна записала, что тот был увезен матерью в 1919 г. (?) за границу, жил в Брюсселе, но получил советское гражданство. Сведений о Борисе, по ее словам, к моменту заполнения анкеты, т. е. к 1952 г., не было два или три года (Там же, л. 71). В общем, перед нами еще одна горькая страница тех человеческих семейных трагедий, которыми была столь богата история России первой половины XX в.

Мария Ивановна Максимова ушла из жизни 23 марта 1974 г. Надо признать, что многочисленные выпавшие на долю этой женщины жизненные испытания не ожесточили ее сердца. Все знавшие Марию Ивановну единодушны в том, что она была доброжелательным человеком, чуждым какого-либо высокомерия и лицемерия. Дожив почти до 90 лет, она действительно осталась одинокой, верным ее другом в конце жизни был кот, любимым местом отдыха которого был письменный стол исследовательницы.

## Литература и источники

Брашинский 1965 — *Брашинский И. Б.* К 80-летию Марии Ивановны Максимовой // СА. 1965. № 2. С. 132–133.

Брашинский, Горбунова 1974 — *Брашинский И. Б., Горбунова К. С.* Максимова Мария Ивановна // СА. 1974. № 1. С. 274–275.

Виноградов 2005 — *Виноградов Ю. А.* К 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича // АВ. 2005. № 12. С. 323–330.

Виноградов 2006 — *Виноградов Ю. А.* Памяти В. Ф. Гайдукевича // БИ. 2006. Вып. 13. С. 3–15.

Горбунова 1974 — *Горбунова К. С.* М. И. Максимова (1885–1973) // Сообщения ГЭ. 1974. Вып. 38. С. 112–113.

Каухчишвили 1969 — *Каухчишвили С. Г.* Григорий Филимонович Церетели. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ГУ, 1969. 22 с.

Максимова 1913 — *Максимова М. И.* Три фаянсовых арибалла. Из коллекции В. С. Голенищева // Памятники Музея изящных искусств им. Императора Александра III в Москве. 1913. Вып. 4. С. 129–137.

Максимова 1916 — *Максимова М. И.* Античные фигурные вазы. Т. 1: Кипр, Троя, Киклады, Крит. Геометрический и архаический периоды Греции. М.: Художественная печать, 1916. 146 с.

Максимова 1917 — *Максимова М. И.* Античная камея с изображением Ликурга // Записки Классического отделения Русского Археологического Общества. 1917. Т. 9. С. 274–295.

Максимова 1922 — *Максимова М. И.* Одиссей у Кирки по чашам Бостонского музея // Известия РАИМК. 1922. Т. 2. С. 145–158.

Максимова 1924 — *Максимова М. И.* Камея Гонзага. Л.: Российская Гос. академическая типография, 1924. 23 с.

Максимова 1926а — *Максимова М. И.* Античные резные камни Эрмитажа: Путеводитель по выставке. Л.: Изд-во ГЭ, 1926. 107 с.

Максимова 1926б — *Максимова М. И.* Этрусский скарабей с изображением скифа // Сообщения ГАИМК. 1926. Вып. 1. С. 267–271.

Максимова 1927 — *Максимова М. И.* Сказка о потерпевшем кораблекрушение и скарабей VI-го века // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1927. 1. С. 115–119.

Максимова 1941а — *Максимова М. И.* Античные архитектурные сады Италии // СА. 1941. Т. 7. С. 199–219.

Максимова 1941б — *Максимова М. И.* Стекланные многогранные печати, найденные на территории Грузии // Известия Института языка, истории и материальной культуры Грузинской АН. 1941. Вып. 10. С. 75–92.

Максимова 1947 — *Максимова М. И.* К «Анабасису» Ксенофонта // ВДИ. 1947. № 3. С. 211–212.

Максимова 1950 — *Максимова М. И.* Геммы из некрополя Мцхеты — Самтавро (раскопки 1938/39 гг.) // Вестник Государственного музея Грузии. 1950. Вып. 16-В. С. 221–274.

Максимова 1951 — *Максимова М. И.* Местное население юго-восточного Причерноморья по «Анабасису» Ксенофонта: дрилы и моссины // ВДИ. 1951. № 1. С. 250–262.

Максимова 1954 — *Максимова М. И.* Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. Т. 21. С. 281–305.

Максимова 1956а — *Максимова М. И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Синопа, Аμισ, Трапезунт. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 472 с.

Максимова 1956б — *Максимова М. И.* Искусство Древней Греции // Струве В. В., Каллистов Д. П. (отв. ред.). Древняя Греция. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 479–543.

Максимова 1956в — *Максимова М. И.* Ритон из Келермеса // СА. 1956. Т. 25. С. 215–235.

Максимова 1957 — *Максимова М. И.* Боспорская камнерезная мастерская // СА. 1957. № 4. С. 75–82.

Максимова 1958 — *Максимова М. И.* Миниатюрная группа на феодосийских серьгах // ТГЭ. 1958. Т. 2. С. 62–66.

Максимова 1961 — *Максимова М. И.* Панафинейская амфора из Зеленского кургана // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 15–20.

Максимова 1962а — *Максимова М. И.* Амулет из Горгиипии и так называемые «шарики-подвески» // СА. 1962. № 2. С. 226–230.

Максимова 1962б — *Максимова М. И.* Львиные псевдоскарабеи // ТГЭ. 1962. Т. 7. С. 122–132.

Максимова 1969 — *Максимова М. И.* Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 55–58.

Максимова 1979 — *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 152 с.

Некролог... 1975 — Некролог. Памяти Марии Ивановны Максимовой // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 124–125.

Тункина 2000 — *Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелёва // Гаврилов А. К. (ред.). Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб.: Алетейя, 2000. Вып. 2. С. 116–161.

Фихман 1995 — *Фихман И. Ф.* Г. Ф. Церетели в петербургских архивах: портрет ученого // Медведев И. П. (ред.). Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 226–258.

Фихман 2000 — *Фихман И. Ф.* Григорий Филимонович Церетели (1870–1939) // Гаврилов А. К. (ред.). Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб.: Алетейя, 2000. Вып. 2. С. 207–217.

Maximova 1927 — *Maximova M. I.* Les vases plastiques dans l'antiquité (époque archaïque). Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1927. Т. 1–2. 233 p.

НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 395; оп. 5, д. 199; ф. 35, оп. 5, д. 193; ф. 75, д. 36а, 63, 67, 71.

СПбФ АРАН, ф. 729, оп. 2, № 151.

## M. I. MAKSIMOVA. THE PATH OF THE RUSSIAN SCHOLAR

YU. A. VINOGRADOV

**Keywords:** *history of science, Classical archaeology, the Hermitage, SAHMC.*

M. I. Maksimova (1885–1974) is an outstanding representative of the Russian science of classical antiquities. Since 1914, having received an excellent education in Russia and Germany, she worked at the State Hermitage, and since 1926 also at SAHMC. In 1930–1931

she was improperly fired from both institutions. It was only in November of 1941 that she could return to SAHMC (since 1937 — IHMC of the Academy of Sciences of the USSR). At the initial stage of her scholarly activity M. I. Maksimova concerned herself with the study of the minor arts of classical antiquity (figured vessels, gems). During the wartime she translated Xenophon's «Anabasis», and, after the war ended, she prepared a fundamental work on the history of the Antique cities of the Southeastern Black Sea region. In subsequent years she made a great contribution to the study of the Scythian and Bosphoran barrows.

### Literature and archive sources

Брашинский 1965 — *Brashinskiy I. B.* K 80-letiyu Marii Ivanovny' Maksimovoy (*Le 80e anniversaire de M. I. Maksimova*) // SA. 1965. No. 2. P. 132–133 (in Russian).

Брашинский, Горбунова 1974 — *Brashinskiy I. B., Gorbunova K. S.* Maksimova Mariya Ivanovna (*M. I. Maksimova*) // SA. 1974. No. 1. P. 274–275 (in Russian).

Виноградов 2005 — *Vinogradov Yu. A.* K 100-letiyu so dnya rojdeniya V. F. Gaydukevicha (*To the 100th Anniversary of V. F. Gaydukevich*) // *Arheologicheskie vesti (Archaeological news)*. 2005. No. 12. P. 323–330 (in Russian).

Виноградов 2006 — *Vinogradov Yu. A.* Pamyati V. F. Gaydukevicha (*To the memory of V. F. Gaydukevich*) // *Bosporskie issledovaniya (BS)*. 2006. Vol. 13. P. 3–15 (in Russian).

Горбунова 1974 — *Gorbunova K. S. M. I. Maksimova (1885–1973)* // *Soobsh'eniya Gosudarstvennogo E'rmitaja (Reports of the State Hermitage Museum)*. 1974. Vol. 38. P. 112–113 (in Russian).

Кауччишвили 1969 — *Kauchchishvili S. G.* Grigoriy Filimonovich Cereteli. Tbilisi: Tbilisi SU, 1969. 22 p. (in Russian).

Максимова 1913 — *Maksimova M. I.* Tri fayansovy'h ariballa. Iz kollekcii V. S. Golenisch'eva (*Three phaience aryballoes. From V. S. Golenishchev's collection*) // *Pamyatniki Muzeya izyasch'ny'h iskusstv im. Imperatora Aleksandra III v Moskve (Monuments from the Fine Arts Museum of the Emperor Alexander III in Moscow)*. 1913. Vol. 4. P. 129–137 (in Russian).

Максимова 1916 — *Maksimova M. I.* Antichny'e figurny'e vazy'. T. 1: Kipr, Troya, Kiklady', Krit. Geometricheskii i arhaicheskii periody' Grecii (*Figured vases of classical antiquity. Vol. 1. Cyprus, Troya, Cyclades, Crete. The geometric and archaic periods in Greece*). M.: Artistic printery, 1916. 146 p. (in Russian).

Максимова 1917 — *Maksimova M. I.* Antichnaya kameya s izobrajeniem Likurga (*Ancient Greek cameo with an image of Lycurgus*) // *Zapiski Klassicheskogo otdeleniya Russkogo Arheologicheskogo Obsch'estva (Transactions of the Classical Department of Russian Archaeological Society)*. 1917. Vol. 9. P. 274–295 (in Russian).

Максимова 1922 — *Maksimova M. I.* Odissey u Kirki po chasham Bostonskogo muzeya (*Odyssey and Circe, as reflected in the bowls from the Boston Museum*) // *Izvestiya RAIMK (Reports of RAHMC)*. 1922. Vol. 2. C. 145–158 (in Russian).

Максимова 1924 — *Maksimova M. I.* Kameya Gonzaga (*Gonzaga cameo*). L.: Russian State Academic Printery, 1924. 23 p. (in Russian).

Максимова 1926a — *Maksimova M. I.* Antichny'e rezny'e kamni E'rmitaja: Putevoditel' (*Ancient gems from the Hermitage: Exhibition guide*). L.: State Hermitage, 1926. 107 p. (in Russian).

Максимова 1926b — *Maksimova M. I.* E'trusskiy skarabey s izobrajeniem skifa (*Etruscan scarab with an image of a Scythe*) // *Communications of SAHMC*. 1926. Vol. 1. P. 267–271 (in Russian).

Максимова 1927 — *Maksimova M. I.* Skazka o poterpevshem korablekrushenie i skarabey VI-go veka (*Le conte du Naufragé et un scarabé grec du VIe siècle*) // *Seminarium Kondakovianum*. Prague, 1927. 1. P. 115–119 (in Russian).

Максимова 1941a — *Maksimova M. I.* Antichny'e arhitekturny'e sady' Italii (*Le jardins architecturaux antiques de l'Italie*) // SA. 1941. Vol. 7. C. 199–219 (in Russian).

Максимова 1941б — *Maksimova M. I. Steklyanny'e mnogogranny'e pechati, naydenny'e na territorii Gruzii (Glass multifaceted seals found in Georgia) // Izvestiya Instituta yazy'ka, istorii i material'noy kul'tury' Gruzinskoy Akademii nauk (News of the Institute of Language, History and Material Culture of the Georgian AS)*. 1941. Vol. 10. P. 75–92 (in Russian).

Максимова 1947 — *Maksimova M. I. K «Anabasisu» Ksenofonta (About Xenophon's «Anabasis») // Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*. 1947. No. 3. P. 211–212 (in Russian).

Максимова 1950 — *Maksimova M. I. Gemmy' iz nekropolya Mchety' — Samtavro (raskopki 1938/39 gg.) (Gems from the necropolis of Mtskheta — Samtavro [excavations of 1938/39]) // Vestnik Gosudarstvennogo muzeya Gruzii (Herald of the State Museum of Georgia)*. 1950. Vol. 16-V. P. 221–274 (in Russian).

Максимова 1951 — *Maksimova M. I. Mestnoe naselenie yugo-vostochnogo Prichernomor'ya po «Anabasisu» Ksenofonta: drily' i mossiniki (Native population of the Southeastern Black Sea region according to Xenophon's «Anabasis»: Drilae and Mossiniks) // Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*. 1951. No. 1. P. 250–262 (in Russian).

Максимова 1954 — *Maksimova M. I. Serebryanoe zerkalo iz Kelermesa (Silver mirror from Kelermes) // SA*. 1954. Vol. 21. P. 281–305 (in Russian).

Максимова 1956а — *Maksimova M. I. Antichny'e goroda Yugo-Vostochnogo Prichernomor'ya. Sinopa, Amis, Trapezunt (Antique cities of the Southeastern Black Sea region. Sinope, Amisos, Trapezunt)*. М.; Л.: AS of the USSR, 1956. 472 p. (in Russian).

Максимова 1956б — *Maksimova M. I. Iskusstvo Drevney Grecii (Art of Ancient Greece) // Struve V. V., Kallistov D. P. (eds.). Drevnyaya Greciya (Ancient Greece)*. М.: AS of the USSR, 1956. P. 479–543 (in Russian).

Максимова 1956в — *Maksimova M. I. Riton iz Kelermesa (Rhyton from Kelermes) // SA*. 1956. Vol. 25. P. 215–235 (in Russian).

Максимова 1957 — *Maksimova M. I. Bosporskaya kamnereznaya masterskaya (L'atelier glyptique à Bospore) // SA*. 1957. No. 4. P. 75–82 (in Russian).

Максимова 1958 — *Maksimova M. I. Miniaturnaya gruppa na feodosiyskih ser'gah (Miniature group on the Theodosian earrings) // Trudy Gosudarstvennogo E'rmitaja (Proceedings of the State Hermitage)*. 1958. Vol. 2. P. 62–66 (in Russian).

Максимова 1961 — *Maksimova M. I. Panafineyskaya amfora iz Zelenskogo kurgana (Panathenaic amphora from Zelensky barrow) // Kratkie soobsch'eniya Instituta arheologii (BCIA)*. 1961. Vol. 83. P. 15–20 (in Russian).

Максимова 1962а — *Maksimova M. I. Amulet iz Gorgippii i tak nazy'vaemy'e «shariki-podveski» (Amulette de Gorguippie et boules dites «pendeloques») // SA*. 1962. No. 2. P. 226–230 (in Russian).

Максимова 1962б — *Maksimova M. I. L'viny'e psevdoskarabei (Leonine pseudo-scarabs) // Trudy Gosudarstvennogo E'rmitaja (Proceedings of the State Hermitage)*. 1962. Vol. 7. P. 122–132 (in Russian).

Максимова 1969 — *Maksimova M. I. Zametka ob Ahtanizovskom klade (A note on the Akhtanizovskaya hoard) // Kratkie soobsch'eniya Instituta arheologii (BCIA)*. 1969. Vol. 116. P. 55–58 (in Russian).

Максимова 1979 — *Maksimova M. I. Artyuhovskiy kurgan (Artyukhov barrow)*. Л.: Iskusstvo, 1979. 152 p. (in Russian).

Некролог... 1975 — *Nekrolog. Pamyati Marii Ivanovny' Maksimovoy (Obituary. To the memory of Maria Ivanovna Maksimova) // Kratkie soobsch'eniya Instituta arheologii (BCIA)*. 1975. Vol. 143. P. 124–125 (in Russian).

Тункина 2000 — *Tunkina I. V. «Delo» akademika Jebile'va (The «case» of the academician Zhebelev) // Gavrilov A. K. (ed.). Drevniy mir i my'. Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii:*

Al'manah (*The ancient world and ourselves. Classical heritage in Europe and Russia: Almanac*). St. Petersburg: Aleteyya, 2000. Vol. 2. P. 116–161 (in Russian).

Фихман 1995 — *Fihman I. F.* G. F. Cereteli v peterburgskikh arhivah: portret uchenogo (G. F. Tsereteli in St. Petersburg archives: a portrait of the scholar) // Medvedev I. P. (ed.). Arhivy' russkikh vizantinistov v Sankt-Peterburge (*Archives of Russian Byzantinists in St. Petersburg*). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1995. P. 226–258 (in Russian).

Фихман 2000 — *Fihman I. F.* Grigoriy Filimonovich Cereteli (1870–1939) // Gavrilov A. K. (ed.). Drevniy mir i my'. Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii: Al'manah (*The ancient world and ourselves. Classical heritage in Europe and Russia: Almanac*). St. Petersburg: Aleteyya, 2000. Vol. 2. P. 207–217 (in Russian).

Maximova 1927 — *Maximova M. I.* Les vases plastiques dans l'antiquité (époque archaïque). Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1927. T. 1–2. 233 p.

Scholarly archive of IHMC RAS, MD, F. 2, inv. list 3, doc. 395; inv. list 5, doc. 199; F. 35, inv. list 5, doc. 193; F. 75, doc. 36a, 63, 67, 71 (in Russian).

The Archive of RAS, St. Petersburg branch, F. 729, inv. list 2, no. 151 (in Russian).



## М. И. МАКСИМОВА: ПАРИЖСКИЕ ПИСЬМА М. И. РОСТОВЦЕВУ (АВГУСТ 1928 г.)<sup>1</sup>

И. В. ТУНКИНА

**Ключевые слова:** *М. И. Максимова, М. И. Ростовцев, личные письма, история антиковедения, Дьюкский университет.*

В статье впервые в полном виде публикуются два письма М. И. Ростовцеву, написанные М. И. Максимовой своему учителю во время заграничной командировки в Париже в августе 1928 г. Письма откровенно повествуют о морально-нравственной атмосфере и научном климате в академических учреждениях Ленинграда в первое послереволюционное десятилетие, так как написаны без оглядки на возможную перлюстрацию, что делает их важным источником по социальной истории отечественного антиковедения. Документы хранятся в библиотеке особых коллекций Дьюкского университета (г. Дарем, Северная Каролина, США).

В процессе подготовки книги «Скифский роман» (Скифский роман 1997) 15 лет назад академик Г. М. Бонгард-Левин передал мне ксерокопии двух писем М. И. Максимовой из Парижа от 4 и 11 августа 1928 г., адресованных ее учителю М. И. Ростовцеву в Норвегию. Документы были цитатно использованы мною в главе «М. И. Ростовцев и Российская академия наук» (Тункина 1997: 99–100). Оригиналы писем хранятся в фонде М. И. Ростовцева в Библиотеке особых коллекций Дьюкского университета (Северная Каролина, г. Дарем, США) — Box 3. Correspondence. Language Russian. Fol. 1920–1926. Пришло время их опубликовать полностью.

Летом 1928 г. М. И. Ростовцев, эмигрировавший из России в 1918 г. под предлогом научной командировки от РАН, был приглашен в Норвегию для чтения лекций. В августе 1928 г. он участвовал в VI Международном историческом конгрессе в Осло, атмосфера которого, по его словам, была «отравлена большевиками» (Бонгард-Левин и др. 2003: 499). М. И. Максимова, служившая тогда ассистентом по отделу глиптики Эрмитажа и в разряде греко-римского искусства ГАИМК, находилась в заграничной командировке в Берлине и Париже. Она была командирована ГАИМК на средства Наркомпроса РСФСР с 20 июня по 10 сентября 1928 г. (командировка по ее просьбе была продлена до 1 ноября в счет отпуска) для работы над памятниками искусства и археологии в музеях Германии и Франции (Пиотровский 2000: 323).

В Париже М. И. Максимова надеялась на личную встречу с четой Ростовцевых, но, как оказалось, тщетно. Многие обстоятельства внутренней жизни Эрмитажа, РАИМК/ГАИМК, Ленинградского университета и других научных

---

<sup>1</sup> Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-99604.

учреждений первого послереволюционного десятилетия раскрывают письма к М. И. Максимовой ее старшего коллеги, академика С. А. Жебелёва, близкого друга М. И. Ростовцева. С. А. Жебелёв, тогда заведующий разрядом Эллады и Рима (1920–1929) и одновременно товарищ председателя (1923–1928) ГАИМК, в августе 1928 г. замещал отсутствовавшего Н. Я. Марра на посту председателя археологической академии. Он очень надеялся на парижскую встречу Ростовцевых с Марией Ивановной и возможность их откровенного разговора о судьбах отечественного антиковедения в послереволюционной России. 19 июля 1928 г. Сергей Александрович писал ей из Ленинграда в Берлин: «М. И. Ростовцев и Софья Михайловна 25 июня, когда они послали мне открытку, были в Париже» (СПбФ АРАН, ф. 729, оп. 2, д. 151, л. 20), а в письме от 24 июля 1928 г. добавил: «Михаил Иванович и Софья Ивановна на позапрошлой неделе были в Париже, ибо на прошлой неделе я получил открытку от Александра Александровича<sup>2</sup> и Софьи Михайловны, к открытке от которой есть и приписка карандашом “Сердечный привет М.”<sup>3</sup> — карандашом, очевидно, чтобы я смог стереть» (Там же: л. 23). Использование криптонимов в переписке с эмигрировавшими друзьями вполне объяснимо: М. И. Ростовцев как видный деятель кадетской партии считался в Советском Союзе одиозной фигурой — ученый заслужил на родине славу непримиримого противника большевизма (Тункина 2002), поэтому любые контакты с ним, даже переписка и книгообмен, для советских ученых считались предосудительными. В другом письме к М. И. Максимовой из Ленинграда в Париж от 26 августа 1928 г. С. А. Жебелёв сетовал: «Жаль, что Вам не удалось повидаться с М. И. — все-таки кое-что порассказали бы ему, а он Вам. Но, значит, не судьба, игрушками которой являемся мы, люди» (СПбФ АРАН, ф. 729, оп. 2, д. 151, л. 32–32 об.). Несколько месяцев спустя, в ходе пресловутого «дела С. А. Жебелёва», Сергей Александрович был вынужден публично отречься от своего давнего друга М. И. Ростовцева, который 15 декабря 1928 г. был исключен из числа действительных членов АН СССР и вскоре принял американское подданство (Тункина 1997: 107; 2000: 149).

Публикуемые два письма М. И. Ростовцеву, написанные без оглядки на возможную перлюстрацию, были отправлены М. И. Максимовой во время

---

<sup>2</sup> Имеется в виду Васильев Александр Александрович (1867–1953), историк-византинист, основатель американской школы византиноведения; доктор всеобщей истории (1902); член-корреспондент РАН (1923, исключен в 1935, восстановлен в 1990). Заведующий разрядом археологии и искусства раннехристианского и византийского Археологического отделения (1919 — осень 1926), председатель (1920–1921) РАИМК. В 1925 уехал в заграничную командировку от АН СССР и РАИМК и остался за границей, эмигрировал в США, занял место М. И. Ростовцева (перешедшего в Йельский университет) как профессор кафедры древней истории Висконсинского университета в Мэдисоне (1925–1939). Подробнее см.: Бонгард-Левин, Тункина 1997: 260–261.

<sup>3</sup> Миши, Мих. Ив., т. е. М. И. Ростовцева.

заграничной командировки и ознаменовали краткосрочное возобновление переписки с учителем после 10 лет вынужденного молчания. Они интересны сведениями о жизни самой М. И. Максимовой, ее учителях и коллегах, о научном и политическом климате в СССР конца 1920-х гг. Из писем становится ясно, что несмотря на пережитую гражданскую войну и полосу террора М. И. Максимова, как и близкий ей по духу С. А. Жебелёв, остались верны основным принципам житейской и научной порядочности не только во взаимоотношениях с коллегами, но прежде всего по отношению к основному делу всей своей жизни — науке.

Оба письма представляют собой автографы М. И. Максимовой. Документы публикуются в соответствии с правилами издания исторических документов. Авторские сокращения раскрыты без квадратных скобок в случаях, не имеющих другого толкования, ошибки и описки исправлены без оговорок. Для удобства чтения сплошной текст разбит на смысловые абзацы. Комментарии к тексту приведены в постраничных ссылках.

## № 1

*Paris IX. 17 Rue de Navarin*

*4.VIII.28*

Дорогой Михаил Иванович,

Не могу Вам сказать как мне больно и горько было узнать, что надежды мои на свидание с Вами провалились! Я очень мечтала с Вами встретиться, но не могла никак раньше сообщить Вам о моих планах, сперва потому, что отъезд за границу сопряжен у нас с неуверенностью до самого последнего момента, и в это время особенно нежелательны письменные сношения с границей, а потом потому, что по легкомыслию А. А. Васильева я не узнала Вашего парижского адреса. По приезде в Париж я тотчас же отправилась разыскивать Софью Михайловну<sup>4</sup>, но в Unic Hotel мне сказали, что она уехала в Англию несколько дней тому назад<sup>5</sup>. Ужасно это печально. У меня еще слабая надежда, что Вы будете из Норвегии возвращаться в Америку через Париж, но говорят есть прямые пароходы туда из Норвегии, и в таком случае Вы едва ли заглянете сюда на обратном пути. А когда в будущем предоставится опять возможность встретиться, — кто знает? Во всяком случае не скоро. Вы, правда, ежегодно преодолеваете океан, но зато мне едва ли опять скоро удастся преодолеть стену большевизма.

За Ваши добрые слова и чувства — сердечное Вам спасибо. По правде говоря я в них не сомневалась — это было бы на Вас не похоже, да и сердиться на меня как будто не за что. О себе же и о многих из нас могу сказать, что мы Вас

<sup>4</sup> Здесь и далее С. М., Софья Михайловна — Ростовцева (урожд. Кульчицкая) Софья Михайловна (1878–1963), жена М. И. Ростовцева.

<sup>5</sup> В июле 1928 г. Ростовцевы посетили Англию, откуда отправились в Норвегию.

любим по-прежнему, радуемся за Вас, что Вам удалось так блестяще развернуть Вашу научную деятельность, но в то же время на каждом шагу чувствуем как нам Вас недостает. Это чувство эгоистичное, но тем не менее оно существует и даже в очень сильной степени. Думаю, что я это особенно остро ощущаю, вследствие своего несколько одинокого положения среди наших античников. Я, правда, в большой дружбе с Сергеем Александровичем<sup>6</sup>, но зато пребываю в резкой оппозиции к Вальдгауеру<sup>7</sup>, Богаевскому<sup>8</sup> и всем их присным, а они сейчас волею судеб и Главнауки представляют собой нашу науку. Я, правда, от этого не унываю и тактики своей менять не намерена, но одиночество свое все-таки ощущаю, почему мне и было особенно ценно вновь завязать теперь с Вами прямые сношения. Хорошо что это удалось теперь, хоть в письменной форме. В следующий раз я напишу Вам более подробно о моих научных занятиях и планах. Сегодняшнее же письмо вышло скорее лирическим, но так оно и должно быть по человечеству.

Напишите мне, пожалуйста, как Вы и С. М. себя чувствуете в Америке — я, ведь, знаю очень мало о Вашей жизни за океаном и то больше из третьих рук и урывками. Вышла ли уже Ваша книга о «Зверином стиле»?<sup>9</sup> и над чем Вы теперь работаете?<sup>10</sup> Всего Вам лучшего и сердечный привет С. М.

<sup>6</sup> Здесь и далее С. А., Сергей Александрович — Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941), историк античности, филолог-классик; магистр (1899), доктор (1904) греческой словесности; член-корреспондент Петербургской АН (1914), действительный член АН СССР (1927); действительный член Академии художеств (1910) и ГАИМК (1919–1937). Председатель Совета Эрмитажа (1918–1919), товарищ председателя РАИМК/ГАИМК (1923–1928), профессор ЛГУ (до 1927).

<sup>7</sup> Вальдгауер (Waldhauer) Оскар Фердинандович (1883–1935), историк античного искусства, теоретик и практик музееведения; доктор философии Мюнхенского университета (1903). Член Совета (1917–1926), хранитель и заведующий Отделом древностей (1918–1926), заместитель директора (1926–1929), исполняющий обязанности директора (1927–1928) ГЭ, ученый сотрудник разряда греко-римского искусства РАИМК/ГАИМК (1920–1930).

<sup>8</sup> Богаевский Борис Леонидович (1882–1942), историк античности, археолог, искусствовед, специалист по эгейской и древнегреческой культуре; магистр греческой филологии (1916), доктор исторических наук (1934, без защиты диссертации). Профессор Археологического отделения факультета общественных наук ямфака Петроградского университета (с 1922), проректор учебной части, член деканата ямфака, заведующий кабинетами археологии и древнего мира, председатель цикла древнего мира и цикла истории религии, заведующий кафедрой доистории историко-лингвистического факультета (1926–1929) ЛГУ. В 1926 как ортодоксальный сторонник «нового учения о языке» Н. Я. Марра организовал у себя на квартире «кружок» по изучению Гомера в свете яфетической теории. Член советской делегации на Международном конгрессе историков в Осло (1928).

<sup>9</sup> Речь идет о книге: Rostovtzeff 1929.

<sup>10</sup> В 1929 г. под редакцией М. И. Ростовцева вышел первый отчет о раскопках Дура-Европос, одновременно он работал над немецким изданием «Социальной и экономической истории Римской империи», изданной в 1931 г. «Работа собачья, — жаловался М. И. Ростовцев Э. Минн-зу 4 ноября 1928 г. — не знаю, почему после войны начался настоящий поток и новых открытий, и новых работ» (цит. по: Бонгард-Левин и др. 2003: 500).

Вчера я обедала у Бенуа<sup>11</sup>, были там и Добужинские<sup>12</sup>, и мне вспомнились Ваши журфиксы на Морской<sup>13</sup>.

Давно это было!

*Ваша М. Максимова*

## № 2

### II. VIII. 28

Дорогой Михаил Иванович,

Сердечное Вам спасибо за Ваше письмо, которому я была искренне рада. Рада была узнать Ваши дальнейшие широкие научные планы и рада была почувствовать Вашу солидарность с моими симпатиями и антипатиями. Что касается до моего приезда в Осло, то я, может быть и поехала бы туда не ради конгресса<sup>14</sup>, а ради Вас и Софьи Михайловны, но к сожалению тому препятствует скудость моих финансов. Их хватит у меня (и то не наверное), чтобы тихо и мирно прожить в Париже до середины октября и затем через Берлин (23 октября назначен там мой доклад в Археологическом обществе) вернуться восвояси. При таких условиях я связана по рукам и ногам, и об эскападах мечтать не приходится.

Не знаю точно, кто из представителей советской науки будет в Осло, но судя по бывшим при мне в Петербурге разговорам, в сферах была тенденция отправить туда марксистскую молодежь. Не знаю, так ли это будет на самом деле и какова та марксистская молодежь, которая может принять участие в международном научном конгрессе...<sup>15</sup>

<sup>11</sup> Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), художник, историк искусства, художественный критик, работал в Эрмитаже (1918–1926), в 1926 г. эмигрировал во Францию.

<sup>12</sup> Добужинский Мстислав Валерьянович (1875–1957), живописец, график, в 1924 г. эмигрировал, жил в Париже (1926–1929), с 1939 г. в США. Его жена (с 1899 г.) — Елизавета Осиповна Волькенштейн (1874–1965).

<sup>13</sup> Речь идет о дружеских вечеринках со вторника на среду в квартире М. И. и С. М. Ростовцевых на Большой Морской ул., д. 34, кв. 10, ставших местом сбора представителей научного и литературного мира Санкт-Петербурга. Подробнее см.: Зуев 1997: 65.

<sup>14</sup> Речь идет о VI Международном историческом конгрессе в Осло, где присутствовала делегация ученых из СССР в составе будущих академиков-коммунистов М. Н. Покровского (избран в состав президиума конгресса), В. П. Волгина, Н. М. Лукина, В. В. Адоратского, беспартийных профессоров Б. Л. Богаевского (ГАИМК), П. Ф. Преображенского, В. И. Пичеты, Е. А. Косминского, М. И. Яворского, В. А. Юринца, С. М. Дубровского. В составе делегаций других стран оказались отечественные историки-эмигранты Ф. Ф. Зелинский (Польша), И. М. Кулишер, В. В. Шацкий (Франция), Е. А. Елачич (Югославия). М. И. Ростовцев в интервью норвежской газете заявил протест в связи с приглашением историков-марксистов и отсутствием в составе советской делегации ученых «старой школы». См.: Тункина 1997: 100.

<sup>15</sup> Б. Л. Богаевский выступил с секционным докладом «Боги гончарного искусства минойского Крита» и попытался возобновить контакты с М. И. Ростовцевым. 11 августа 1928 г. С. А. Жебелёв с явным раздражением написал М. И. Максимовай в Париж: «Жаль, что Вам не удалось повидаться с Мих. Ив. В Осло он встретится с Богаевским — поехал делегатом от университета (третье лето подряд ездит за границу)» (СПбФ АРАН, ф. 729, оп. 2, д. 151, л. 27 об.). В письме от 26 августа 1928 г. он продолжил тему о возможных контактах Ростовцева с Богаевским: «М. И. Ростовцев ошибается; я думаю Богаевский будет к нему приставать

Я же буду исповедоваться Вам письменно — и то большой шаг вперед после десятилетнего молчания. За эти десять лет накопилось, конечно, очень много, что хотелось бы Вам пересказать, но всего не напишешь, да и многое стало уже, действительно, далеким прошлым. Не буду писать и о внешних условиях нашей жизни — с ними Вы наверное хорошо знакомы по другим рассказам. Скажу только, что они не блестящи, но т. к. мы привыкли к худшему, то с ними мы миримся и переносим недостаток комфорта довольно легко.

Гораздо хуже сейчас это моральная обстановка. За последние два, три года совершенно расшатались моральные понятия в наших же интеллигентских кругах. Я говорю, конечно, не об обычной житейской морали, а о понятиях простой порядочности в товарищеских отношениях. Самым ярким примером я считаю историю хорошо Вам известную, с избранием Сергея Александровича в академики<sup>16</sup>.

Вообще же главное занятие не всех, но громадного большинства ученых заключается в подсиживании друг друга, в погоне за призрачной властью и в мелких интригах. Все это безумно скучно и, надо надеяться, преходяще, но дело от этого страдает и наукой от этого заниматься трудно.

Если прибавить к этому отсутствие денег на печатание работ и на археологические экспедиции, то картина в настоящем получается печальная и бывают минуты, когда задумываешься куда идти и что делать дальше, чтобы не застрять на одном месте, а это ведь, как известно, «смерти безвозвратной подобно». Кое-что в этом направлении и для своих работ, и для нашей классической археологии вообще я придумала, посоветовалась об этих планах с Сергеем Александровичем и мы решили изложить эти проекты Вам и выслушать по этому поводу Ваше мнение, предполагая, что наша археология Вам по-прежнему близка и видя в Вас ее законного руководителя.

Но тут я, как плохой романист, кончаю на самом интересном месте. Сейчас я безбожно устала, а излагать проекты хочу со свежей головой! Поэтому пока прощаюсь до следующего письма и шлю сердечный привет Вам и С. М.

*Ваша М. Максимова*

Если Вам интересно, то я сообщу Вам подробности о деятельности всех наших археологов. Вообще, если я могу Вам что-либо сообщить об интересующих Вас людях и фактах, то я сделаю это с большим удовольствием. Вам просили

---

и уверять, что он-то, Богаевский, и есть его единомышленник, а все остальные «сдрейфили» (Там же: л. 32). Сам М. И. Ростовцев сообщал А. А. Васильеву 10 декабря 1928 г.: «Богаевский <...> на съезде в Осло подошел ко мне и сказал: “Вы меня презираете, Михаил Иванович?”. Я ему ответил: “Не будем употреблять громких слов. Удивляюсь, как вы говорите такие марксистские глупости в ваших докладах”. А на это он: “Верьте, Михаил Иванович, что мы все вас любим по-прежнему” и, кажется, прибавил “Навеки”. Хорош?» (цит. по: Тункина 1997: 101; Бонгард-Левин, Тункина 1997: 270).

<sup>16</sup> При избрании С. А. Жебелёва в действительные члены АН СССР (по инициативе В. П. Бузескула и Ф. И. Успенского) против выступили востоковеды П. К. Коковцов и Ф. И. Щербатской, необоснованно обвинившие его в «плагиате». Эти обвинения активно поддерживали в Эрмитаже В. В. Струве, О. Ф. Вальдрауер и др. На защиту друга встал М. И. Ростовцев, написавший В. П. Бузескулу письмо в поддержку С. А. Жебелёва, что оказало решающее влияние на исход выборов. Подробнее см.: Тункина, Фролов 1993: 186; Тункина 1997: 97–99.

кланяться Ел. В. Эрнштедт<sup>17</sup>, Боровка<sup>18</sup> и Т. Н. Книпович<sup>19</sup>. Е. П. Столица<sup>20</sup> просила Вас, если возможно, сообщить мне точное место и обстоятельства гибели ее сына.

<sup>17</sup> Эрнштедт Елена Викторовна (1894–1942), археолог, специалист по античной археологии Северного Причерноморья, автор исследований о скульптуре, глиптике, коропластике, черно-фигурной керамике, борспорским склепам. Дочь акад. В. П. Эрнштедта. Выпускница частной гимназии В. П. Шаффе и ВЖК (1908–1913), занималась у Ф. Ф. Зелинского, Г. Ф. Церетели, Б. В. Фармаковского, О. Ф. Вальдгауэра, И. М. Гревса, по окончании курсов оставлена по группе всеобщей истории под руководством М. И. Ростовцева. Преподавала историю искусств и латинский язык на Высших курсах иностранных языков, в гимназии Шаффе и в Екатерининском институте. Сдала государственные экзамены и получила университетский диплом (1918). Описала античные мраморы Павловского дворца-музея (1918). Научный сотрудник (с 1918), помощник хранителя (с 1919), старший помощник хранителя (с 1925) Отделения греко-римского искусства Отдела древностей ГЭ, составитель описи и научного каталога античных терракот; в 1929 г. переведена в эллино-скифское отделение Отделения древностей. С марта 1920 г. по совместительству (без вознаграждения) работала в РАИМК. В 1929 г. командирована в музеи Керчи, Тамани и Одессы для работы по истории Северного Причерноморья. Арестована в 1930 г. по обвинению в шпионаже, виновной себя не признала, приговорена к пяти годам концлагеря, в августе 1931 г. отправлена в Ухтпечлаг: секретарь отдела связи, секретарь в геологическом секторе, библиотекарь библиотеки инженерно-технических работников горного техникума. Летом 1934 г. освобождена, осенью вернулась в Ленинград, работала по договорам, восстановлена в правах в 1935 г. Занималась временными поручениями в НИИ при Академии художеств (1934–1937). Сотрудник Отдела эстампов по отделению гравюр Государственной Публичной библиотеки (1937–1938). Перенесла инсульт. С 1939 г. начала читать лекции на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ. Временный, затем штатный (1939?/1940–1942) сотрудник Сектора Древнего Причерноморья ИИМК АН СССР. Погибла в блокадном Ленинграде. Автор неизданных исследований о погребальном инвентаре кургана Куль-Оба (1929–1930), «Терракоты трех погребений кургана Большая Близница» (6 п. л.; обосновала новую датировку терракот, что привело к пересмотру датировки самого кургана). См.: НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 209; ф. 35, оп. 5, д. 101; Эрмитаж... 1990: 189, 195; Пиотровский 2000: 309; Вольфцун 2003; Академическая археология... 2014: 347.

<sup>18</sup> Боровка (Боровко) Григорий Иосифович (1894–1941), археолог, историк античного и скифского искусства, член-корреспондент Германского археологического института (1927). Выпускник историко-филологического факультета Петроградского университета (1917), учился у М. И. Ростовцева, С. А. Жебелёва, Б. В. Фармаковского, О. Ф. Вальдгауэра, где до 1919 был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Работал в Ольвийской экспедиции под руководством Б. В. Фармаковского (1914). Научный сотрудник разряда археологии Скифии и Сарматии Археологического отделения (1919–1930), ученый секретарь II Отделения (с 1928), член Комиссии по раскопкам РАИМК/ТАИМК; ассистент за штатом (1917–1918), помощник хранителя (1919–1921), хранитель (1921–1930) Эллино-Скифского отделения ГЭ; профессор Петроградского университета/ЛГУ (1924–1929), Российского института истории искусств (1920–1923). Принимал участие в Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова (1924–1929); член Комиссии по организации исследований Монголии, Танну-Тувы и Бурят-Монгольской АССР (1925–1929). В 1927–1929 гг. командирован в Германию, в 1928 г. — в Великобританию, где вел переговоры о совместных исследованиях готских памятников в Крыму. Арестован в 1930 г. по обвинению в шпионаже в пользу германской разведки по сфабрикованному ОГПУ «академическому делу», осужден осенью 1931 г. к 10 годам лагерей, был отправлен в Ухтпечлаг. Освобожден в 1940 г. без права выезда за пределы Коми АССР, вновь арестован в ноябре 1941 г. и в том же году расстрелян. Реабилитирован в 1989 г.

<sup>19</sup> Книпович Татьяна Николаевна (1896–1975), историк-антиковед, археолог, эпиграфист, историк античного искусства; доктор исторических наук. Ученица Ф. Ф. Зелинского, М. И. Ростовцева, С. С. Лукьянова по ВЖК и Петроградскому университету. Научный сотрудник разряда греко-римского искусства Художественно-исторического отделения РАИМК/ТАИМК (с 1920), одновременно с 1924 г. ассистент эллинской секции, затем заведующая отделением Отдела древностей ГЭ; профессор ЛГУ.

<sup>20</sup> Столица Елизавета Петровна — «ученый корректор» Издательской части РАИМК (с 1919), впоследствии регистратор в РАИМК/ТАИМК. См.: СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 1, д. 439, л. 46; ф. 312, оп. 3, д. 211 (трудовой список за 1918–1930 гг.).

К сожалению, третье письмо, повествующее о научных планах антиковедов ГАИМК, видимо, до нас не дошло, либо оно хранится в другом фонде М. И. Ростовцева, разрозненном по разным городам и странам. Его поиск и публикация — дело следующего поколения историков науки.

### Литература и источники

Академическая археология... 2013 — Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Носов Е. Н. (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с., 88 ил.

Бонгард-Левин и др. 2003 — *Бонгард-Левин Г. М., Бухарин М. Д., Тункина И. В.* Скифский мир М. И. Ростовцева и Э. Х. Миннза // Бонгард-Левин Г. М., Литвиненко Ю. Н. (ред.). Парфянский выстрел. М.: РОССПЭН, 2003. С. 477–544.

Бонгард-Левин, Тункина 1997 — *Бонгард-Левин Г. М., Тункина И. В.* М. И. Ростовцев и А. А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества // Бонгард-Левин Г. М. (отв. ред.). Скифский роман. М.: РОССПЭН, 1997. С. 259–286.

Вольфцун 2003 — *Вольфцун Л. Б.* Ернштедт Елена Викторовна // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 3: Государственная Публичная библиотека в Ленинграде — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. 1931–1945. СПб., 2003. С. 223–225.

Зуев 1997 — *Зуев В. Ю.* М. И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Бонгард-Левин Г. М. (отв. ред.). Скифский роман. М.: РОССПЭН, 1997. С. 50–83.

Пиотровский 2000 — *Пиотровский Б. Б.* История Эрмитажа. Краткий очерк: Материалы и документы. М.: Искусство, 2000. 575 с.

Скифский роман 1997 — Скифский роман / Бонгард-Левин Г. М. (отв. ред.). М.: РОССПЭН, 1997. 624 с.

Тункина 1997 — *Тункина И. В.* М. И. Ростовцев и Российская академия наук // Бонгард-Левин Г. М. (отв. ред.). Скифский роман. М.: РОССПЭН, 1997. С. 84–123.

Тункина 2000 — *Тункина И. В.* «Дело» академика Жебелёва // Гаврилов А. К. (ред.). Древний мир и миф: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб.: Алетейя, 2000. Вып. 2. С. 116–161.

Тункина 2002 — *Тункина И. В.* М. И. Ростовцев как политический публицист // *Ростовцев М. И.* Избранные публицистические статьи. 1906–1923 годы. М.: РОССПЭН, 2002. С. 3–4.

Тункина, Фролов 1993 — *Тункина И. В., Фролов Э. Д.* Историографические этюды С. А. Жебелёва (Из неизданного научного наследия) // ВДИ. 1993. № 2. С. 172–201.

Эрмитаж... 1990 — Эрмитаж. История и современность / Суслов В. А. (ред.). М.: Искусство, 1990. 368 с.

Rostovtzeff 1929 — *Rostovtzeff M.* The Animal Style in South Russia and China. Being the material of a course of lectures delivered in August 1925 at Princeton University under the auspices of the Harvard-Princeton Fine Arts Club. Princeton: Princeton University Press, 1929. XVI, 112 p., 33 pls.

Фонд М. И. Ростовцева в Библиотеке особых коллекций Дьюкского университета (Северная Каролина, г. Дарем, США) — Box 3. Correspondence. Language Russian. Fol. 1920–1926.

СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 1, д. 439; ф. 312, оп. 3, д. 211; ф. 729, оп. 2, д. 151.

НА ИИМК РАН, РО, ф. 2, оп. 3, д. 209; ф. 35, оп. 5, д. 101.



## M. I. MAKSIMOVA: PARIS LETTERS TO M. I. ROSTOVTSSEV (AUGUST 1928)

I. V. TUNKINA

**Keywords:** *M. I. Maksimova, M. I. Rostovtsev, personal letters, history of studies of classical antiquity, Duke University.*

This paper presents the first full publication of two letters written by M. I. Maksimova in Paris in August 1928, during her foreign trip, and addressed to her teacher M. I. Rostovtsev. Written with no regard to the possibility of opening and inspection of correspondence, the letters openly tell about the moral atmosphere and research climate in the academic institutions of Leningrad in the first post-revolutionary decade, which makes them an important source on the social history of Russian (Soviet) classical studies. The documents are stored in the Library of Special Collections of Duke University (Durham, North Carolina, USA).

### Literature and archive sources

Академическая археология... 2013 — *Akademicheskaya arheologiya na beregah Nevy' (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.) (Academic archaeology on the banks of the Neva [from RAHMC to IHMC RAS, 1919–2013])* / Nosov E. N. (ed.). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2013. 416 p., 88 ill. (in Russian).

Бонгард-Левин и др. 2003 — *Bongrad-Levin G. M., Buharin M. D., Tunkina I. V. Skifskiy mir M. I. Rostovtseva i E. H. Minnza (The Scythian World of M. I. Rostovtsev and E. H. Minnz) // Bongrad-Levin G. M., Litvinenko Yu. N. (eds.). Parfyanskiy vy'strel (Parthian shot)*. M.: ROSSPEN, 2003. P. 477–544 (in Russian).

Бонгард-Левин, Тункина 1997 — *Bongard-Levin G. M., Tunkina I. V. M. I. Rostovtsev i A. A. Vasil'ev: shest' desyatiletiy drujby' i tvorcheskogo sotrudnichestva (M. I. Rostovtsev and A. A. Vasiliev: six decades of friendship and creative cooperation) // Bongard-Levin G. M. (ed.). Skifskiy roman (The Scythian novel)*. M.: ROSSPEN, 1997. P. 259–286 (in Russian).

Вольфцун 2003 — *Vol'fcun L. B. Ernshtedt Elena Viktorovna (Ernshtedt Elena Viktorovna) // Sotrudniki Rossiyskoy nacional'noy biblioteki — deyateli nauki i kul'tury': Biograficheskiy slovar' (Staff members of the Russian National Library — figures of science and culture: Biographical dictionary)*. Vol. 3: Gosudarstvennaya Publichnaya biblioteka v Leningrade — Gosudarstvennaya Publichnaya biblioteka im. M. E. Salty'kova-Sch'edriny. 1931–1945 (*State Public Library in Leningrad — M. E. Saltykov-Shchedrin State Public Library. 1931–1945*). St. Petersburg, 2003. P. 223–225 (in Russian).

Зуев 1997 — *Zuev V. Yu. M. I. Rostovtsev. Gody' v Rossii. Biograficheskaya hronika (M. I. Rostovtsev. Years in Russia. Biographical chronicle) // Bongard-Levin G. M. (ed.). Skifskiy roman (The Scythian novel)*. M.: ROSSPEN, 1997. P. 50–83 (in Russian).

Плютовский 2000 — *Piotrovskiy B. B. Istoriya E`rmitaja. Kratkiy ocherk: Materialy' i dokumenty' (History of the Hermitage. Brief overview: Materials and documents)*. M.: Iskusstvo, 2000. 575 p. (in Russian).

Скифский роман 1997 — *Skifskiy roman (The Scythian novel) / Bongard-Levin G. M. (ed.)*. M.: ROSSPEN, 1997. 624 p. (in Russian).

Тункина 1997 — *Tunkina I. V. M. I. Rostovtsev i Rossiyskaya akademiya nauk (M. I. Rostovtsev and Russian Academy of Sciences) // Bongard-Levin G. M. (ed.). Skifskiy roman (The Scythian novel)*. M.: ROSSPEN, 1997. P. 84–123 (in Russian).

Тункина 2000 — *Tunkina I. V.* «Delo» akademika Jebele'va (*The «case» of the academician Zhebelev*) // Gavrilov A. K. (ed.). *Drevniy mir i my'. Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii: Al'manah (The ancient world and ourselves. Classical heritage in Europe and Russia: Almanac)*. St. Petersburg: Aleteyya, 2000. Vol. 2. P. 116–161 (in Russian).

Тункина 2002 — *Tunkina I. V. M. I. Rostovtsev kak politicheskiy publicist (M. I. Rostovtsev as a political writer)* // *Rostovtsev M. I. Izbranny'e publicisticheskie stat'i. 1906–1923 gody' (Selected political articles. 1906–1923)*. M.: ROSSPEN, 2002. P. 3–4 (in Russian).

Тункина, Фролов 1993 — *Tunkina I. V., Frolov E'. D. Istoriograficheskie e'tyudy' S. A. Jebele'va (Iz neizdannogo nauchnogo naslediya) (Historiographic Studies of S. A. Zhebelev [from the unpublished scientific heritage])* // *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*. 1993. No. 2. P. 172–201 (in Russian).

Эрмитаж... 1990 — *E'rmitaj. Istoriya i sovremennost' (The Hermitage. History and contemporaneity)* / Suslov V. A. (ed.). M.: Iskusstvo, 1990. 368 c. (in Russian).

Rostovtzeff 1929 — *Rostovtzeff M.* The Animal Style in South Russia and China. Being the material of a course of lectures delivered in August 1925 at Princeton University under the auspices of the Harvard-Princeton Fine Arts Club. Princeton: Princeton University Press, 1929. XVI, 112 p., 33 pls.

M. I. Rostovtsev's archival fond in the Special Collections Library at Duke University (North Carolina, Durham, USA). Box 3. Correspondence. Language Russian. Fol. 1920–1926.

The Archive of RAS, St. Petersburg branch, F. 68, inv. list 1, doc. 439; F. 312, inv. list 3, doc. 211; F. 729, inv. list 2, doc. 151 (in Russian).

Scholarly archive of IHMC RAS, MD, F. 2, inv. list 3, doc. 209; F. 35, inv. list 5, doc. 101 (in Russian).

---

---

# СТАТЬИ

---

---

## ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОГО И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА В КАЧЕСТВЕ НАГРАД ГРАЖДАН АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

М. В. СКРЖИНСКАЯ

**Ключевые слова:** *стела, декрет, статуя, вазы.*

В статье впервые собрана небольшая группа сохранившихся предметов изобразительного искусства, которые служили наградами граждан античных государств Северного Причерноморья. Это почетные декреты, записанные на каменных стелах и постаментах статуй, которые стояли в центре города, а также расписные вазы и золотые венки. Автор рассматривает изображения спортивных призов на боспорской фреске и на херсонесском надгробии IV в. до н. э. Фреска позволяет определить, как и где в своем доме эллины хранили полученные награды.

Власти многих древнегреческих государств заказывали скульпторам, ювелирам и живописцам предметы, служившие наградами. Сейчас они составляют незначительную часть из огромного числа найденных при раскопках предметов античного искусства. Их редко рассматривают как комплекс вещей определенного назначения, которые эллины вручали гражданам за политические, экономические и воинские заслуги, а также за победы во время игр, посвященных разным богам. О наградах в античных государствах Северного Причерноморья сейчас известно в основном по надписям, найденным в Тире, Ольвии, Херсонесе и на Боспоре. Самих же произведений такого рода сохранилось немного.

Одной из наиболее распространенных форм наград у эллинов было решение выделить средства для начертания текста почетного декрета на каменной стеле и выставить ее на всеобщее обозрение на видном месте в городе. Такова, например, мраморная стела III в. до н. э. (рис. 1, 1) с декретом в честь херсонесского историка Сириска (IOSPE I<sup>2</sup>: 290, 344). На основании этой надписи



Рис. 1. 1 — мраморная стела с изображением венка и надписью о награждении золотым венком историка Сирика, Херсонес Таврический, III в. до н. э. (по: IOSPE I<sup>2</sup>: 290); 2 — мраморная стела из Пирея, рельеф с изображением боспорских царей Спартока и Перисада и их брата Аполлония, середина IV в. до н. э. (по: Гайдукевич 1949); 3 — золотой наградной оливковый венок из кургана Кекуватского, Пантикапей, середина IV в. до н. э. (по: Уильямс, Огден 1995)

Fig. 1. 1 — marble stele with an image of a wreath and an inscription about awarding the historian Sirisk with a golden wreath, Tauric Chersonesos, III c. BC (after: IOSPE I<sup>2</sup>: 290); 2 — marble stele from Piraeus with a relief image of the Bosphoran kings Spartocus and Perisades and their brother Apollonius, middle of the IV c. BC (after: Гайдукевич 1949); 3 — gold honorary olive wreath from the Kekuvat barrow, Panticapaeum, middle of the IV c. BC (after: Уильямс, Огден 1995)

можно представить, как во время праздника Дионисий в театре, в присутствии множества соотечественников, Сирика венчали золотым венком. Перед этим глашатай читал почетный декрет с перечислением заслуг историка и решением Совета и Народного собрания о награде и выделении денег для начертания постановления на мраморной стеле, которую следовало установить в притворе храма Девы, главного святилища херсонесского государства.

Иногда верхнюю часть подобных стел украшали рельефами; они в Северном Причерноморье весьма немногочисленны. Один из лучших образцов такого рода — бюст Аполлона с кифарой на тимпане фронтона стелы с декретом в честь Антестерия, современника Сирика. Верх памятника украшен акротерием и двумя антефиксами по бокам, а карниз под фронтоном имеет рельеф из изящно вырезанного лесбосского киматия и полосы ов, чередующихся с бутонами лотоса (Виноградов 1984: 51–80, рис. 2, 3).

Сохранилось лишь одно изображение эллинов из Северного Причерноморья, в честь которых был издан почетный декрет. Мраморная стела, найденная в Пирее, теперь находится в экспозиции Национального музея в Афинах. Верх памятника венчают рельефные фигуры трех боспорян, сыновей Левкона I (рис. 1, 2). Опытный скульптор представил царей-соправителей Спартока II и Перисада I и их брата Аполлония (Гайдукевич 1949: 68). Их лица, к сожалению, не сохранились, так что не известно, имели ли они портретные черты. Цари изображены сидящими в кресле с высокой спинкой, а их младший брат стоит рядом. Все трое одеты в греческие плащи гиматии, накинутые на обнаженное тело.

Ниже помещен обширный текст постановления, принятого в апреле 346 г. до н. э. Там сказано, что после смерти Левкона новые цари написали письмо афинскому правительству, в котором обязались соблюдать все прежние договоренности, в частности, поставку хлеба в Афины на льготных условиях. За это афиняне решили награждать большими золотыми венками сыновей Левкона на каждом празднике Великих Панафиней. Лауреаты по традиции посвящали эти венки Афине Полиаде в ее храм на Акрополе, о чем известно из упомянутой надписи. Таким образом, боспорские цари получали лишь заверенный текст документа, но награда оставалась в Афинах. Боспоряне могли гордиться тем, что их портреты и почетный декрет видят наряду с афинянами множество приезжих, прибывавших в Пирей из разных концов греческой ойкумены.

Традиция венчать боспорских царей золотыми венками на афинских праздниках продолжалась и в следующем столетии. В 284 г. до н. э. такую награду получил Спарток III во время Великих Дионисий (Граков 1939: № 4), и его венок тоже остался в афинском храме [Aeschyn. III, 46].

Другие боспорские граждане также удостоивались наград золотым венком, вероятнее всего, не у себя на родине, но эти венки становились их собственностью. Ведь на Боспоре не обнаружено ни одной местной надписи о награждении венком, тогда как в Тире, Ольвии и Херсонесе таких надписей найдено немало (Скржинская 2010: 287). Несколько золотых венков IV в. до н. э. из боспорских могил мы считаем наградными, а не погребальными; об этом говорит их зна-

чительный вес, не характерный для погребальных венков. Кроме того, в то время у греков только зарождался обычай увенчивать венком умершего и делать для этого специальные изделия.

Самый известный по публикациям боспорский оливковый венок (рис. 1, 3) ювелир изготовил в середине IV в. до н. э. (Уильямс, Огден 1995: 165). В кургане Кекуватского был похоронен боспорянин в защитном доспехе, напоминавшем о его военных подвигах. Голову венчал венок, который, по справедливой оценке М. И. Ростовцева (1925: 192), является лучшим по ювелирной работе из всех найденных на Боспоре и, пожалуй, самым большим по весу (около 250 г). Переплетенные стебли ветвей, украшенных круглыми плодами, образуют обруч. Ветви на затылке связаны тонкой проволокой, так что венок можно было завязать по размеру головы. Концы ветвей обрезаны наискось и оформлены пластинками с концентрическими кругами, имитирующими срез. Последнее говорит о том, что мастер думал, как его изделие будет выглядеть сзади, а для погребального венка это было неважно, так как его надевали на лежащего человека, поэтому заднюю часть венка никак не оформляли.

Венок, сделанный в последней трети IV в. до н. э. (Уильямс, Огден 1995: 180–181), также обнаружен в могиле воина, похороненного в кургане Большая Близница на Таманском п-ове. Боспорянина положили в роскошный саркофаг, украшенный пластинами из слоновой кости. В нем сохранились шлем, панцирь, поножи, меч, кинжал, копья, стрелы и шлем с надетым на него золотым оливковым венком (Гайдукевич 1949: 289). Он легче предыдущего (около 168 г), но также тщательно сделан хорошим ювелиром, который посередине каждого листика рельефом обозначил прожилку. Венок особенно интересен тем, что на нем есть следы починки. Это указывает, что при жизни покойный неоднократно надевал его в торжественных случаях и повредил мелкие веточки, которые пришлось чинить.

Во многих городах греческой ойкумены на стелах с декретами и на постаментах статуй нередко встречаются изображения наградных венков из ветвей лавра, оливы, плюща, дуба и некоторых других растений (Guarducci 1969: 21). В Северном Причерноморье лучшие образцы таких памятников исполняли приглашенные мастера. Такова сделанная на рубеже IV–III вв. до н. э. мраморная стела с великолепными рельефными венками. Под ними помещены надписи с наименованием полиса, наградившего гражданина Тиры на Родосе, в Кизике, в Ольвии и еще в трех государствах, названия которых утрачены (Фурманская 1960). Из шести венков полностью сохранились не все: уцелели лавровые венки, ветви которых сзади перевязаны лентами, и венки из плюща с вплетенными в них цветами и ягодами.

Восемь лавровых и плющевых венков украшали постамент статуи херсонесита Агасикла (IOSPE I<sup>2</sup>: 418). За исполнение различных государственных поручений в III в. до н. э. он удостоился редкой чести — конного памятника, от которого сохранился только мраморный пьедестал с текстом почетного декрета

(Виноградов, Щеглов 1990: 350–358). Прочие сведения о награждении статуей в городах Северного Причерноморья известны лишь по надписям. Сами же скульптуры утрачены, поэтому мы не знаем, имели ли портретные черты всадники на статуях эллинистического времени с изображениями Агасикла в Херсонесе, ольвиополита на острове Левка или его соотечественника Никерата в Ольвии (IOSPE I<sup>2</sup>: 34, 325, 418). То же самое относится и к скульптурам во весь рост и бюстам, находившимся в Тире, Ольвии и Херсонесе (IOSPE I<sup>2</sup>: 2, 34, 352, 423, 425). В надписях и редких упоминаниях в античной литературе встречаются сведения о таких памятниках гражданам Северного Причерноморья, установленных в других греческих городах. Статуи боспорских царей стояли в Афинах [Dein. I, 43] (Граков 1939: № 4 и 42), скульптурные изображения ольвиополитов находились в Херсонесе, Византии и Тенедосе (IOSPE I<sup>2</sup>: 34, 78, 79), а памятники херсонеситам — в Ольвии и Тие (НО: № 28; Соломоник 1964: № 13).

Особую группу составляют награды за победы на праздничных агонах. Греки гордились такими призами не меньше, чем заслуженными на ином поприще. По надписям мы знаем, что граждане Херсонеса, Ольвии и Боспора состязались у себя на родине в конных ристаниях и во всех видах античной атлетики (Скржинская 2010: 315–340). Безусловно, чемпионы получали призы, но лишь некоторые археологические находки дают представление об этих наградах.

База статуи II в. до н. э. с надписью о победе в беге Дионисия показывает, что в Ольвии рекордсменов могли наградить статуей. Если государственная казна не имела средств на постановку памятника, то предоставлялось лишь право на подобную награду. Скульптуру Дионисия на свои деньги заказал его отец гимнасиарх Никодром (IOSPE I<sup>2</sup>: 186) и, наверное, поставил в ряду с другими статуями рекордсменов, которые украшали ольвийский гимнасий.

Во многих греческих городах победители в музыкальных, атлетических и конных состязаниях получали ценные предметы прикладного искусства: золотые венки, вазы, наполненные оливковым маслом, и нарядные тени, которыми обвязывали голову. Бронзовая гидрия IV в. до н. э. с надписью «приз из Анакий» обнаружена в богатом херсонесском погребении. Вероятно, приз привез на родину херсонесит, победивший на конных состязаниях во время праздника Анакий в окрестностях Афин (Белов 1948: 64). Это торжество справляли в честь Диоскуров, которых чтили соревнованиями всадников и колесниц.

В конце VI — IV в. до н. э. победители в различных видах агонев на Панафинейх получали по несколько наполненных оливковым маслом амфор с надписью «приз из Афин». Чемпионы имели право продавать свои награды, поэтому находка панафинейской амфоры в погребении не может определенно свидетельствовать, что умерший получил вазу за свою победу. Однако в некоторых случаях обстоятельства находки указывают, что амфора действительно была напоминанием о победе данного человека (Boardman 1985: 170).

Такова, на наш взгляд, панафинейская амфора IV в. до н. э. из погребения знатного и богатого боспорянина, похороненного на мысе Ак-Бурун (ОАК

за 1876 г. 1879: 105, 109; табл. 1, 2). О его высоком положении свидетельствовали многочисленные золотые предметы и, в первую очередь, уникальный золотой убор, о военных подвигах напоминало оружие, а о спортивных достижениях — большая панафинейская амфора за победу в беге. На одной стороне сосуда нарисованы три бегуна, на другой — богиня Афина между двух колонн, увенчанных статуями Ники и Эрота; здесь же помещена надпись, сообщающая, что это награда из Афин, данная при архонте, имя которого не уцелело. В классический период присутствие боспорян в Афинах подтверждается многими источниками (Скржинская 2002), что делает весьма вероятным их участие в афинских агонах.

Панафинейская амфора из хищнических раскопок некрополя Ольвии также, по всей вероятности, служила призом гражданина, завоевавшего первенство в конных состязаниях в III в. до н. э. (Тревер 1918: 3–4; Скржинская 2010: 326). Эта ваза находится сейчас в берлинском музее, и, судя по публикации Д. Бордмана (Boardman 1985: 247, no. 308), ее происхождение забылось. На одной стороне сосуда представлен стоящий на колеснице возница, правящий лошадыми, а на другой нарисована Афина; как обычно на таких амфорах, богиня в шлеме держит в руке щит, но ее изображение разительно отличается от образцов классического времени (рис. 2, 1). Ольвиополит победил в Афинах, вероятно, после своих успехов на местных конных состязаниях, которые постоянно проводились на Ахилловом Дроме, о чем известно из декрета Никерата (IOSPE I<sup>2</sup>: 34).

В эллинистический период панафинейские амфоры по традиции расписывались в давно вышедшем из моды чернофигурном стиле и не пользовались спросом, как прежде, когда их стремились иметь не только спортсмены. Поэтому такие вазы были дороги лишь участникам агонов, и ольвийскую амфору поместили в могилу в качестве любимого приза, напоминавшего о некогда славной победе.

Вероятно, вазы, наполненные оливковым маслом, в эллинистическое время вручали победителям на играх в честь Ахилла, проходивших под патронатом Ольвии на Тендровской косе, куда съезжались эллины из многих греческих городов. Одна такая амфора из ольвийского некрополя (Рождение Олимпийских игр 2004: 90–94, № 166), наверное, служила наградой победителя в конских ристаниях на этих играх. Ваза украшена росписью, выполненной в чернофигурном стиле, сохранявшемся лишь на призовых панафинейских амфорах и некоторых ритуальных сосудах (рис. 2, 2). На ее роль приза указывают лавровые гирлянды на плечиках сосуда и сюжет росписи. На одной стороне художник нарисовал возницу, правящего четверкой лошадей, а на другой — мчащегося всадника, который, как и квадрига, устремляется к помещенным под ручками вазы колонкам. Так изображены меты, столбы на двух концах ипподрома, которые обозначали границы поворота колесниц и всадников.



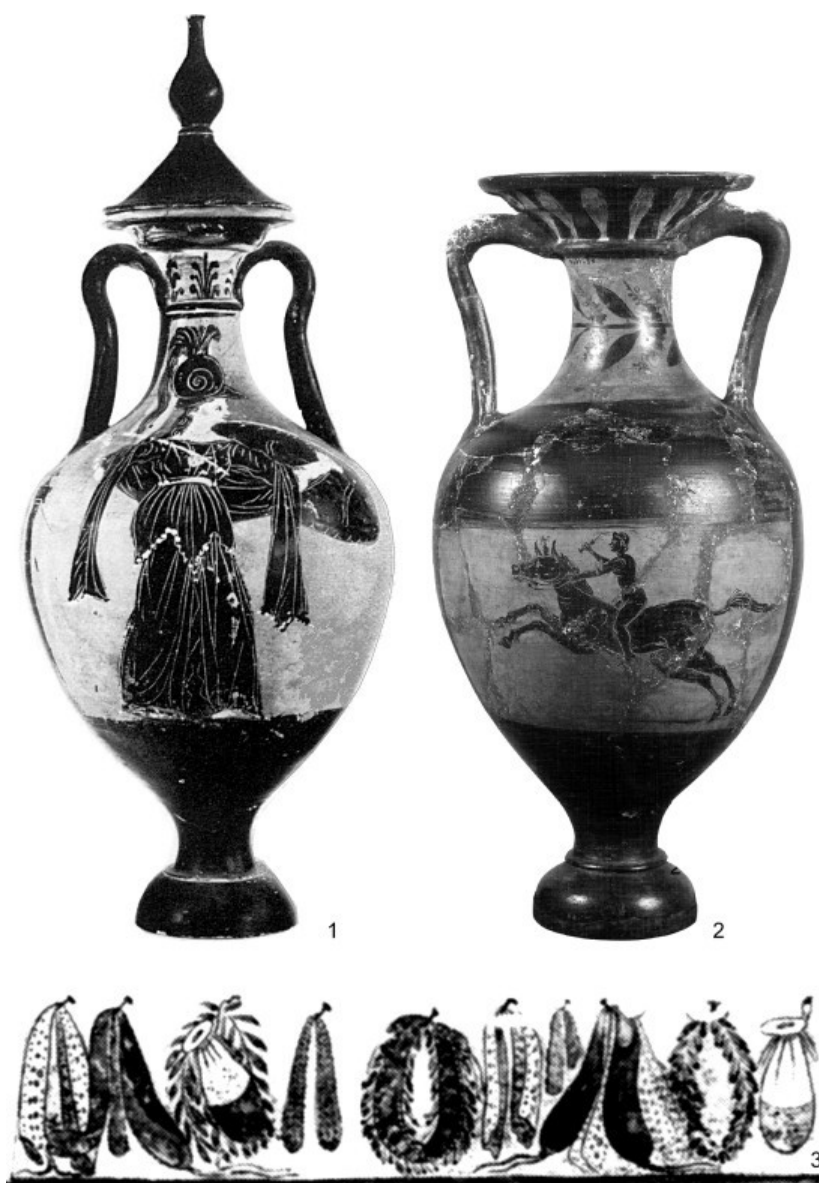


Рис. 2. 1 — панафинейская амфора эллинистического периода, Ольвия (по: Тревер 1918); 2 — призовая амфора эллинистического периода, Ольвия (по: Рождение Олимпийских игр 2004); 3 — фреска с изображением висящих на стене венков и тений, Пантикапей, конец IV — начало III в. до н. э. (по: Блаватский 1964)

Fig. 2. 1 — panathenaic amphora of the Hellenic period, Olbia (after: Тревер 1918); 2 — prize amphora of the Hellenic period, Olbia (after: The birth of Olympic games 2004); 3 — fresco with an image of taenias and garlands hanging on a wall, Panticapaeum, late IV — early III c. BC (after: Блаватский 1964)

В ольвийском некрополе найдена еще одна подобная амфора; в ее росписи, наряду с возницей на колеснице, представлен метатель копья (Фармаковский 1903: 29, 30). Вероятно, ольвиополиты не просто покупали, а специально заказывали для победителей подобные амфоры в Афинах. Изображение конных состязаний не случайно, ведь именно о них как самых престижных на Ахилловом Дроме написано в упомянутом декрете Никерата, изданном во II в. до н. э. О том, что в государствах Северного Причерноморья могли заказывать в Афинах партии сосудов, имевших заранее определенную форму и сюжет росписи, известно по находкам так называемых боспорских пелик и рыбных блюд с изображением похищения Европы (Кобылина 1951; Скржинская 2005: 372).

Наградные головные повязки тении наряду с венками были у греков распространенными наградами на спортивных агонах. Херсонесский атлет Феофант во второй половине IV в. до н. э. неоднократно получал тении, возможно, не только на местных состязаниях. Поэтому на рельефе его надгробной стелы центральное место занимают четыре широких тении с узкими тесемками для завязывания, а более мелко представлены принадлежности палестрита: стригиль, сосуд для масла и сетка (рис. 3; Соломоник 1973: 180–183).

Тении и венки вместе с необходимыми для спортсмена сосудами для масла и стригилем изображены на фреске склепа боспорского атлета, современника Феофанта (рис. 2, 3; Ростовцев 1914: 71, табл. 26, 27). По рисунку нельзя понять, были ли наградные венки боспорянина золотыми, или, как было принято на многих играх, они состояли из ветвей растений. Фреска дает возможность узнать, как и где чемпионы хранили свои награды. Живописец показал, что их вешали на гвозди, вбитые в верхнюю часть стены, где находилась деревянная балка. Ниже стена окрашена в излюбленный для греческих парадных комнат красный цвет, а к полу примыкает светлый,



Рис. 3. Известняковая надгробная стела Феофанта с изображением четырех тении, Херсонес Таврический, конец IV — начало III в. до н. э. (по: Соломоник 1973)

Fig. 3. Limestone burial stele of Theophantus with a depiction of four taeniai, Tauric Chersonesos, late IV — early III c. BC (after: Соломоник 1973)

наверное, каменный цоколь. Надо полагать, что хозяин дома размещал свои гражданские и спортивные награды в андроне, где принимал гостей и мог им рассказывать, где и когда он удостоился этих призов. Такие предметы, как правило, исполненные хорошими мастерами, служили также украшением интерьера.

Итак, граждане государств Северного Причерноморья получали в качестве наград произведения как монументального, так и прикладного искусства. Все они не отличались от наград в других городах Эллады и в ее колониях. В отличие от властей демократических государств Тире, Ольвии и Херсонеса, боспорские цари не награждали своих подданных стелами с почетными декретами, золотыми венками и статуями. Такие награды боспоряне получали лишь за пределами своей родины.

Граждане гордились своими статуями и почетными декретами, записанными на мраморных стелах, выставленных на видных местах в городе. Произведения прикладного искусства, служившие наградами, развешивали в парадных комнатах дома, показывали гостям, а после смерти призы часто помещали в могилу, чтобы эти любимые при жизни вещи сопровождали умершего.

### Литература

- Белов 1948 — *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л.: Изд-во ГЭ, 1948. 147 с.
- Блаватский 1964 — *Блаватский В. Д.* Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964. 232 с.
- Виноградов 1984 — *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 51–81.
- Виноградов, Щеглов 1990 — *Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Голубцова Е. В. (отв. ред.). Эллинизм: Экономика, культура, политика. М.: Наука, 1990. С. 310–371.
- Гайдукевич 1949 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 624 с.
- Граков 1939 — *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 231–315.
- Зограф 1941 — *Зограф А. Н.* Находки монет в местах предполагаемых святилищ на Черноморье // СА. 1941. Т. 7. С. 152–160.
- Кобылина 1951 — *Кобылина М. М.* Поздние боспорские пелики // Блаватский В. Д., Граков Б. Н. (ред.). Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 1. С. 136–170 (МИА. № 19).
- НО — Надписи Ольвии (1917–1965) / Книпович Т. Н., Леви Е. И. (ред.). Л.: Наука, 1968. 199 с.
- ОАК за 1876 г. 1879 — Отчет ИАК за 1876 г. СПб., 1879. 278 с.
- Рождение Олимпийских игр 2004 — Рождение Олимпийских игр: Каталог выставки / Журавлев Д. В. (ред.). М.: Изд-во Государственного исторического музея, 2004. 111 с.
- Ростовцев 1914 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Пг.: ИАК, 1914. 537 с.
- Ростовцев 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Пг.: Типогр. I Ленинградской Трудовой Артели Печатников, 1925. 620 с.
- Скржинская 2002 — *Скржинская М. В.* Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. 2002. № 2. С. 133–144.

Скржинская 2005 — *Скржинская М. В.* Миф о похищении Европы и его символическое толкование на Боспоре в IV в. до н. э. // Иванова О. Ю. (ред.). *Στεφανος*: Сб. науч. тр. М.: Изд-во Российского нового университета, 2005. 471 с.

Скржинская 2010 — *Скржинская М. В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. 399 с.

Соломоник 1964 — *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1964. 196 с.

Соломоник 1973 — *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лапидарные надписи. Киев: Наукова думка, 1973. 283 с.

Тревер 1918 — *Тревер К. В.* Ольвийская полихромная амфора 1901 г. Пг., 1918. 67 с. (Материалы по археологии России. № 36).

Уильямс, Огден 1995 — *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э. СПб.: Славия, 1995. 272 с.

Фармаковский 1903 — *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя Ольвии в 1901 году. СПб., 1903. 115 с. (Известия ИАК. Вып. 8).

Фурманская 1960 — *Фурманская А. И.* Новый эпиграфический памятник из Тире // СА. 1960. № 4. С. 173–179.

Boardman 1985 — *Boardman J.* Athenian Black Figure Vases. London: Thames and Hudson, 1985. 252 p.

IOSPE I<sup>2</sup> — *Latyshev B.* Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916. 592 p.

Guarducci 1969 — *Guarducci M.* Epigrafia Greca. Roma: Instituto Poligrafico della Stato, 1969. T. 2. 768 p.

## MONUMENTAL AND APPLIED ART PIECES USED AS AWARDS FOR THE CITIZENS OF THE ANTIQUE STATES OF THE NORTH BLACK SEA REGION

M. V. SKRZHINSKAYA

**Keywords:** *stele, decree, stature, vases.*

The paper introduces a small group of art pieces which served as awards for citizens of the antique states of the North Black Sea region. They include honorary decrees written on stone steles and basements of statures, as well as painted vases and gold wreaths. The author analyzes the depictions of sport prizes on a Bosporan fresco and a Chersonesos tombstone of the IV c. BC. The fresco shows how and where the Hellenes stored their awards in their houses.

### Literature

Белов 1948 — *Belov G. D.* Hersones Tavricheskii (*Tauric Chersonesos*). L.: State Hermitage, 1948. 147 p. (in Russian).

Блаватский 1964 — *Blavatskiy V. D.* Pantikapey: Ocherki istorii stolicy' Bospora (*Pantikaepum: An essay of the history of the capital city of Bosporus*). М.: Nauka, 1964. 232 p. (in Russian).

Виноградов 1984 — *Vinogradov Yu. G.* Dekret v chest' Antesteriya i krizis Ol'viyskogo polisa v e' pohnu e' llinizma (*A Decree Honouring Anthesterios and the Critical Situation in Olbia in the Hellenistic Epoch*) // *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*. 1984. No. 1. P. 51–81 (in Russian).

Виноградов, Щеглов 1990 — *Vinogradov Yu. G., Sch'eglov A. N. Obrazovanie territorial'nogo Hersonesskogo gosudarstva (The formation of the territorial state of Chersonesos)* // Golubcova E. V. (ed.). *E'llinizm: E'konomika, kul'tura, politika (Hellenism: economy, culture, politics)*. M.: Nauka, 1990. P. 310–371 (in Russian).

Гайдукевич 1949 — *Gaydukevich V. F. Bosporskoe carstvo (Bosporan kingdom)*. M.; L.: AS of the USSR, 1949. 624 p. (in Russian).

Граков 1939 — *Grakov B. N. Materialy' po istorii Skifii v grecheskih nadpisyah Balkanskogo poluostrova i Maloy Azii (Inscriptions grecque à la péninsule des Balkans et à l'Asie Mineure relatives à l'histoire des Scythes)* // *Vestnik drevney istorii (Revue d'histoire ancienne)*. 1939. No. 3. P. 231–315 (in Russian).

Зорграф 1941 — *Zograf A. N. Nahodki monet v mestah predpolagaemy'h svyatilisch' na Chernomor'e (Zograph A. Trouvailles de monnaies aux emplacements de sanctuaries antiques près-umès dans la région de la mer Noire)* // SA. 1941. Vol. 7. P. 152–160 (in Russian).

Кобылина 1951 — *Kobylyina M. M. Pozdnie bosporskie peliki (Late Bosporan pelikes)* // Blavatskiy V. D., Grakov B. N. (ed.). *Materialy' po arheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu e'pohu (Materials on the archaeology of the North Black Sea region of the classical period)*. M.: AS of the USSR, 1951. Vol. 1. P. 136–170 (MSA. No. 19) (in Russian).

НО — *Nadpisi Ol'vii (1917–1965) (Olbian inscriptions [1917–1965])* / Knipovich T. N., Levi E. I. (eds.). L.: Nauka, 1968. 199 p. (in Russian).

ОАК за 1876 г. 1879 — *Otchet Imp. Arheologicheskoy komisii za 1876 g. (1876 report of the Imperial Archaeological Commission)*. St. Petersburg, 1879. 278 p. (in Russian).

Рождение Олимпийских игр 2004 — *Rojdenie Olimpiyskikh igr: Katalog vy'stavki (The birth of Olympic games: Exhibition catalogue)* / Juravlev D. V. (ed.). M.: State Historical Museum, 2004. 111 p. (in Russian).

Ростовцев 1914 — *Rostovtsev M. I. Antichnaya dekorativnaya jivopis' na yuge Rossii (Classical antiquity decorative paintings in the south of Russia)*. Petrograd: Imperial Archaeological Commission, 1914. 537 p. (in Russian).

Ростовцев 1925 — *Rostovtsev M. I. Skifiya i Bospor (Scythia and Bosphorus)*. Petrograd: Typography of the 1<sup>st</sup> Leningrad Labor Cooperative of Printers, 1925. 620 p. (in Russian).

Скржинская 2002 — *Skrjinskaya M. V. Ol'viopolity' i bosporyane v Afinah (Olbiopolitai and Bosporanians in Athens)* // *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*. 2002. No. 2. P. 133–144 (in Russian).

Скржинская 2005 — *Skrjinskaya M. V. Mif o pohisch'enii Evropy' i ego simvolicheskoe tolkovanie na Bospore v IV v. do n. e'. (Myth of the abduction of Europa and its symbolic interpretation on the Bosphorus in the IV c. BC)* // Ivanova O. Yu. (ed.). *Στεφανος: Collection of science works*. M.: Russian New University, 2005. 471 p. (in Russian).

Скржинская 2010 — *Skrjinskaya M. V. Drevnegrecheskie prazdniki v E'llade i Severnom Prichernomor'e (Ancient Greek festivals in Hellas and the North Black Sea region)*. St. Petersburg: Aleteya, 2010. 399 p. (in Russian).

Соломоник 1964 — *Solomonik E. I. Novy'e e'pigraficheskie pamyatniki Hersonesa (New epigraphic monuments of Chersonesos)*. Kiev: Naukova dumka, 1964. 196 p. (in Russian).

Соломоник 1973 — *Solomonik E. I. Novy'e e'pigraficheskie pamyatniki Hersonesa. Lapidarny'e nadpisi (New epigraphic monuments of Chersonesos. Lapidary inscriptions)*. Kiev: Naukova dumka, 1973. 283 p. (in Russian).

Тревер 1918 — *Trever K. V. Ol'viyskaya polihromnaya amfora 1901 g. (Olbian polychromous amphora 1901)*. Petrograd, 1918. 67 p. (Materials on the archaeology of Russia. No. 36) (in Russian).

Уильямс, Огден 1995 — *Uil'yams D., Ogden D. Grecheskoe zoloto. Yuvelirnoe iskusstvo klassicheskoy e'pohi V–IV vv. do n. e'.* (*Greek gold. Jewelry art of the Classcal Epoch, V–IV cc. BC*). St. Petersburg: Slavia, 1995. 272 p. (in Russian).

Фармаковский 1903 — *Farmakovskiy B. V. Raskopki nekropolya Ol'vii v 1901 godu (Excavations of the necropolis of Olbia in 1901)*. St. Petersburg, 1903. 115 p. (Reports of the Imperial Archaeological Commission. Vol. 8) (in Russian).

Фурманская 1960 — *Furmanskaya A. I. Novy'y e'pigraficheskiy pamyatnik iz Tiry' (Nouvel monument épigraphique de Tyras)* // SA. 1960. No. 4. P. 173–179 (in Russian).

Boardman 1985 — *Boardman J. Athenian Black Figure Vases*. London: Thames and Hudson, 1985. 252 p.

IOSPE I<sup>2</sup> — *Latyshev B. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini*. Petropoli, 1916. 592 p.

Guarducci 1969 — *Guarducci M. Epigrafia Greca*. Roma: Instituto Poligrafico della Stato, 1969. T. 2. 768 p.

# ПРЕДМЕСТЬЕ ОЛЬВИИ В СВЕТЕ НОВЫХ УКРАИНСКО-ГЕРМАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. В. БУЙСКИХ, Й. ФОРНАСЬЕ, А. Г. КУЗЬМИЩЕВ

**Ключевые слова:** *Северное Причерноморье, Ольвия, предместье, землянка, хронология, чернофигурная аттическая керамика, сырцово-каменный дом.*

Статья освещает первые результаты совместного украинско-германского проекта, посвященного исследованию предместья Ольвии. Эта поселенческая структура, открытая к западу от ольвийского городища в 1970–1990-х гг. на площади в несколько гектаров, получила в историографии дискуссионную интерпретацию. Наиболее спорным оказался ранний этап жизни предместья, невыясненными остались вопросы функциональной интерпретации открытых объектов, более длительного, чем в городе, существования примитивных заглубленных жилищ. Для решения этих и ряда других вопросов в рамках проекта началось исследование площади, прилегающей к древней дороге, которая вела к Западным воротам (рис. 1, 1). Здесь выявлены строительные остатки двух периодов существования предместья (рис. 1, 2). Ранний горизонт представлен земляночными сооружениями, поздний — остатками впервые выявленных наземных сырцово-каменных построек с очагом во дворе, хозяйственными ямами и углублениями. Землянка № 15 (рис. 2, 1) раскрыта полностью. Фрагменты чернофигурной аттической керамики с уровня пола (рис. 2, 2–7) позволили отнести ее появление ко времени не позднее 500 г. до н. э., материалы из заполнения (рис. 3) свидетельствуют, что она была засыпана не позднее начала последней трети или последней четверти V в. до н. э. Землянка № 16 раскрыта частично (рис. 4, 1), ранний материал из ее заполнения (рис. 4, 2–5) синхронен найденному в землянке № 15. Обе землянки после засыпи были перекрыты сырцовой трамбовкой, на которой оказались возведены объекты второго строительного периода. Время их существования — последняя треть/четверть V — первая треть/четверть IV в. до н. э. Найдена литейная форма для изготовления свинцовых пряслиц (рис. 4, 6). Этот факт позволяет корректировать мнение об отсутствии в предместье ремесленного производства. Исследования ольвийского предместья планируется продолжить.

Ольвия — один из немногих античных городов Причерноморья, который, помимо собственно городской территории, включал в свою поселенческую зону еще и предместье. Согласно Ю. И. Козуб, автору его открытия, предместье сформировалось на основе поселения, которое существовало на северо-западном плато Заячьей балки в конце VI — начале V в. до н. э. При этом его роль в структуре города осталась неизвестной. В раннее время Ольвия еще не имела регламентированных границ, поэтому Заячья балка и отделяла архаический город от этого поселения. В полноценное предместье оно превратилось после середины V в. до н. э., когда город, как считается, был обнесен оборонительной стеной, и просуществовало до первой четверти IV в. до н. э. Во второй половине V в. до н. э. площадь предместья составляла около 10–15 га. В процессе раскопок удалось проследить два строительных периода, разделенные нивелировочным

слоем (Козуб 1979: 3, 7). Данные археологии, таким образом, подтвердили упоминание предместья (προόστειον) в новелле Геродота о посещениях Ольвии скифским царем Скилом [Hdt. 4, 78]. Предместье состояло из жилых и хозяйственных структур, печей, ям, цистерн, как правило, заглубленных в материк; отдельно было выделено святилище, расположенное севернее (Козуб 1975: 139 сл.). Отсутствие орудий труда позволило высказать предположение об отсутствии здесь производственных комплексов (Козуб 1979: 29).

Однако в силу того, что строительные остатки раннего горизонта имели плохую сохранность, а археологический материал не был опубликован в полной мере, многие важные вопросы, особенно связанные с начальным этапом существования предместья, остались невыясненными. Вследствие этого была высказана альтернативная точка зрения, согласно которой его жилые и хозяйственные комплексы датируются, в основном, V в. до н. э., а появление связано с оттоком населения из поселений хоры в Ольвию после прекращения их существования в конце последней трети этого столетия (Крижицкий, Русяева 1978: 23; критику нижней даты см. также: Крыжицкий 1982: 14). К подобному заключению пришел и К. К. Марченко, считая искусственным отнесение открытых строительных комплексов к позднеархаической Ольвии. Им была предложена трактовка предместья как резервации — места длительного обитания «гетерогенного варварского элемента», переселенного сюда из поселений хоры с целью его сохранения для дальнейшего привлечения при реколонизации хоры в IV в. до н. э. (Марченко 1982: 127 сл.). Такое предложение связано с проблемой трактовкой жизненного уклада и занятий жителей предместья, отличавшихся, как тогда казалось, от таковых у обитателей города.

Следует отметить, что эти предложения не нашли дальнейшей поддержки, но и не вызвали дискуссию и, тем более, не были аргументированно пересмотрены. Несмотря на системное накопление материалов в процессе дальнейших раскопок, историография вопроса не претерпела изменений (см., например: Крыжицкий, Лейпунская 1999: 94–95). Поэтому роли предместья и особенно раннего поселения в структуре позднеархаической Ольвии продолжают оставаться неизвестными.

Все сказанное послужило причиной того, что ольвийское предместье как поселенческая структура *extra muros* — ее современная хронология с акцентом на начальный и финальный периоды существования, особенности застройки и пространственного развития, хозяйственный уклад жителей, керамический комплекс, соотношение предместья с городом и его некрополем — составили тему нового мультидисциплинарного исследовательского проекта<sup>1</sup>. Полевые исследования предварила геофизическая съемка, проведенная в 2014 г. и охватившая площадь порядка 6 га, преимущественно на территории предместья и некрополя (Patzelt et al. 2016: 3 ff.)<sup>2</sup>. По ее результатам были намечены

<sup>1</sup> Проект при финансовой поддержке Германского исследовательского Общества (DFG) выполняется Институтом археологии НАН Украины (руководитель А. В. Буйских) и Университетом им. Гете, Франкфурт-на-Майне, ФРГ (руководитель Й. Форнасье [J. Fornasier]) с 2015 г.

<sup>2</sup> Геофизические исследования выполнены А. Патцельтом (A. Patzelt) при финансовой поддержке Фонда Фритца Тиссена.



перспективные для исследования участки. Один из них (Некрополь-4) находится по левой стороне I юго-западной древней дороги, напротив Западных городских ворот, в чуть более сотне метров от них (рис. 1, 1). Здесь съемка показала положительные аномалии в виде цепи округлых и/или прямоугольных объектов, которые и были предположительно трактованы как углубленные структуры предместья.

Раскопки 2015 г. подтвердили это предположение — на площади в 100 м<sup>2</sup> раскрыт новый участок предместья (рис. 1, 2). Оказалось, что в этом месте полностью отсутствуют погребения некрополя. Работами были выявлены строительные остатки предместья, причем двух хронологических периодов его существования. Первый из них представлен двумя землянками, одну из которых удалось выявить полностью, а вторую — частично. Ко второму периоду относятся остатки кладок наземного сырцово-каменного дома, развалы каменных и сырцовых кладок, несколько углублений и очагов во дворе, а также погребение собаки. В этой публикации мы обращаем наиболее детальное внимание на хронологический аспект — время появления наиболее ранних сооружений, продолжительность их бытования и смену следующим строительным периодом.

Землянка № 15 (рис. 2, 1) округлая в плане по верхнему контуру и подпрямоугольная на уровне дна котлована; со входом, оформленным в виде двух ступенек с юго-западной стороны, диаметром в придонной части около 3 м. Под стеной в восточной части раскрыта материковая «лежанка», с севера устроена ниша, по полу выявлены углубления для установки сосудов. По центру дна на полу находился известняковый плоский подпятник для установки столба, поддерживавшего коническую крышу, неподалеку найдено небольшое известняковое корытце. Уровни пола образованы несколькими слоями натоптанной глины с золой, углями, сырцом. Максимально сохранившаяся глубина сооружения составила 1,25 м, это значит, что над бортами котлована наверняка была сооружена невысокая наземная стена из сырца, на которую опиралась коническая кровля. При рассмотрении возможных вариантов назначения землянки мы приняли во внимание большое количество углублений в полу и нишу в интерьере, что, наряду с корытцем, позволяет предложить скорее ее складской, чем жилой характер.

Материалы из заполнения и уровней пола многочисленны<sup>3</sup>. На нижних уровнях пола, в нишах и при расчистке ступенек были выявлены фрагменты хиосских пухлогорлых амфор раннего варианта III-A (Монахов 2003: табл. 3, 4–6; 4, 1–5), Лесбоса красноглиняного варианта типа I-B (Там же: табл. 30, 4–6; 31, 1–2), Клазомен вариантов 3–5 (Там же: табл. 32, 3–4; 33, 1–3) и Фасоса пифоидного типа серии I-A-1 (Там же: табл. 34, 1–4). Обращает внимание отсутствие фрагментов амфор Хиоса с неокрашенными профильными частями. Среди агтической чернолаковой посуды выделяются фрагменты чаш «безлистной группы» с дионисийскими сюжетами (рис. 2, 2–3), датирующиеся около 510–490 гг. до н. э. (CVA: Russia 18, 10: pl. 82, 1–3, 5), а также с цветочным декором и накладными

<sup>3</sup> Здесь и далее мы рассматриваем только те фрагменты, которые можно узко датировать. Публикация всего керамического комплекса является отдельной задачей.

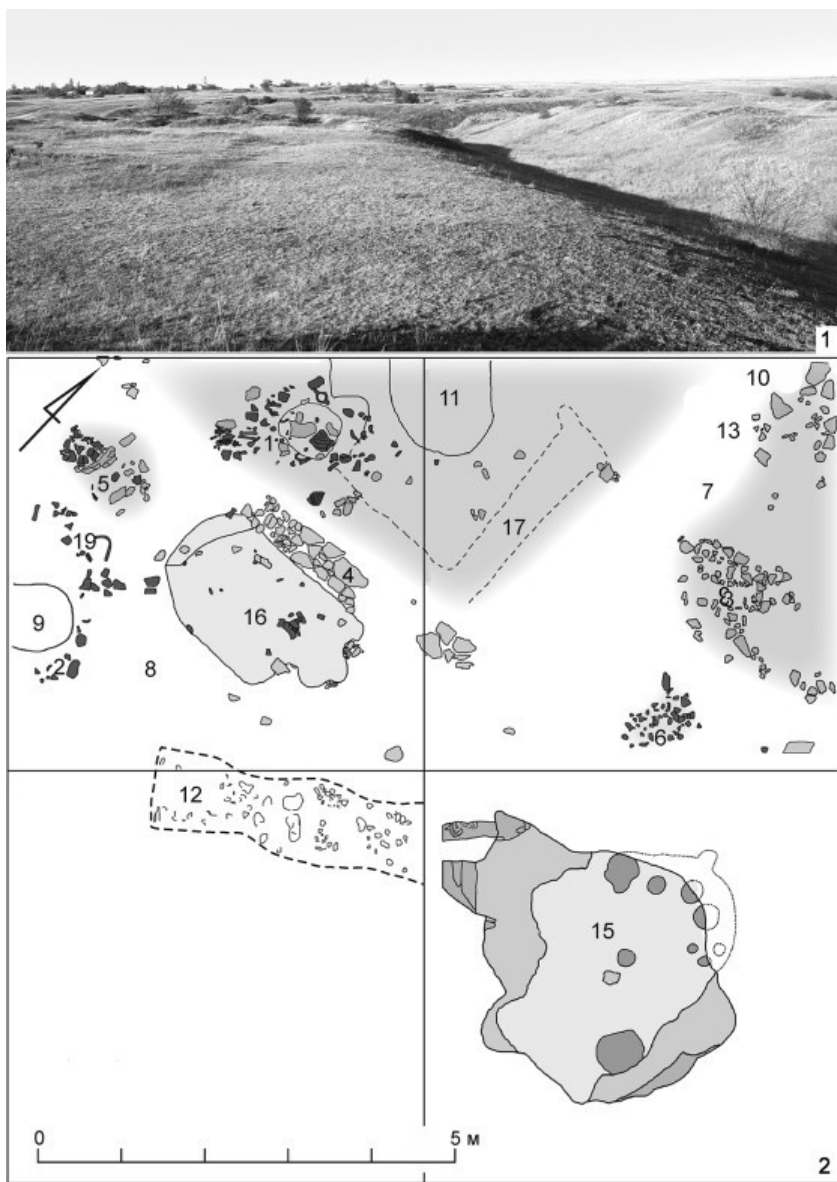


Рис. 1. 1 — левая сторона древней дороги, ведущей к Западным воротам Ольвии, перед началом работ, общий вид с 3; 2 — участок Некрополь-4, план (1, 9, 11 — углубления; 2, 6, 19 — скопления керамики; 3, 10 — завалы камней; 5 — очаг; 7, 8 — сырцовые трамбовки; 12, 17 — сырцовые стены; 13 — уровень пола; 15, 16 — полужемлянки)

Fig. 1. 1 — left side of the road leading to the Western gates of Olbia, general view from the west before the beginning of the works; 2 — plan of the Necropolis-4 area (1, 9, 11 — pits; 2, 6, 19 — accumulations of pottery; 3, 10 — stone rubbles; 5 — oven; 7, 8 — adobe compactions; 12, 17 — adobe walls; 13 — floor level; 15, 16 — semi-subterranean structures)



Рис. 2. Землянка № 15: 1 — вид с ЮЗ; 2–10 — находки из уровней пола (2–7 — фрагменты чернофигурной аттической посуды; 8–9 — «намотки», керамика; 10 — миниатюрная фигурка собаки, бронза)

Fig. 2. Dugout 15: 1 — southwestern view; 2–10 — finds from the floor levels (2–7 — fragments of black-figured Attic ware; 8–9 — «wrappings», pottery; 10 — miniature dog figurine, bronze)

красками (floral band-cups) (рис. 2, 4) с датами в пределах 520–510 гг. до н. э. (Ibid.: pl. 45, 6); глубокий скифос с изображением крыла сидящего сфинкса и стоящей рядом фигуры (рис. 2, 5), около 510–500 г. до н. э. (CVA: Deutschland 84, 2: Taf. 24, 3, 5; CVA: Deutschland 79, 1: Taf. 43, 3–4); последними десятилетиями VI в. до н. э. датируется и фрагмент килика с изображением виноградной лозы между двумя фигурами (?) (рис. 2, 7). Найден также фрагмент чаши (band-cup) с частью пальметты в зоне ручки (рис. 2, 6) того же времени. Обнаружены две «намотки» (рис. 2, 8–9) — керамические вотивы, характерные для заполненных строительных комплексов второй половины VI в. до н. э. в Ольвии (Крижицкий, Русяева 1978: 18, рис. 10), и миниатюрная бронзовая литая фигурка собаки (рис. 2, 10).

Тщательная фиксация находок в заполнении землянки в процессе раскопок позволила определить время не только ее появления, но и прекращения существования, а также нивелировки засыпи при устройстве объектов следующего строительного периода. Время образования засыпи определяется находками обломков амфорной тары Хиоса позднепухлогорлого III-C варианта (Монахов 2003: табл. 7, 1–6). Аттическая чернофигурная посуда представлена фрагментированным лекифом мастерской Бельдам (рис. 3, 1) 460–440 гг. до н. э. (CVA: Deutschland 83, 3: Taf. 84, 12–13; CVA: Sweden 4, 2: pl. 16, 1–5). Значительны находки фрагментов чернолаковой керамики, среди которой лишь небольшая часть относится к первой половине V в. до н. э. (чаша-скифос 490–480 гг. до н. э.) (Sparkes, Talkott 1970: cat. no. 573), а основная масса — к третьей четверти этого столетия. Это фрагменты чаш с каннелюрами по тулову (рис. 3, 2) (Ibid.: cat. no. 230), со штампованным декором по внешней стенке (рис. 3, 3–4) (Ibid.: cat. no. 633, 635), со штампованным орнаментом по дну (рис. 3, 5, 6, 8) (Ibid.: cat. no. 476, 486–498). Кроме того, найдена бронзовая ольвийская литая монета — асс младшего номинала (л. с.: голова Горгоны в фас; о. с.: колесо, между спицами АΡΙΧ), около 438–410 гг. до н. э. (Анохин 1989: кат. № 12–14).

Землянка № 16 (рис. 4, 1) имела подпрямоугольную в плане форму, ее заполнение было выбрано на 0,35 м и законсервировано до следующего полевого сезона. Ранние материалы из засыпи землянки № 16 представлены фрагментами амфор Хиоса раннего варианта III-A с кружками-дипинти и развитого варианта III-B (Монахов 2003: табл. 3, 4–6; 4, 1–5), Лесбоса (красноглиняный вариант) и Клазомен вариантов 3–5 (Там же: табл. 32, 3–4; 33, 1–3). Уточнить датировку находок из заполнения помогают фрагменты чернофигурных аттических сосудов: медальон чаши с изображением танцующего Силена (рис. 4, 2) — стилистически близкие сосуды хорошо известны по материалам ольвийского некрополя и принадлежат чашам «безлистной группы», около 510–490 гг. до н. э. (CVA: Russia 15, 7: pl. 54, 1–7; 56, 1–7); край глубокого скифоса с плющевой гирляндой (рис. 4, 3). Время производства таких сосудов укладывается в последнее десятилетие VI в. до н. э. (Moore, Phillipides 1986: cat. no. 1483–1484, 1486, 1489–1490, 1607; CVA: Deutschland 84, 2: Taf. 24, 4). Кроме того, найдены

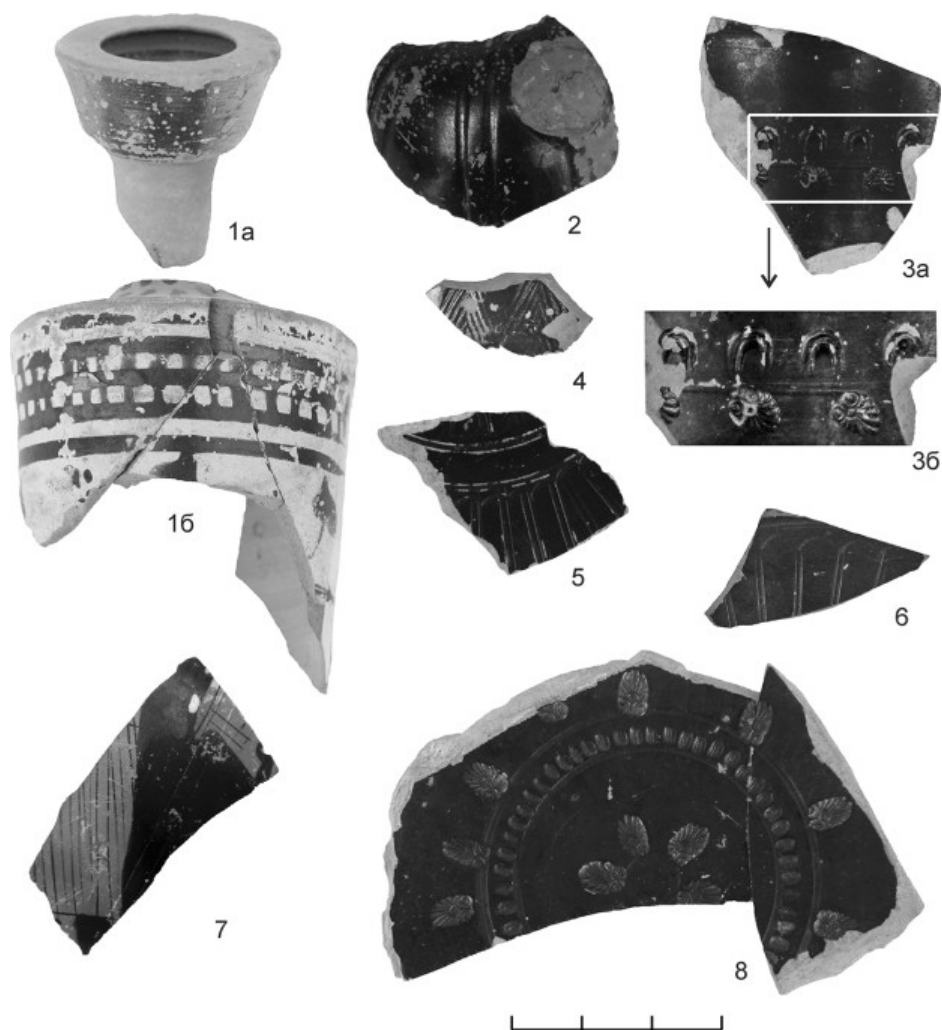


Рис. 3. Керамика из засыпи землянки № 15 и из углубления № 1 (7): 1 — лециф мастерской Бельдам; 2–6, 8 — фрагменты чернолаковой аттической посуды; 7 — фрагмент краснофигурного аттического сосуда

Fig. 3. Pottery from the infill of dugout 15 and pit 1 (7): 1 — lecythus from the Beldam workshop; 2–6, 8 — fragments of black-glazed Attic ware; 7 — fragment of a red-figured Attic vessel

стенка ионийской «полосатой» столовой амфоры (рис. 4, 4) — такие сосуды типичны для керамического комплекса Ольвии второй половины VI в. до н. э. (Буйских 2013: кат. № 9.11–9.12). Среди находок представлен фрагмент чаши, скорее всего, принадлежавший местной имитации ионийского килика (рис. 4, 5). Обломки таких чаш также известны в Ольвии, в комплексах последней четверти этого столетия (Там же: кат. № 5.63–5.65).

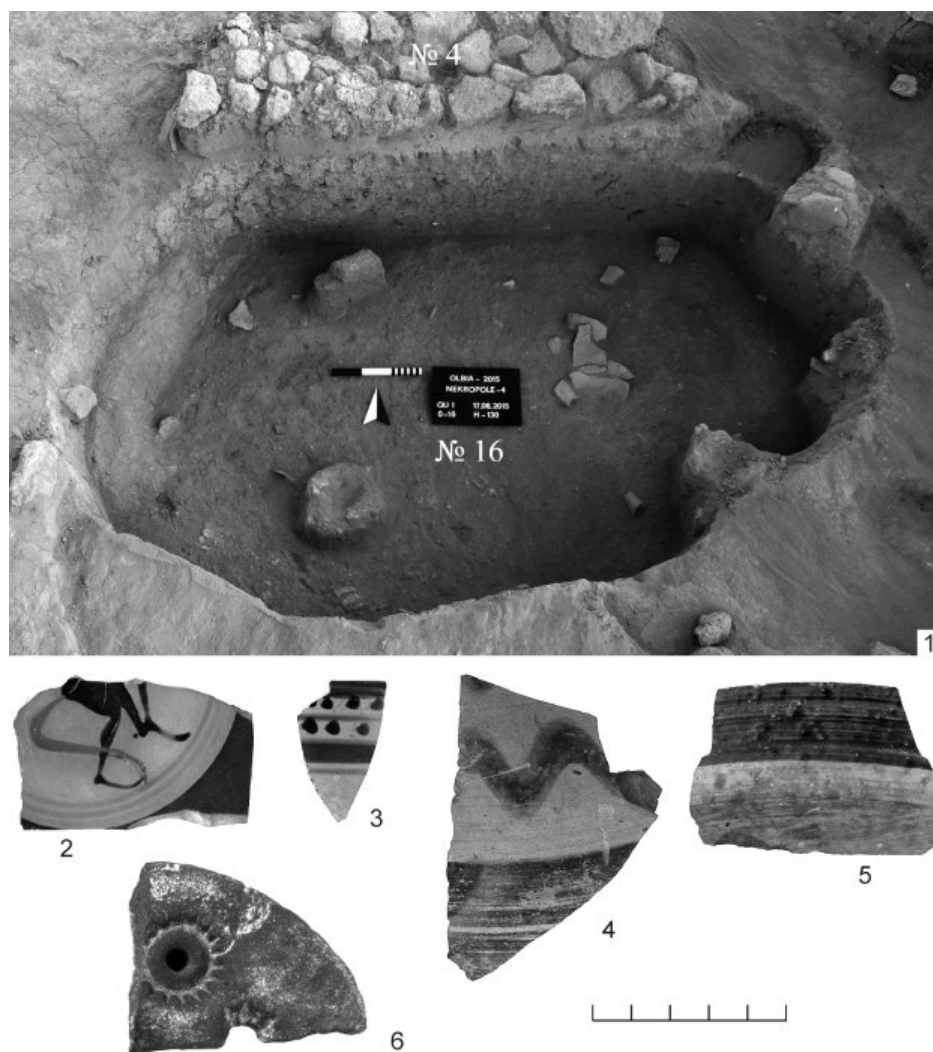


Рис. 4. 1 — землянка № 16, кладка № 4, вид с Ю; 2–5 — керамика из землянки № 16 (2–3 — фрагменты чернофигурной аттической посуды; 4 — фрагмент восточногреческого полосатого сосуда; 5 — фрагмент местной имитации ионийского килика); 6 — каменная литейная форма для изготовления свинцовых пряслиц

Fig. 4. 1 — dugout 16, masonry 4, south view; 2–5 — pottery from dugout 16 (2–3 — fragments of black-figured Attic ware; 4 — fragment of an East Greek simple-waved vessel; 5 — fragment of a local copy of the Ionian cup); 6 — stone mold for casting lead spindle whorls

Как видно, современные датировки материалов из уровней пола землянки № 15 указывают на время ее появления не позднее 500 г. до н. э. Время прекращения функционирования определяется материалами засыпи — это произошло не позднее начала последней трети/четверти V в. до н. э. Ранние материалы

из верхней части засыпи землянки № 16 дают аналогичную нижнюю дату. Помимо материалов из заполнения обеих землянок, керамические фрагменты конца VI в. до н. э. в значительном количестве обнаружены в поздних смешанных слоях и в заполнении более поздних объектов.

Золистая засыпь обеих землянок была перекрыта плотной нивелировочной засыпью с добавлением желтой материковой и отчасти сырцово-глины, над которой были возведены объекты второго строительного периода (рис. 4, 1). Скорее всего, хронологическая лакуна между I и II строительными периодами если и была, то являлась весьма непродолжительной — судя по амфорной таре, хиосские пухлогорлые амфоры с перехватом найдены вместе с хиосскими прямогорлыми амфорами начала последней четверти VI в. до н. э. (Монахов 2003: табл. 7, 4–6; 8; 9). Более того, в верхней части заполнения землянки № 15, представлявшей собой ту же прессованную нивелировочную засыпь, была обнаружена практически целая чернолаковая аттическая чаша, близкие экземпляры которой по материалам Афинской агоры датируются около 400–375 гг. до н. э. (Sparkes, Talkott 1970: cat. no. 755–757). В заполнениях II строительного периода и при расчистке глиняных трамбовок, образовавших дневную поверхность, найдено значительное количество смешанной и не всегда узко датированной керамики. Тем не менее, среди них (углубление № 1) имеется фрагмент небольшого краснофигурного закрытого сосуда — лекифа или ойнохой, с изображением задрапированных фигур (рис. 3, 7). Стилистически близкие сосуды с той же манерой прорисовки драпировок, найденные на Афинской агоре, датируются около 400 г. до н. э. (Moore 1997: cat. no. 724, 747). Кроме того, среди находок имеется серебряный пантикапейский диобол (л. с.: голова льва в фас; о. с.: разрушена), около 410–400 гг. до н. э. (Фролова 1996: табл. VIII, 1–9), и три медных ольвийских халка (л. с.: голова Деметры вправо; о. с.: OLBIO, эмблема повреждена), около 380–360 гг. до н. э. (Анохин 1989: кат. № 55–58). Отдельно следует упомянуть находку каменной формы для отливки свинцовых пряслиц (рис. 4, 6), не исключено, что она относится к I строительному периоду. Указанные находки маркируют продолжительность II строительного периода, ограниченно — последней третью/четвертью V — первой третью/четвертью IV в. до н. э.

Несмотря на то, что после первого года работы проекта получен относительно небольшой объем информации, он, тем не менее, существенно уточняет сделанные ранее выводы. Прежде всего, новые данные представляют интерес в связи с определением времени появления предместья. Теперь можно уверенно понизить дату строительства здесь заглубленных структур до последней четверти — конца VI в. до н. э. Обнаруженные материалы составляют цельный керамический комплекс, свидетельствующий о практически непрерывной жизнедеятельности предместья в течение почти полутора веков. Это не позволяет более поддерживать мнение о появлении предместья в результате прекращения жизни поселений хоры и переселения ее обитателей в предместье в конце первой трети V в. до н. э. Еще одним весомым результатом работ следует считать открытие наземных конструкций из камня и сырца, что свидетельствует об ис-

пользовании типичной греческой техники при строительстве наземных домов на позднем этапе существования предместья. И, наконец, находка литейной формы, а также бронзовых шлаков в культурном слое и заполнении отдельных объектов показывает наличие у обитателей предместья той же ремесленной деятельности, что и у горожан. Дальнейшие работы, безусловно, позволят не только уточнить полученные данные, но и перейти к решению более общих проблем, связанных с предместьем Ольвии и его ролью в структуре полиса.

## Литература

- Анохин 1989 — *Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1989. 128 с.
- Буйских 2013 — *Буйских А. В.* Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев: Стародавній світ, 2013. 456 с.
- Козуб 1975 — *Козуб Ю. И.* Древнейшее святилище Ольвии // Крыжицкий С. Д. и др. (ред.). Ольвия. Киев: Наукова думка, 1975. С. 139–163.
- Козуб 1979 — *Козуб Ю. И.* Передмістя Ольвії // Археологія. 1979. № 29. С. 3–34.
- Крыжицкий 1982 — *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1982. 168 с.
- Крыжицкий, Русяева 1978 — *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С.* Найдавніші житла Ольвії // Археологія. 1978. № 34. С. 3–26.
- Крыжицкий, Лейпунская 1999 — *Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А.* Нижнее Побужье в архаическое время // Крыжицкий С. Д. и др. (ред.). Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев: ИА НАН Украины, 1999. С. 35–97.
- Марченко 1982 — *Марченко К. К.* К вопросу о так называемом предместье Ольвии // ВДИ. 1982. № 3. С. 126–136.
- Монахов 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды; СГУ, 2003. 352 с.
- Папанова 2006 — *Папанова В.* Урочище Сто Могил (некрополь Ольвии Понтийской). Київ: Знання України, 2006. 278 с.
- Фролова 1996 — *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора середины VI–V в. до н. э. // РА. 1996. № 2. С. 34–69.
- Moore 1997 — *Moore M. B.* Attic Red-Figured and White-Ground Pottery. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1997. iii–419 p. (The Athenian Agora. Vol. 30).
- Moore, Phillipides 1986 — *Moore M. B., Phillipides M. Z. P.* Attic Black-Figured Pottery. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1986. iii–382 p. (The Athenian Agora. Vol. 23).
- Patzelt et al. 2016 — *Patzelt A., Fornasier J., Buyskikh A., Ivchenko A., Kuzmischev A.* Geomagnetic prospections in the suburb of Olbia Pontike — an ancient Greek Colony in the northern Black Sea area, Ukraine // The Newsletter of the International Society for Archaeological Prospection. 2016. No. 45. P. 3–6.
- Sparkes, Talkott 1970 — *Sparkes B. A., Talkott L.* Black and Plain Pottery of the 6<sup>th</sup>, 5<sup>th</sup> and 4<sup>th</sup> Centuries B. C. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1970. Pt. 1 — iii–382 p., Pt. 2. iii–472 p. (The Athenian Agora. Vol. 12).
- CVA: Deutschland 79, 1 — *Kunisch N.* Bochum, Kunstsammlungen der Ruhr-Universität. München, 2005.
- CVA: Deutschland 83, 3 — *Eschbach N.* Göttingen, Archäologisches Institut der Universität. Attisch schwarzfigurige Keramik. München, 2007.



CVA: Deutschland 84, 2 — *Dräger O.* Antikensammlung der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen. München, 2007.

CVA: Russia 15, 7 — *Petrakova A.* Attic Black-Figure Drinking-Cups. Roma: «L'ERMA» di Bretschneider, 2009. Pt. 2. 234 p.

CVA: Russia 18, 10 — *Petrakova A.* Attic Black-Figure Drinking-Cups. Roma: «L'ERMA» di Bretschneider, 2009. Pt. 3. 238 p.

CVA: Sweden 4, 2 — *Gillis C., Wells B., Nordquist G., Frisell M., Elliott M.* Medelhavsmuseet and Nationalmuseum. Stockholm, 1995.

## OLBIAN SUBURB IN THE LIGHT OF NEW UKRAINIAN-GERMAN STUDIES

A. V. BUYSKIKH, J. FORNASIER, A. G. KUZMISHCHEV

**Keywords:** *North Black Sea region, Olbia, suburb, dugout, chronology, black-figured Attic ware, adobe-stone house.*

The paper presents the first results of a joint Ukrainian-German project devoted to the study of Olbian suburb. The interpretation of this settlement structure of several hectares, discovered in the 1970s — 1980s west of the fortified settlement, has become an object of discussions. The earliest stage of the outskirts history proved to be the most debatable one. Many questions concerning the functional interpretation of discovered structures remained unresolved. To solve these and other problems the project participants started to study an area adjacent to the ancient road leading to the Western gates (fig. 1, 1). As a result, building remains representing two stages of the suburb existence were discovered (fig. 1, 2). The early stage is represented by dugout structures, the late one by the remains of adobe-stone constructions which were found here for the first time. Dugout no. 15 (fig. 2, 1) was exposed entirely. The presence of black-figured Attic pottery fragments on its floor (fig. 2, 2–7) allows to date it to the time before 500 BC, while the finds from the infill (fig. 3) indicate that it was filled not later than the last third or quarter of the V c. BC. The finds from the infill of partly excavated dugout no. 16 (fig. 4, 1–5) are synchronous to those from dugout no. 15. The structures of the second building period existed in the last third/quarter of the V — first third/quarter of the IV c. BC. The finds include a mould for casting lead spindle whorls (fig. 4, 6). This fact gives grounds to correct the opinion according to which the suburb had no craft industry.

### Literature

Анохин 1989 — *Anokhin V. A.* Monety' antichny'h gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (*Coins of the classical cities at the North-Western Black sea Littoral*). Kiev: Naukova dumka, 1989. 128 p. (in Russian).

Буйских 2013 — *Buyskikh A. V.* Arhaicheskaya raspisnaya keramika iz Ol'vii (*Archaic painted ceramics from Olbia*). Kiev: Starodavni'y svi't, 2013. 456 p. (in Russian).

Козуб 1975 — *Kozub Ju. I.* Drevneyshee svyatilish'e Ol'vii (*The oldest sanctuary at Olbia*) // Kryjitsky S. D. et al. (eds.). Ol'viya (*Olbia*). Kiev: Naukova dumka, 1975. P. 139–163 (in Russian).

Козуб 1979 — *Kozub Ju. I.* Peredmi'stya Ol'vi'i' (*Suburbs of Olbia*) // Arheologiya (*Archaeology*). 1979. No. 29. P. 3–34 (in Ukrainian).

Крыжицкий 1982 — *Kryjitsky S. D. Jily'e doma antichny'h gorodov Severnogo Prichernomor'ya* (VI v. do n. e'. — IV v. n. e'.) (*Living dwellings of the classical cities at the Northern Black sea Littoral [VI c. BC — IV c. AD]*). Kiev: Naukova dumka, 1982. 168 p. (in Russian).

Крыжицкий, Русьяева 1978 — *Kryjitsky S. D., Rusyaeva A. C. Naydavni'shi' jitla Ol'vi'i'* (*The earliest dwellings at Olbia*) // *Arheologi'ya* (*Archaeology*). 1978. Vol. 28. P. 3–26 (in Ukrainian).

Крыжицкий, Лейпунская 1999 — *Kryjitsky S. D., Leypunskaia N. A. Nijnee Pobuj'e v arhaicheskoe vremya* (*The Lower Bug region in Archaic times*) // Kryjitsky S. D. et al. (eds.). *Ol'viya: Antichnoe gosudarstvo v Severnom Prichernomor'e* (*Olbia: An antique state in the North Black Sea region*). Kiev: IA AS of Ukraine, 1999. P. 35–97 (in Russian).

Марченко 1982 — *Marchenko K. K. K voprosu o tak nazy'vaemom predmest'e Ol'vii* (*To the question of so-called suburb of Olbia*) // *Vestnik drevney istorii* (*Journal of Ancient History*). 1982. No. 3. P. 126–136 (in Russian).

Монахов 2003 — *Monakhov S. Ju. Grecheskie amfory' v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedusch'ih centrov-e'ksporterov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog-opredelitel'* (*Greek amphoras in the Black Sea region: Typology of the amphoras from the main exporting centers selling their goods in ceramic containers: Identification guide*). M.; Saratov: Kimmerida; Saratov SU, 2003. 352 p. (in Russian).

Папанова 2006 — *Papanova V. Urochisch'e Sto Mogil* (nekropol' Ol'vii Pontijskoy) (*Hundred Graves stow [Necropolis of Olbia Pontica]*). Kiev: Znannya Ukrainy, 2006. 278 p. (in Russian).

Фролова 1996 — *Frolova N. A. Monetnoe delo Bospora sere diny' VI–V vv. do n. e'*. (*The Mintage of Bosphorus in the 6<sup>th</sup>–5<sup>th</sup> Centuries B. C.*) // RA. 1996. No. 2. P. 34–69 (in Russian).

Moore 1997 — *Moore M. B. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery*. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1997. iii–419 p. (*The Athenian Agora*. Vol. 30).

Moore, Phillipides 1986 — *Moore M. B., Phillipides M. Z. P. Attic Black-Figured Pottery*. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1986. iii–382 p. (*The Athenian Agora*. Vol. 23).

Patzelt et al. 2016 — *Patzelt A., Fornasier J., Buyskikh A., Ivchenko A., Kuzmischev A. Geomagnetic prospections in the suburb of Olbia Pontike — an ancient Greek Colony in the northern Black Sea area, Ukraine* // *The Newsletter of the International Society for Archaeological Prospection*. 2016. No. 45. P. 3–6.

Sparkes, Talkott 1970 — *Sparkes B. A., Talkott L. Black and Plain Pottery of the 6<sup>th</sup>, 5<sup>th</sup> and 4<sup>th</sup> Centuries B. C.* Princeton, New Jersey: ASCSA, 1970. Pt. 1 — iii–382 p., Pt. 2 — iii–472 p. (*The Athenian Agora*. Vol. 12).

CVA: Deutschland 79, 1 — *Kunisch N. Bochum, Kunstsammlungen der Ruhr-Universität*. München, 2005.

CVA: Deutschland 83, 3 — *Eschbach N. Göttingen, Archäologisches Institut der Universität*. Attisch schwarzfigurige Keramik. München, 2007.

CVA: Deutschland 84, 2 — *Dräger O. Antikensammlung der Friedrich-Alexander-Universität Erlangen*. München, 2007.

CVA: Russia 15, 7 — *Petrakova A. Attic Black-Figure Drinking-Cups*. Roma: «L'ERMA» di Bretschneider, 2009. Pt. 2. 234 p.

CVA: Russia 18, 10 — *Petrakova A. Attic Black-Figure Drinking-Cups*. Roma: «L'ERMA» di Bretschneider, 2009. Pt. 3. 238 p.

CVA: Sweden 4, 2 — *Gillis C., Wells B., Nordquist G., Frisell M., Elliott M. Medelhavsmuseet and Nationalmuseum*. Stockholm, 1995.

# ЗОЛОТАЯ ДИАДЕМА ИЗ АРТЮХОВСКОГО КУРГАНА

И. Ю. ШАУБ

**Ключевые слова:** золотые диадемы, «гераклов узел», Артюховский курган, Боспор, орел, Эрот, Геракл, Афродита, жрицы.

Знаменитая золотая диадема из женского погребения № 1 Артюховского кургана на Таманском п-ове была создана в конце III — начале II в. до н. э. Судя по некоторым другим неординарным предметам погребального инвентаря из этой могилы и по аналогии с подобным головным украшением из усыпальницы жриц богини Девы в Херсонесе, эта диадема являлась не просто драгоценностью, но сакральным предметом, скорее всего, атрибутом жрицы. Замена в центральной композиции диадемы, размещенной в «геракловом узле», фигурки Ганимеда в когтях орла (символа возрождения?) изображением Эрота не была случайностью. Эта замена, вероятно, отражала тот же процесс синкретизации (фиксируемый терракотами) популярных на эллинистическом Боспоре образов Эрота и Геракла. Геракл выступал в местном культовом мифе в качестве паредра здешней верховной богини, почитавшейся в образе Афродиты.

Золотая диадема из женского погребения № 1 является самым известным предметом среди богатейших находок, сделанных в Артюховском кургане, которые были образцово опубликованы М. И. Максимовой (Максимова 1979).

Этот головной убор состоит из объемного обруча, центральной композиции с «геракловым узлом»<sup>1</sup> и шести подвесок. Вставки из граната-альмандина темнокрасного цвета украшают центральную часть диадемы; из того же полудрагоценного камня выполнены и подвески. «Это образец вполне созревшего, достигшего расцвета полихромного стиля, пришедшего на смену монохромному стилю греческого ювелирного искусства V–IV вв. до н. э.» (Там же: 36).

В центре «гераклова узла» диадемы помещена фигурная композиция: орел, держащий в когтях ребенка мужского пола. Первоначально греческий мастер

<sup>1</sup> По словам Е. М. Малковой, кроме артюховской диадемы в Особой кладовой ГЭ хранится еще около 20 головных украшений и прочих ювелирных изделий с «геракловым узлом», которые до сих пор не опубликованы (Малкова 2010: 382); однако мы полагаем, что все же некоторые из этих вещей были введены в научный обиход как в уваже ДБК и в его публикации с комментариями С. Рейнака (Reinach 1892), так и в монументальном труде М. Пфроммера (Pfrommer 1990). Как бы то ни было, для нас важно отметить, что подавляющее большинство этих украшений явно происходит с территории Боспора. Из золотых боспорских диадем с «геракловым узлом», введенных в научный обиход, следует особо отметить две: одну с рельефными сценами поисков Деметрой Керы (Reinach 1892: 47, tab. VI, 3), другую — с дионисийским сюжетом: изображениями менад, треножников и дельфинов (Ibid.: 47, tab. VI, 4; Pfrommer 1990: Taf. VII, 8). Древнейшим изображением «гераклова узла» на Боспоре являются золотые пронизи ожерелья конца IV в. до н. э. из кургана Большая Близница (Шауб 2015). В культурном круге Боспора находился Курджипский курган, где обнаружено, возможно, древнейшее изображение «гераклова узла» в Северо-Восточном Причерноморье (на золотых поясных украшениях [застежках?]; см.: Галанина 1980: 85–86). Амулеты в виде бусин из халцедона в форме узла Геракла, происходящие из сарматских погребений начала нашей эры на Таманском п-ове (частные коллекции), свидетельствуют о длительном бытовании и несомненно магическом значении этого изображения.

изобразил здесь мифологический сюжет похищения Ганимеда (уникальный для Боспора и весьма редкий для всего эллинистического ювелирного искусства; см.: Pfrommer 1990: Allgemeiner Index). Однако, по заключению М. И. Максимовой, «фигурка уносимого орлом мальчика совершенно не соответствует образу отрока Ганимеда греческой мифологии и греческого искусства, но полностью совпадает с образом младенца Эрота, созданным в эпоху эллинизма» (Максимова 1979: 48)<sup>2</sup>. На основании этого, несомненно верного, наблюдения М. И. Максимова пришла к выводу, что первоначальное изображение троянского царевича было заменено фигуркой Эрота еще в древности боспорским мастером невысокой квалификации (Максимова 1965: 23). По ее мнению, он был плохо знаком с греческой мифологией и заменил поврежденную фигурку Ганимеда изображением бога любви. Такой пример искажения греческих мифов «свидетельствует не о приобщении местного населения к почитанию греческих богов, а об интересе к занимательным греческим мифам, в которых боспорцы не всегда хорошо разбирались» (Максимова 1979: 21). Эти суждения исследовательницы об артюховской диадеме никем не оспариваются (Малкова 2010: 380–381). Тем не менее, с последним утверждением М. И. Максимовой согласиться трудно. Намеренному «усовершенствованию» диадема подверглась отнюдь не вследствие повышенного интереса заказчика «к занимательным греческим мифам», но, скорее всего, оно было обусловлено его желанием привести вещь с чуждым ему античным сюжетом в соответствие со своими духовными потребностями.

Рассматриваемая диадема — одно из характерных для эпохи эллинизма, но, в то же время, неординарных произведений греческого ювелирного искусства — отнюдь не единственное украшение подобного типа, найденное на Боспоре. Очень близкую аналогию артюховской представляет керченская диадема, находившаяся в частном собрании Дж. Леба (Zahn 1929: 69 ff.), и ныне хранящаяся в Государственном музее древнего искусства в Мюнхене (Deppert-Lippitz 1985: 256). Оба украшения объединяет почти полное совпадение в орнаментации «геракловых узлов» и идентичность подвесок.

Важно отметить, что диадема из коллекции Лёба так же, как и артюховская, подверглась существенному дополнению, причем в откровенно варварском вкусе: обруч с «геракловым узлом» был надставлен скульптурной композицией, состоящей из крылатой богини с морскими монстрами (кетосами) по бокам, — одной из ипостасей Великой богини с ее служителями (Шауб 2011). Таким образом, классическая композиция замечательного ювелирного изделия была нарушена, но обрела еще более глубокий сакральный смысл. Процедура намеренного изменения, которой подверглись обе боспорские диадемы, имеет полное соответствие в Скифии. По наблюдению Р. С. Минасяна, набор священного женского украшения — «калафа» (если не он сам полностью), попадал сюда от греков, но затем во всех случаях эти украшения «перемонтировались» и дополнялись (Минасян 1991: 383), причем явно в соответствии с духовными

<sup>2</sup> Такого же мнения придерживаются и авторы очерка о коллекции ювелирных изделий, представленных в Особой кладовой Эрмитажа (Галанина и др. 1967: 35–36; см. также: Малкова 2010: 380).

потребностями заказчиков. Ярким примером такой намеренной модификации аналогичного головного убора является знаменитая диадема сарматской царицы из кургана Хохлач (Яценко 2006: 336).

«Гераклов узел», являющийся центром артюховской диадемы, повсеместно считался прежде всего магическим символом, как, впрочем, и узел любого типа (Фрэзер 1980: 97, 271–276; Маковский 1996: 334 сл.). Происхождение «гераклова узла» в античном мире исторически связано с египетским символом вечной жизни (анх) (Pfrommer 2001: 18), а мифологически — с тем способом, которым Геракл завязал на своей груди шкуру убитого им льва ([Athen. XI. 500A]; см. также: Стефани 1880: 44 сл.), ставшую непременным атрибутом героя. Исключительную популярность «гераклова узла» на золотых ювелирных украшениях эпохи эллинизма исследователи связывают с происхождением македонской династии от Геракла (Pfrommer 1990: 1 ff.). То же объяснение можно было бы распространить и на Боспор, тем более что обитавшие там варвары считали этого героя (вернее, того (или тех) божественного персонажа, которого они с ним идентифицировали) своим родоначальником (Раевский 1977: 19 сл.)<sup>3</sup>. Однако такая интерпретация данного явления представляется нам чересчур узкой. Его невозможно понять без учета чрезвычайной популярности культа Геракла в Северном Причерноморье, особенно на Боспоре (Шауб 2007: указатель). Полагаем, что «гераклов узел», который не только являлся центральной частью артюховской диадемы, но украшал еще целый ряд неординарных вещей из того же кургана<sup>4</sup>, имел непосредственное отношение к культу этого божественного героя. В качестве паредра Афродиты — главной ипостаси Великой богини на Боспоре, он в эпоху эллинизма даже синкретизировался здесь с Эротом (Шауб 1981). Поэтому неудивительно, что в погребениях Артюховского кургана находились драгоценные вещи с изображениями как Афродиты и Эрота (Максимова 1979: 8, 10, 46, 55, 103, 129)<sup>5</sup>, так и Геракла (золотой перстень в гробнице 3 (Там же: № 105). Как бы то ни было, учитывая упомянутый выше синкретизм Эрота с Гераклом, при наличии на диадеме одного из символов этого героя, появление здесь после замены первоначального изображения Ганимеда образом божества, в котором заключалась «часть сущности» его мифологической матери Афродиты (Trumpf-Luritzaki 1969: 128), едва ли можно считать случайным.

В связи с этой заменой обращает на себя внимание широкое распространение образа Эрота в инокультурной среде народов Востока (Auge, Linant de Bellefonds

<sup>3</sup> Не имел ли «гераклов узел» прямого отношения к тем узлам, которые сплетали и расплетали скифские женоподобные жрецы-энареи, получившие свой пророческий дар от Афродиты, во время своих прорицаний [Hdt. IV. 67]?

<sup>4</sup> Среди предметов, обнаруженных в Артюховском кургане, находим этот узел на вещах из гробницы № 2: на начальнике, на золотом ожерелье (в виде пронизок), на шинке золотого перстня, на серебряном канфаре, каждая ручка которого состоит из двух петель, проплетенных друг в друга, на ручке бронзового светильника (Максимова 1979: 49, 60, 67, 78, 94). Серебряный канфар с ручками в виде «гераклова узла», практически идентичный вышеупомянутому, найден и в гробнице № 3 (Там же: 78).

<sup>5</sup> Бронзовые части деревянного ложа с изображением Афродиты и Эрота найдены в насыпи над гробницей № 3 (Максимова 1979: 148).

1986)<sup>6</sup>. Этот факт невозможно объяснить только его чрезвычайной популярностью в эллинистическом искусстве (Hermary 1986; Скржинская 2007: 16 сл.), он, несомненно, был обусловлен религиозными представлениями тех народов, которые по-своему использовали его иконографию. Для нас особенно интересна популярность образа Эрота у сарматов (Яценко 2009: 546), обитавших не только в южнорусских степях, но и на территории Боспорского царства. Этим варварам (равно как и скифам) Эрот должен был импонировать своим главным атрибутом — луком со стрелами, в то время как распространение образа этого божества в индийском искусстве было обусловлено существованием в мифологии индусов изофункционального ему Камы — бога чувственной любви, плодородия, одного из космогонических факторов, с аналогичными атрибутами (Литвинский, Пичикийн 1979: 104).

Поскольку центром скульптурной композиции в «геракловом узле» артюховской диадемы являлся орел, при попытке выяснить семантику его образа здесь необходимо учитывать важнейшую роль, которую играла эта царственная птица в искусстве скифов. Здесь, особенно в разнообразных сценах терзания, в которых преимущественно фигурирует орлиноголовый грифон, орел, несомненно, связан с идеями возрождения.

Подобная семантика образа орла существовала и независимо от сцен терзания. Так, В. В. Иванов и В. Н. Топоров отмечают, что орел выступал как символ возрождения в средние века (Иванов, Топоров 1982: 260). Однако этот символизм орла явно бытовал уже в античности, поскольку он развился из идеи души, несомой мощной птицей, идеи, которая восходит к первобытным представлениям о душе-птице (Cumon 1949: 294–295).

Что касается подоплеку воплощенного в фигурной композиции артюховской диадемы мотива орла-похитителя, то, учитывая наличие в среде причерноморских варваров шаманизма (Шауб 2007: 146 сл.), нельзя исключать ее связь с подобными верованиями, поскольку в виде похищения хищной птицей, уносящей призванного к шаманскому служению в потусторонний мир, представлялась сопровождающая шаманский зов болезнь (Штернберг 1936; Элиаде 2014: 37–38, 58–59, 71, 334, прим. 12). О существовании сходного мотива в иранском мире в более позднее время свидетельствует сасанидское серебряное позолоченное блюдо с изображением нагой богини в когтях орла (Луконин 1977: 195 и рис. на с. 195)<sup>7</sup>.

Возвращаемся к Эроту, который на Боспоре выступал в роли не столько похищаемого, сколько похитителя. Подробно рассмотрев сюжетную роль Эрота, и прежде всего Эрота-преследователя, в росписи погребальных керченских ваз, И. В. Шталь пришла к выводу (Шталь 1989: 133–134), что в своем значении он вышел здесь за пределы как афродисийского, так и дионисийского фиасов; в какой-то момент Дионис и Эрот оказались внутренне сближенными, едва ли не идентичными по своей семантике: «Эрот в смертоносном похищении душ занял место Диониса <...> Не значит ли это, что большой, выделенный белым,

<sup>6</sup> Об особой популярности изображений Эрота в Парфии и Индии и их местных особенностях см., например: Литвинский, Пичикийн: 1979; Сарияниди 1989: 62–64, 71–74, 118–120.

<sup>7</sup> Правда, здесь, скорее всего, представлено не похищение, а вознесение богини.

Эрот Преисподней в изображении керченских ваз имеет собственные семантические корни, “уходящие” в подземный мир, и не является ли этот Эрот в народных верованиях божеством Преисподней? В последнем случае он оказался бы и генетически однотипным с Эротом апулийских ваз, выполняющим в сюжетах вазовой живописи те же функции, что и аттический керченский Эрот, но отличным от него иконографически» (Там же: 134). В связи с особенностями образа этого персонажа на Боспоре «обращает на себя внимание специфическая, лишь боспорскому изображению присущая иконография Эрота-всадника, не зафиксированная в иных областях вывоза аттических керченских ваз» (Там же). Вряд ли эта иконографическая новация (и, соответственно, изменение и усложнение восприятия образа этого божества) возникла здесь без кочевнического влияния.

О важном значении Эрота в загробных представлениях боспорян свидетельствуют не только его изображения на погребальных вазах «керченского стиля», но и многочисленные находки золотых серег с фигурками этого божества в могилах боспорянок (см.: Reinach 1892: tab. VII, 12, 13, 15 и др.; Pfrommer 1990: Allgemeiner Index).

Подобные серьги со скульптурками Эротов были и у женщин, погребенных в склепах № 1 и 2 Артюховского кургана. Наличие у них этих серег, наряду с такими специфическими сакральными головными украшениями<sup>8</sup>, как диадема и стленгида, медальонов с изображениями Афродиты и Эротов, серег с фигурками голубей (атрибутов Афродиты), а также таких ритуальных предметов, как фимиатерии, зеркала и веретена<sup>9</sup>, позволяет предполагать, что нашедшие здесь упокоение представительницы высшей боспорской аристократии выполняли жреческие функции в культе местной верховной богини. Нужно еще раз подчеркнуть, что она выступала здесь прежде всего в облике греческой Афродиты, а одним из ее паредров считался Геракл, который в эллинистическую эпоху синкретизировался с Эротом.

Поскольку, судя по всему, погребенные в Артюховском кургане женщины являлись выходцами из сильно эллинизированной варварской среды<sup>10</sup>, дополнительным (хотя, конечно, и косвенным) аргументом в пользу их связи со жречеством может служить пассаж из «Аргонавтики» Валерия Флакка [Val. Flacc. VI. 50–68], где описывается варварский (скифский) жрец по Э. А. Грантовскому (Грантовский 1960: 5–6) и Д. С. Раевскому (Раевский 1977: 152) Авх, сакральным знаком отличия которого служат две головные повязки, соединенные на каждом виске тремя узлами.

<sup>8</sup> По сути, причерноморские варвары должны были все головные украшения в той или иной степени считать священными, поскольку именно эта часть тела рассматривалась ими как вместилище жизненной силы, о чем свидетельствует широко распространенный у них культ отрубленной головы (Шауб 2007: 140 сл.).

<sup>9</sup> Все изображения перечисленных предметов см.: Максимова 1979: № 1, 8, 18, 23, 38, 40, 46, 62, 70, 71, 75, 76.

<sup>10</sup> По мнению Г. А. Цветаевой, они были знатными синдынками (Цветаева 1968: 89), хотя с той же степенью вероятности это могли быть и скифянки, и сарматки.

Но еще более весомым доказательством исполнения погребенными в Артюховском кургане женщинами жреческих функций может являться наличие аналогичной диадемы с украшением в виде «гераклова узла» в подстенном склепе № 1012 Херсонеса (Manzewitsch 1932: Taf. 1, 1)<sup>11</sup> — усыпальнице жрицы богини Девы (Шауб 2007: 287), ипостаси Великой богини (Там же: 117 сл.)<sup>12</sup>. Здесь же было найдено и золотое ожерелье с «геракловым узлом» (Manzewitsch 1932: Taf. 1, 4). Еще важнее отметить, что в этой гробнице обнаружены также изображения Афродиты, Эрота и золотой перстень с символикой Геракла (Ibid.: Taf. 1, 9; 2, 4; 3, 1).

В заключение несколько слов о датировке артюховской диадемы. Предшественники М. И. Максимовой относили это головное украшение, равно как и погребения в кургане, к середине III в. до н. э. (Стефани 1880: 5 сл.; Segall 1938: 33; Amandry 1953: 122). Обоснованно омоложив эти погребения более чем на столетие<sup>13</sup>, исследовательница сочла и диадему синхронной всему комплексу, датировав ее третьей четвертью II в. до н. э. Однако разительное сходство рассматриваемой диадемы из Артюховского кургана с уже упомянутым боспорским украшением из Мюнхена, которое было создано не позднее середины III в. до н. э.<sup>14</sup>, а также с рядом схожих средиземноморских диадем III — начала II в. до н. э., никак не позволяет разносить их во времени на столь значительный срок. О гораздо большей древности артюховской диадемы, чем полагала М. И. Максимова, свидетельствует и ряд других аналогий (см.: Pfrommer 1990: Taf. 29)<sup>15</sup>. Судя по всему, наша диадема была изготовлена еще в III (или в самом начале II) в. до н. э. и так же, как ряд других важных в культовой практике вещей из этого кургана (зеркало с крышкой второй половины IV в. до н. э. с изображением Скиллы, перстень с изображением Геракла [не позднее середины

<sup>11</sup> Здесь же было найдено и золотое ожерелье с «геракловым узлом» (Manzewitsch 1932: Taf. 1, 4).

<sup>12</sup> Н. В. Пятышева полагает, что здешние жрицы являлись представительницами греко-фракийской знати, связанной с Боспором (Пятышева 1971: 104); по мнению Е. Я. Рогова, это были служительницы локальной херсонесской богини Девы (Рогов 2002: 41–42).

<sup>13</sup> Крупнейший современный специалист по хронологии эллинистических ювелирных украшений Михаэль Пфроммер датирует погребения в Артюховском кургане первой половиной II в. до н. э. (Pfrommer 1990: 263).

<sup>14</sup> До 1960-х гг. исследователи единодушно датировали эту диадему первой половиной III в. до н. э. (Pfrommer 1990: 314), что, на наш взгляд, совершенно верно прежде всего потому, что прикрепленные к ней кетосы по бокам крылатой богини по виду и манере исполнения почти идентичны таким же чудовищам, украшавшим колесницу из гробницы кургана Васюринская Гора (по М. И. Ростовцеву колесница изготовлена в первой половине III в. до н. э. [Ростовцев 1914: 51–55]). После публикации в 1960–1967 гг. ряда статей М. И. Максимовой (ссылки на них см.: Максимова 1979: 8–9), где убедительно аргументировалась передатировка Артюховского кургана, появилась тенденция к омоложению и мюнхенской диадемы (Pfrommer 1990: 314).

<sup>15</sup> Следует отметить, что если в тексте своего фундаментального труда М. Пфроммер относит создание артюховской диадемы к первой половине II в. до н. э. (Pfrommer 1990: 263), то в его хронологической таблице греческих ювелирных изделий с «геракловым узлом» наша диадема попала во вторую половину II в. до н. э., оказавшись, таким образом, самым молодым украшением такого рода (Ibid.: Taf. 29, Nr. 32).



III в. до н. э.] и другие), долго (о чем свидетельствуют явные следы использования) служила ритуальным украшением, прежде чем стать предметом погребального инвентаря своей последней владелицы.

### Литература

- Галанина 1980 — *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л.: Искусство, 1980. 128 с.
- Галанина и др. 1967 — *Галанина Л. К., Грач Н. Л., Торнеус М. И.* Ювелирные изделия в Эрмитаже. Особая кладовая. Л.: Искусство, 1967. 96 с.
- Грантовский 1960 — *Грантовский Э. А.* Индо-иранские касты у скифов. М.: Наука, 1960. 21 с.
- ДБК — Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа: Атлас. СПб.: Тип. Имп. АН, 1854. 100 с.
- Иванов, Топоров 1982 — *Иванов В. И., Топоров В. Н.* Орел // Токарев С. А. (гл. ред.). Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 1. С. 258–260.
- Литвинский, Пичикян 1979 — *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Кушанские эроты (один из аспектов античного влияния на центральноазиатскую культуру) // ВДИ. 1979. № 2. С. 89–109.
- Луконин 1977 — *Луконин В. Г.* Искусство древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. 231 с.
- Максимова 1965 — *Максимова М. И.* Похищение Ганимеда в передаче боспорского мастера // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 23–25.
- Максимова 1979 — *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 152 с.
- Маковский 1996 — *Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и мир образов. М.: Владос, 1996. 415 с.
- Малкова 2010 — *Малкова Е. М.* Гераклов узел: об одном декоративном мотиве в ювелирном искусстве (на примере золотых диадем) // Колесник А. В. (ред.). Изобразительное искусство в археологическом наследии: Сб. ст. Донецк, 2010. С. 373–388 (Археологический альманах. № 21).
- Малкова 2013 — *Малкова Е. М.* Украшение или символ: диадема в произведениях древнегреческого искусства // Мальцева С. В., Станюкович-Денисова Е. Ю. (ред.). Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сб. науч. ст. СПб.: НП-Принт, 2013. Вып. 3. С. 30–42.
- Минасян 1991 — *Минасян Р. С.* Техника изготовления золотых и серебряных вещей из Чертомлыкского кургана // *Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев: Наукова думка, 1991. С. 378–389.
- Пятышева 1971 — *Пятышева Н. В.* Материал склепа № 1012 и его значение для истории Херсонеса эллинистического времени // С. М. Орешников и др. (ред.). История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Советская Россия, 1971. С. 89–109.
- Раевский 1977 — *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М.: Наука. 1977. 216 с.
- Рогов 2002 — *Рогов Е. Я.* Подстенный склеп 1012 в Херсонесе Таврическом // Зуев В. Ю. (отв. ред.). Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Ч. 1. С. 25–42.
- Ростовцев 1914 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. Пг.: ИАК, 1914. Т. 1. 537 с.
- Сарианиди 1989 — *Сарианиди В. И.* Храм и некрополь Тилля-тепе. М.: Наука, 1989. 240 с.
- Скржинская 2007 — *Скржинская М. В.* Образ Эроса в представлении греческого населения Боспора, Херсонеса и Ольвии // РА. № 2. 2007. С. 16–24.
- Стефани 1880 — *Стефани Л.* Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в Южной России в 1878 и 1879 гг. // ОАК. 1880. С. 5–138.

- Фрээр 1980 — *Фрээр Дж.* Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
- Цветева 1968 — *Цветева Г. А.* Сокровища причерноморских курганов. М.: Наука, 1968. 126 с.
- Шауб 1981 — *Шауб И. Ю.* Пантикапейский Эрот-Геракл // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 42–43.
- Шауб 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2007. 484 с.
- Шауб 2009 — *Шауб И. Ю.* О семантике изображения Скиллы на зеркале из Артюховского кургана // Зуев В. Ю. (отв. ред.). Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира: Материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 276–280.
- Шауб 2011 — *Шауб И. Ю.* Морские монстры в загробных представлениях боспорян // Вахтина М. Ю. и др. (ред.). Боспорский феномен: население, языки, контакты: Материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 131–137.
- Шауб 2015 — *Шауб И. Ю.* Ожерелье с амулетами из кургана Большая Близница // Новый Гермес. 2015. № 7. С. 22–29.
- Шталь 1989 — *Шталь И. В.* Эпические предания Древней Греции. М.: Наука, 1989. 299 с.
- Штернберг 1936 — *Штернберг Л. Я.* Культ орла у сибирских народов // *Штернберг Л. Я.* Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1936. С. 110–126.
- Элиаде 2014 — *Элиаде М.* Шаманизм. М.: Академический проект, 2014. 399 с.
- Яценко 2006 — *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 664 с.
- Яценко 2009 — *Яценко С. А.* Об античном влиянии в оформлении антропоморфных образов сарматов // Зуев В. Ю. (отв. ред.). Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира: Материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 544–547.
- Auge, Linant de Bellefonds 1986 — *Auge Ch., Linant de Bellefonds P.* Eros (In peripheria Orientalis) // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae.* 1986. Bd. 3. S. 942–952.
- Amandry 1953 — *Amandry P.* Collection Hélène Stathatos. Strassbourg: A. Bontemps, 1953. 58 p.
- Cumon 1949 — *Cumon F.* Lux perpetua. Paris: P. Geuthner, 1949. 524 p.
- Deppert-Lippitz 1985 — *Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. Mainz: von Zabern, 1985. 312 S.
- Hermay 1986 — *Hermay A.* Eros // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae.* 1986. Bd. 3. S. 850–942.
- Manzewitsch 1932 — *Manzewitsch A.* Ein Grabfund aus Chersonnes. Leningrad: OGIz, 1932. 15 S.
- Pfommer 1990 — *Pfommer M.* Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen: E. Wasmuth, 1990. 496 S. (Istanbuler Forschungen. Bd. 37).
- Pfommer 2001 — *Pfommer M.* Greek Gold from Hellenistic Egypt. Los Angeles: Getty, 2001. 75 p.
- Reinach 1892 — *Antiquités du Bosphore Cimmérien / Rééditées par S. Reinach.* Paris: Firmin-Didot, 1892. 213 p.
- Segall 1938 — *Segall B.* Museum Benaki. Athen: Katalog der Goldschmiedearbeiten. Athen: Pysos, 1938. 112 S.
- Trumpf-Luritzaki 1969 — *Trumpf-Luritzaki M.* Griechische Figurenvasen. Bonn, 1969. 170 S.
- Zahn 1929 — *Zahn R.* Hellenistischer Goldschmuck. Diadem aus der Sammlung des Herrn James Loeb // *Antike Denkmäler.* 1929. Bd. 4. S. 69–76.

## GOLD DIADEM FROM THE ARTYUKHOV BARROW

I. YU. SCHAUB

**Keywords:** *gold diadems, «Heracles knot», Artyukhov barrow, Bosphorus, eagle, Eros, Heracles, Aphrodite, priestesses.*

The famous gold diadem from a woman's burial No.1 of the Artukhov barrow on the Taman peninsula was made in the late III — early II c. BC. The presence among the burial goods from this grave of some other unusual things, together with the fact that the diadem has an analogy in the tomb of priestesses of the Parthenos in Chersonesos, suggest that the diadem was a sacral object, a symbol of priesthood. It is no coincidence that the central composition of the diadem, placed within the «Heracles knot», bears an image of Eros instead of that of Ganymede held by eagle claws (symbol of revival?). This substitution seems to reflect the process (also seen in terracotta) of syncretization of Eros and Heracles images, both of which were popular in Hellenistic Bosphorus.

### Literature

Галанина 1980 — *Galanina L. K. Kurdjipskiy kurgan (Kurdjip barrow)*. L.: Iskusstvo, 1980. 128 p. (in Russian).

Галанина и др. 1967 — *Galanina L. K., Grach N. L., Torneus M. I. Yuvelirny'e izdeliya v E`rmitaje. Osobaya kladovaya (Jewelry articles in the Hermitage. Special treasury)*. L.: Iskusstvo, 1967. 96 p. (in Russian).

Грантовский 1960 — *Grantovskiy E. A. Indo-iranskie kasty' y skifov (Indo-Iranian castes in Scythians)*. M.: Nauka, 1960. 21 p. (in Russian).

ДБК — *Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo, hranyasch'iesya v Imperatorskom muzee E`rmitaja: Atlas (Antiquities of the Cimmerian Bosphorus stored in the Imperial Museum of the Hermitage: Atlas)*. St. Petersburg: Typography of Imperial AS, 1854. 100 p. (in Russian).

Иванов, Топоров 1982 — *Ivanov V. I., Toporov V. N. Orel // Tokarev S. A. (ed.). Mify' narodov mira (Mythes of the peoples of the world)*. M.: Soviet encyclopedia, 1982. Vol. 1. P. 258–260 (in Russian).

Литвинский, Пичикян 1979 — *Litvinskiy B. A., Pichikyan I. R. Kushanskie e`roty' (odin iz aspektov antichnogo vliyaniya na central'noaziatskuyu kul'turu) (The Kushan Erotes: Jne Aspect of Ancient Influence on Central Asiatic Culture) // Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)*. 1979. No. 2. P. 89–109 (in Russian).

Луконин 1977 — *Lukonin V. G. Iskusstvo drevnego Irana (Art of ancient Iran)*. M.: Iskusstvo, 1977. 231 p. (in Russian).

Максимова 1965 — *Maksimova M. I. Pohisch`enie Ganimedea v peredache bosporskogo мастера (Abduction of Ganymede as shown by a Bosphoran artisan) // Kratkie soobsch`eniya Instituta arheologii (BCIA)*. 1965. Vol. 103. P. 23–25 (in Russian).

Максимова 1979 — *Maksimova M. I. Artyuhovskiy kurgan (Artyukhov barrow)*. L.: Iskusstvo, 1979. 152 p. (in Russian).

Маковский 1996 — *Makovskiy M. M. Sravnitel'ny'y slovar' mifologicheskoy simvoliki v indoevropeyskikh yazy'kah: Obraz mira i mir obrazov (Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages: The image of the world and the world of images)*. M.: Vldos, 1996. 415 p. (in Russian).

Малкова 2010 — *Malkova E. M. Geraklov uzal: ob odnom dekorativnom motive v yuvelirnom iskusstve (na primere zoloty'h diadem) (Heracles knot: about one decorative motif in jewelry [with*

*particular reference to gold diadems*) // Kolesnik A. V. (ed.). *Izobrazitel'noe iskusstvo v arheologicheskom nasledii (Visual art in archaeological heritage: Collection of papers)*. Donetsk, 2010. P. 373–388 (Archaeological almanac. No. 21) (in Russian).

Малкова 2013 — *Malkova E. M.* Ukrashenie ili simbol: diadema v proizvedeniyah drevnegrecheskogo iskusstva (*Decoration of symbol: the diadem in ancient Greek art*) // Mal'ceva S. V., Stanyukovich-Denisova E. Yu. (eds.). *Aktual'ny'e problemy' teorii i istorii iskusstva (Current problems in art theory and history: Collection of research papers)*. St. Petersburg: NP-Print, 2013. Vol. 3. P. 30–42 (in Russian).

Минасян 1991 — *Minasyan R. S.* Tehnika izgotovleniya zoloty'h i serebryany'h vesch'ey iz Chertomlyk'skogo kurgana (*Technique of manufacture of gold and silver objects from the Chertomlyk barrow*) // Alekseev A. Yu., Murzin V. Yu., Rolle R. Chertomlyk (Skifskiy carskiy kurgan IV v. do n. e.). (*Chertomlyk [a Scythian royal barrow of the IV c. BC]*). Kiev: Naukova dumka, 1991. P. 378–389 (in Russian).

Пятьшева 1971 — *Pyatysheva N. V.* Material sklepa № 1012 i ego znachenie dlya istorii Hersonesa e'linisticheskogo vremeni (*Material from tomb No. 1012 and its significance for the history of Chersonesos in the Hellenic time*) // S. M. Oreshnikov et al. (eds.). *Istoriya i kul'tura Vostochnoy Evropy' po arheologicheskim dannym (History and culture of East Europe according to archaeological evidence)*. M.: Sovetskaya Rossiya, 1971. P. 89–109 (in Russian).

Раевский 1977 — *Raevskiy D. S.* Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen. Opy't rekonstrukcii skifskoy mifologii (*Essays on ideology of the Scythian-Saka tribes. Reconstruction of Scythian mythology: a trial*). M.: Nauka, 1977. 216 p. (in Russian).

Рогов 2002 — *Rogov E. Ya.* Podstenny'y sklep 1012 v Hersonese Tavricheskom (*The under-wall burial vault 1012 in Chersonesos*) // Zuev V. Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: pogrebal'ny'e pamyatniki i svyatilischa (Bosporus phenomenon: burial sites and sanctuaries)*. St. Petersburg: State Hermitage, 2002. Pt. 1. P. 25–42 (in Russian).

Ростовцев 1914 — *Rostovtsev M. I.* Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii (*Classical antiquity decorative paintings in the south of Russia*). Petrograd: Imperial Archaeological Commission, 1914. 537 p. (in Russian).

Сарианиди 1989 — *Sarianidi V. I.* Hram i nekropol' Tillya-tepe (*The temple and necropolis of Tillya-tepe*). M.: Nauka, 1989. 240 p. (in Russian).

Скржинская 2007 — *Skrjinskaya M. V.* Obraz E'rota v predstavlenii grecheskogo naseleniya Bospora, Hersonesa i Ol'vii (*The god Eros as viewed by the Greek population of the Bosporos, Chersonesos and Olbia*) // RA. 2007. No. 2. P. 16–24 (in Russian).

Стефани 1880 — *Stefani L.* Ob'yasnenie neskol'kih hudojstvenny'h proizvedeniy, naydenny'h v Yujnoy Rossii v 1878 i 1879 gg. (*Explanation of several pieces of art found in Southern Russia in 1878 and 1879*) // Otchet Imperatorskoy Arheologicheskoy komissii (*Report of the Imperial Archaeological Commission*). St. Petersburg, 1880. P. 5–138 (in Russian).

Фрэзер 1980 — *Frezer Dj.* Zolotaya vetv' (*Golden bough*). M.: Politizdat, 1980. 831 p. (in Russian).

Цветаева 1968 — *Cvetaeva G. A.* Sokrovischa prichernomorskiy kurganov (*Treasures from the barrows of the Black Sea coast*). M.: Nauka, 1968. 126 p. (in Russian).

Шайб 1981 — *Shaub I. Yu.* Pantikapeyskiy E'rot-Gerakl (*Eros-Heracles of Panticapaeum*) // *Kratkie soobsh'eniya Instituta arheologii (BCIA)*. 1981. Vol. 168. P. 42–43 (in Russian).

Шайб 2007 — *Shaub I. Ju.* Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e VII–IV vv. do n. e'. (*Myth, cult, ritual in the Northern Black Sea region of the VII–V cc. BC*). St. Petersburg: Faculty of Philology and Arts of St. Petersburg SU, 2007. 484 p. (in Russian).

Шайб 2009 — *Shaub I. Ju.* O semantike izobrajeniya Skilly' na zerkale iz Artyuhovskogo kurgana (*On the semantics of Scylla image on the mirror from the Artyukhov barrow*) // Zuev V. Yu. (ed.). *Bosporskiy fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira: Materialy' Mejdunarodnoy nauchnoy konferencii (The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Art at the Periphery of Classical*

*World: Proceedings of the International Conference*). St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2009. P. 276–280 (in Russian).

Шайб 2011 — *Shaub I. Yu.* Morskie monstry' v zagrobny'h predstavleniyah bosporyan (*Sea monsters in Bosporan ideas about the afterlife*) // Vahtina M. Ju. et al. (ed.). Bosporskiy fenomen: Naselenie, jazyki, kontakty: Materialy' Mejdunarodnoy nauchnoy konferencii (*Bosporan Phenomenon: Population, languages, contacts: Proceedings of the International Conference*). St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2011. P. 131–137 (in Russian).

Шайб 2015 — *Shaub I. Yu.* Ojerel'e s amuletami iz kurgana Bol'shaya Bliznitsa (*Necklace with amulets from the barrow of Bolshaya Bliznitsa*) // *Novy'y Germes (New Hermes)*. 2015. No. 7. P. 22–29 (in Russian).

Шталь 1989 — *Shtal I. V.* E'picheskie predaniya Drevney Grecii (*Epic legends of Ancient Greece*). M.: Nauka, 1989. 299 p. (in Russian).

Штернберг 1936 — *Shternberg L. Ya.* Kul't orla u sibirskih narodov (*Cult of the eagle in Siberian peoples*) // *Shternberg L. Ya.* Pervoby'tnaya religiya v svete e'tnografii: Issledovaniya, stat'i, lektsii (*The primitive religion in light of ethnography: studies, articles and lectures*). L.: Institute of the Peoples of the North, 1936. P. 110–126 (in Russian).

Элиаде 2014 — *Eliade M.* Shamanizm (*Shamanism*). M.: Akademicheskiiy proekt, 2014. 399 p. (in Russian).

Яценко 2006 — *Yacenko S. A.* Kostyum drevney Evrazii (iranoyazy'chny'e narody'). (*Costume of ancient Eurasia [Iranophone peoples]*). M.: Oriental literature, 2006. 664 p. (in Russian).

Яценко 2009 — *Yacenko S. A.* Ob antichnom vliyaniy v oformlenii antropomorfny'h obrazov sarmatov (*On the classical influence on the Sarmatian anthropomorphic images*) // Zuev V. Yu. (ed.). Bosporskiy fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira: Materialy' Mejdunarodnoy nauchnoy konferencii (*The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Art at the Periphery of Classical World: Proceedings of the International Conference*). St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2009. P. 544–547 (in Russian).

Auge, Linant de Bellefonds 1986 — *Auge Ch., Linant de Bellefonds P.* Eros (In peripheria Orientalis) // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. 1986. Bd. 3. S. 942–952.

Amandry 1953 — *Amandry P.* Collection Hélène Stathatos. Strassbourg: A. Bontemps, 1953. 58 p.

Cumon 1949 — *Cumon F.* Lux perpetua. Paris: P. Geuthner, 1949. 524 p.

Deppert-Lippitz 1985 — *Deppert-Lippitz B.* Griechischer Goldschmuck. Mainz: von Zabern, 1985. 312 S.

Hermayr 1986 — *Hermayr A.* Eros // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. 1986. Bd. 3. S. 850–942.

Manzewitsch 1932 — *Manzewitsch A.* Ein Grabfund aus Chersonnes. Leningrad: OGIz, 1932. 15 S.

Pfrommer 1990 — *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen: E. Wasmuth, 1990. 496 S. (Istanbuler Forschungen. Bd. 37).

Pfrommer 2001 — *Pfrommer M.* Greek Gold from Hellenistic Egypt. Los Angeles: Getty, 2001. 75 p.

Reinach 1892 — *Antiquités du Bosphore Cimmérien / Rééditées par S. Reinach*. Paris: Firmin-Didot, 1892. 213 p.

Segall 1938 — *Segall B.* Museum Benaki. Athen: Katalog der Goldschmiedearbeiten. Athen: Pysos, 1938. 112 S.

Trumpf-Luritzaki 1969 — *Trumpf-Luritzaki M.* Griechische Figurenvasen. Bonn, 1969. 170 S.

Zahn 1929 — *Zahn R.* Hellenistischer Goldschmuck. Diadem aus der Sammlung des Herrn James Loeb // *Antike Denkmäler*. 1929. Bd. 4. S. 69–76.

# ГЕММА (ИНТАЛИЯ) ИЗ НЕКРОПОЛЯ АРТЮЩЕНКО-2

С. В. КАШАЕВ

**Ключевые слова:** Таманский п-ов, некрополь Артющенко-2, погребение, инвентарь, гемма, инталия.

Работа посвящена уникальной находке — гемме (инталии) из горного хрусталя, обнаруженной при исследовании погр. 146 некрополя Артющенко-2, расположенного в южной части Таманского п-ова. Погребение было разрушено абразией берега несколько лет назад и обнаружено под обрывом на береговом склоне.

На плоской поверхности инталии (рис. 1, 1, 4) очень искусно вырезано изображение полуобнаженной женщины, сидящей на камне (скале). Тело женщины изображено влево вполоборота, лицо также влево — но в профиль, голова наклонена немного вниз. Левая рука опущена вдоль тела и опирается на камень. Кисть правой руки женщины поднята на уровень плеч и держит край просторной ткани (плаща), прикрывающей ее голову, спину и складками опускающейся на ноги и немного на камень. Грудь и живот оставлены неприкрытыми. На основании идентичности изобразительных элементов на нашей гемме и других резных камнях, хранящихся в разных музеях, можно сделать вывод, что гемма (инталия) из Артющенко-2 имеет явное сходство с работами мастера Дексамена. Можно предположить, что она происходит из мастерской Дексамена и выполнена одним из его учеников. По стилю и манере изображения гемма относится ко второй половине V — началу IV в. до н. э. Столь редкая по качеству, изяществу и красоте находка, обнаруженная на некрополе сельского поселения, в очередной раз подчеркивает своеобразие и уникальность некрополя Артющенко-2.

В 2014 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН продолжал раскопки погребений некрополя Артющенко-2, расположенного в южной части Таманского п-ова (Кашаев 2009; 2010). При исследовании погр. 146 была обнаружена уникальная гемма (инталия) из горного хрусталя. Кратко остановимся на нескольких необычных обстоятельствах открытия этого комплекса. На осыпающемся береговом склоне были обнаружены останки человека из погребения, полностью разрушенного в результате абразии берега в 2002–2004 гг. На склоне был заложен шурф, так чтобы в его площадь попали, по возможности, все относящиеся к погребению кости и сохранившиеся предметы инвентаря.

В шурфе были обнаружены плохо сохранившиеся фрагменты длинных костей рук и ног, черепа, зубы и других костей скелета человека. Судя по их общему положению, погребенный (мужчина 35–40 л.)<sup>1</sup> был ориентирован головой на восток или северо-восток.

Погребение 146 расположено вблизи погр. 24, 25, 27, 28, 30, 32, 35, исследованных в 2005–2010 гг. Соответственно его датировка, возможно, близка датам этих погребений, относящихся ко второй половине V — началу IV в. до н. э. (Кашаев 2008: 134–135).

<sup>1</sup> Определение произведено сотрудницей ИА РАН д. и. н. М. В. Добровольской.

Вместе с фрагментами человеческих костей были найдены предметы, отнесенные к остаткам погребального инвентаря:

1. Фрагменты стенки и края красноглиняной миски (рис. 1, 5). Диаметр венчика — 18,4 см; сохранившаяся высота — 2,5 см. На фрагментах стенки сохранилась кольцевая линия, выполненная красной краской.

2. Гемма (инталия) из горного хрусталя (рис. 1, 1, 3, 4). Размеры: 2,3 × 1,8 × 1,0 см. Вес камня — 6,31 г.

Инталия — разновидность геммы, ювелирное изделие или украшение, выполненное в технике углубленного (отрицательного) рельефа на поделочных камнях или стекле, в противоположность камее, которая выполняется в технике выпуклого рельефа. Инталиями часто использовались в качестве печатей, оттиск с которых выглядит выпуклым. Не удивительно, что многие кольца-печатки выполнялись в этой технике.

Гемма (инталия) из погр. 146, изготовленная из совершенно прозрачного горного хрусталя, имеет форму скарабеоида — овальную, с гладкой овальной спинкой. По форме камня она относится к типу А (Boardman 1970: 191). Сохранность камня очень хорошая, только по краю плоской орнаментированной поверхности «на 5 часов» наблюдается небольшой скол.

На плоской поверхности инталии искусно вырезано изображение женщины, сидящей на камне (скале) квадратной формы. Поверхность этого камня выполнена мастером не гладкой, а как будто шершавой.

Мастер вырезал фигуру женщины полуобнаженной, ее тело изображено влево вполоборота, лицо также обращено влево, но в профиль, голова наклонена немного вниз. Левая рука опущена вдоль тела и опирается на камень. Такой прием позволял рельефно передать все контуры тела художественно привлекательными.

Кисть правой руки женщины поднята на уровень плеч. В ней она держит край просторной ткани (плаща), прикрывающей ее голову, спину и складками опускающейся на ноги и частично на камень. На голове ткань слегка приподнята или делает складку, возможно, из-за прически или скорее диадемы, надетой на голову. Грудь и живот остаются не прикрытыми тканью, четко проработаны талия, пупок и соски. Около ступней находится небольшой камень.

Все изображение исполнено очень реалистично и пропорционально, четко вписано в размер камня — контур изображения занимает почти всю его свободную поверхность.

Вдоль геммы просверлено сквозное отверстие диаметром около 2 мм. В отверстии находился тонкий серебряный стержень без концевых петелек (рис. 1, 2), являющийся частью крепежа. Его диаметр — около 1 мм, сохранившаяся длина — 11 мм. Скорее всего, вся металлическая основа, к которой крепилась инталия, тоже была выполнена из серебра.

По существующим аналогиям гемма могла быть закреплена на перстне, как поворотный щиток, или на цепочке, как подвеска (Калашник 2014: 88, 114, 246). Можно предположить, что, скорее всего, она использовалась как личная печать владельца (Неверов 1976: 30; 1984: 239).

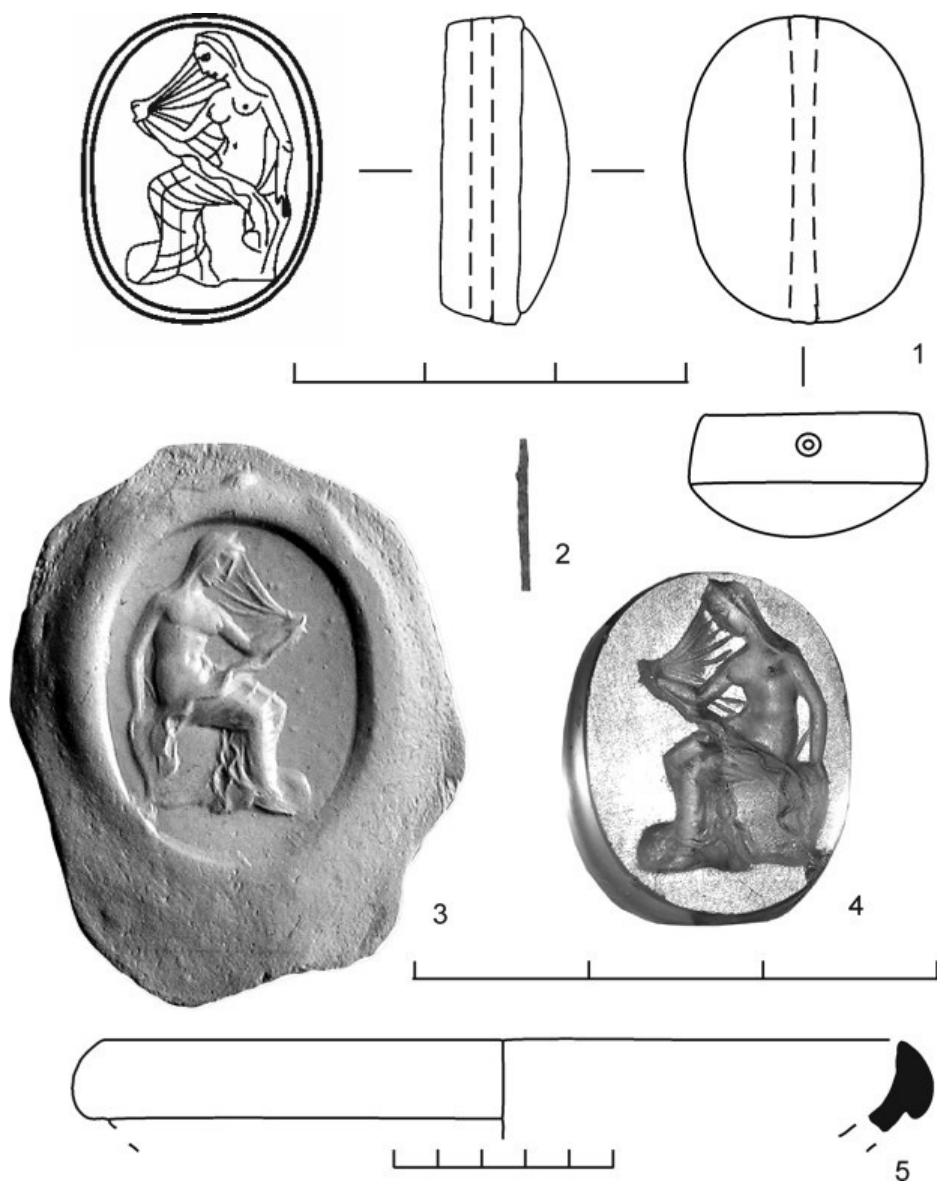


Рис. 1. Некрополь Артыушченко-2, раскоп Н, погр. 146: 1 и 4 — гемма (инталия) из горного хрусталя (прорисовка и фото); 2 — серебряный стержень из геммы; 3 — оттиск геммы; 5 — фрагмент красноглиняной миски

Fig. 1. Necropolis of Artyushchenko-2, excavation area H, burial 146: 1 and 4 — gem (intaglio) of rock crystal (drawing and photo); 2 — silver rod from a gem; 3 — gem imprinting; 5 — fragment of a red clay bowl



Для атрибуции и датировки находки мы обратились к работам предшественников, занимавшихся изучением аналогичных вещей, и, конечно, к работам М. И. Максимовой, которая начала заниматься резными камнями с 1920-х гг. (Максимова 1926). Первые публикации античных гемм из собрания Эрмитажа начались еще в XIX в., но начало подлинно научного изучения коллекции было положено именно М. И. Максимовой (Неверов 1976: 27). Эта исследовательница убедительно показала, что из всех крупных центров античной культуры Северного Причерноморья Боспорское царство дало богатейшую серию великолепных памятников камнерезного искусства, которая свидетельствует об его экономическом и культурном процветании (Максимова 1955: 439).

В архаический период резьба по камню велась вручную. Для работы камнерезы использовали набор разнообразных режущих инструментов (Richter 1968: 6). Изобретение в V в. до н. э. станка для резьбы позволило обрабатывать твердые камни, в том числе горный хрусталь (Неверов 1976: 30). Это обстоятельство может служить косвенным основанием для датировки нашей находки, также как и отсутствие штрихового ободка по краю изображения, который исчезает в V в. до н. э. (Там же).

Сюжет с изображением сидящей или присевшей на корточки полуобнаженной женщины-купальщицы, держащей одежду (ткань), встречается на геммах и металлических перстнях не редко. В качестве аналогий можно привести геммы из собраний разных музеев (Boardman 1970: No. 549–551, 591, 592, 594; Неверов 1976: № 33–35). Из коллекции инталий ГЭ наиболее привлекают внимание сюжетом, близким к нашему, два камня — купальщица, присевшая на корточки (Неверов 1976: 89, № 36), и Даная (Там же: 90, № 37). Рассмотрим каждый из них подробнее.

Тело купальщицы, присевшей на корточки, изображено повернутым влево, вполоборота; лицо — в профиль, но повернуто вправо. Спину и плечи ее покрывает спускающаяся складками ткань, край которой она держит поднятой левой рукой. Грудь и живот обнажены, на голове сложная прическа, образующая валик. Инталия происходит из раскопок Пантикапея в 1836 г.; она изготовлена из халцедона, размеры — 2,6 × 2,0 см; предмет датирован IV в. до н. э. (Максимова 1926: 40; Неверов 1976: 89, № 36).

Даная изображена сидящей на стуле (табурете), тело повернуто влево вполоборота, голова в профиль влево. Лицо смотрит вверх. Кисть левой руки поднята к плечу. Правая рука поднята вверх над головой и держит край ткани, ниспадающей складками на спину. Ноги также укрыты тканью, грудь и живот обнажены. На голове заметна прическа или диадема, ее трактовка близка «диадеме» на нашей находке. Эрмитажная инталия поступила из собрания Ж.-Б. Малля в 1813 г.; она изготовлена из халцедона, размеры — 1,6 × 1,3 см, датирована IV в. до н. э. (Максимова 1926: 41; Неверов 1976: 90, № 37). Если на голове женщины действительно изображена диадема, то она должна символизировать ее принадлежность к царскому роду.

Нельзя не отметить подписную инталию мастера Дексамена «Госпожа и служанка», хранящуюся в музее Фицуильяма (The Fitzwilliam Museum) в Кембридже (Неверов 1973: 55, № 4). Госпожа сидит на стуле (табурете), тело обращено влево вполоборота, голова — влево в профиль. Правая рука поднята на уровень плеча, левая опущена вниз и опирается на стул. На голове прическа, образующая валик вокруг головы.

Привлекает внимание гемма из кургана Темир-гора, очень близкая по манере мастеру Дексамену (Там же: 56, 57, № 4). На ней изображен полуобнаженный юноша, сидящий на скале и играющий на струнном инструменте типа арфы. На ногах юноши складками лежит плащ.

Также можно обратить внимание на гемму с изображением сидящего на скале полуобнаженного молодого воина (Bernheimer 2007: 41, CG-2). Способ передачи мастером структуры поверхности скалы и складок одежды юноши близок изображению на гемме из Артющенко-2.

Рассмотрев аналогии, нельзя обойти вопрос о породе камня, из которого изготовлена наша инталия. Горный хрусталь может считаться символом скромности и чистоты помыслов. В качестве примеров изделий из этого камня можно привести геммы V в. до н. э. Первая — с изображением свиньи, происходящая из раскопок одного из Семибратних курганов (Неверов 1976: 84, № 17), вторая — с изображением осы, из собраний Л. Росса (Там же: 87, № 27). Есть также скарабеоид с изображением женщины, сидящей на стуле и играющей на арфе (Ернштедт 1925: 297). В целом изделия из горного хрусталя немногочисленны по сравнению с геммами, вырезанными на других камнях. Складывается впечатление, что этот камень редко использовался мастерами, возможно в силу своей твердости или редкости хорошей заготовки.

На основании приведенных аналогий можно сделать некоторые выводы.

1. Общее расположение композиции на поверхности геммы, четко вписанной в имеющееся пространство, характерно для мастерской Дексамена (Неверов 1973: 55; 57; Richter 1968: Pl. A).

2. Поза женщины практически полностью повторяет позу Госпожи на гемме Дексамена (Неверов 1973: 55, № 4), что может указывать на школу мастера.

3. Складки ткани в виде бегущих волн близки передаче плаща юноши с арфой на гемме Дексамена (Там же: 56, 57, № 4).

4. Вопрос об изображенном на нашей гемме (инталии) персонаже довольно сложный. В этом отношении, прежде всего, следует обратить внимание на гемму с Данаей (Максимова 1926: 41; Неверов 1976: 90, № 37). Можно сказать, что оба изображения по стилю довольно близки. Нетрудно заметить сходство поз, близка манера передачи прически или диадемы, надетой на голову под тканью. Отмеченные детали позволяют предположить, что на инталии из Артющенко-2 может быть изображена Даная. В этом случае ткань, покрывающая ее фигуру, символизирует плащ, которым Даная будет собирать золотой дождь. Разница, вероятно, имеется во временном моменте изображенного мифического сюжета. На эрмитажной гемме Даная подняла плащ и смотрит вверх — возможно,

это момент встречи или прощания с Зевсом. На гемме из Артющенко-2 она укутана в плащ и смотрит вниз — это скорее соответствует моменту ожидания появления божества.

5. С уверенностью можно говорить, что гемма (инталия) из погр. 146 по стилю и манере изображения относится ко второй половине V — началу IV в. до н. э. Поэтому первоначальная датировка комплекса по его контексту представляется вполне оправданной.

Таким образом, на основании изобразительных элементов можно сделать вывод, что гемма (инталия) из Артющенко-2 имеет явное сходство с работами мастера Дексамена и, скорее всего, происходит из его мастерской. О. Я. Неверов писал по этому поводу: «Музыкальная ритмичность линий, естественная свобода композиции, поэтичность языка — характерные черты мастерской прославленного хиосского резчика» (Неверов 1973: 56). Все отмеченные им признаки в полной мере присутствуют на публикуемой гемме (инталии).

Для работ самого Дексамена характерной особенностью являются тонкие параллельные штрихи алмазной иглы (Там же: 51), что можно видеть как на самой известной инталии мастера с изображением цапли, так и на других его произведениях (Там же: 55). При всем мастерстве его учеников им, как представляется, не удалось достичь подобной тонкости в работе.

В свое время М. И. Максимова тонко подметила, что количество гемм, происходящих из раскопок, указывает на широкое распространение печатей у населения различных городов Северного Причерноморья (Максимова 1955: 438). В этом контексте инталия из некрополя Артющенко-2 показывает приверженность местного населения общим культурным традициям региона.

В то же время не может не вызывать удивления тот факт, что столь редкая по качеству, изяществу и красоте находка обнаружена на некрополе сельского поселения. Это в очередной раз подчеркивает своеобразие и уникальность некрополя Артющенко-2.

## Литература

Ернштедт 1925 — *Ернштедт Е. Н.* К вопросу о стеле резчика Дексамена // Известия РАИМК. Л., 1925. Вып. 4. С. 287–298.

Калашник 2014 — *Калашник Ю. П.* Греческое золото в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. 280 с.

Кашаев 2008 — *Кашаев С. В.* Погребения с оружием в некрополе Артющенко-2 // Зинько В. Н. (ред.). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 2008. С. 128–138 (БЧ. 9).

Кашаев 2009 — *Кашаев С. В.* Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // Зинько В. Н. (ред.). Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь; Керчь, 2009. С. 188–267 (БИ. Вып. 22).

Кашаев 2010 — *Кашаев С. В.* Исследования некрополя Артющенко-2 в 2007–2008 гг. // Масленников А. А. и др. (ред.). СУМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья: Новейшие открытия и находки. М.; Киев: ИА РАН, 2010. Вып. 1. С. 88–96.

Максимова 1926 — *Максимова М. И.* Античные резные камни Эрмитажа: Путеводитель по выставке. Л.: Изд-во ГЭ, 1926. 107 с.

Максимова 1955 — *Максимова М. И.* Резные камни // Гайдукевич В. Ф., Максимова М. И. (отв. ред.). *Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 437–445.

Неверов 1973 — *Неверов О. Я.* Дексамен Хиосский и его мастерская // Горбунова К. С. (ред.). *Памятники античного прикладного искусства.* Л.: Аврора, 1973. С. 51–61.

Неверов 1976 — *Неверов О. Я.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л.: Аврора, 1976. 111 с.

Неверов 1984 — *Неверов О. Я.* Металлические перстни и печати // Кошеленко Г. А., Кругликова И. Т., Долгоруков В. С. (ред.). *Античные государства Северного Причерноморья.* М.: Наука, 1984. С. 239–241 (Археология СССР).

Boardman 1970 — *Boardman J.* *Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical.* London: Thames and Hudson, 1970. 458 p.

Bernheimer 2007 — *Bernheimer M.* *Ancient Gems from the Borowski Collection.* Ruppolding; Mainz am Rhein: Verlag Franz Philipp Rutzen, 2007. 120 p.

Richter 1968 — *Richter G. M. A.* *Engraved Gems of the Greeks, Etruscans, and Romans.* London: Phaidon press, 1968. 139 p.

## GEM (INTAGLIO) FROM THE NECROPOLIS OF ARTYUSHCHENKO-2

S. V. KASHAEV

**Keywords:** *Taman peninsula, necropolis of Artyushchenko-2, burial, burial goods, gem, intaglio.*

The paper deals with a unique gem (intaglio) of rock crystal from burial 146 of the necropolis of Artyushchenko-2 in the southern part of the Taman peninsula. Several years ago the burial was destroyed by coastal abrasion and found on the shore face below the precipice. The flat surface of the intaglio (fig. 1, 1, 4) bears a skillfully carved image of a half-naked woman sitting on a stone (cliff). Her body is shown from the left, half-turned, the face also from the left, in profile, and the head slightly tilted. The left hand rests on the stone. The palm of the right hand is raised to the level of shoulders and holds the edge of a cloth (cloak), which covers her head, back, feet and a part of the stone. The chest and belly are left uncovered. The analogies with other gems stored in different museums give grounds to conclude that the gem from Artyushchenko-2 is similar to the works by Dexamenus. It is possible to hypothesize that it was made by one of his apprentices. Judging by its style and matter of execution it can be dated to the second half of the V — the beginning of the IV c. BC.

### Literature

Ернштедт 1925 — *Ernshtedt E. N.* К вопросу о стеле резчика Дексамена (*To the question of the stele of Dexamenus the stonecutter*) // *Izvestiya RAIMK (Reports of RAHMC).* L., 1925. Vol. 4. P. 287–298 (in Russian).

Калашник 2014 — *Kalashnik Yu. P.* *Grecheskoe zoloto v sobranii E'rmitaja (Greek gold in the Hermitage collection).* St. Petersburg: State Hermitage, 2014. 280 p. (in Russian).

Кашаев 2008 — *Kashaev S. V.* *Pogrebeniya s oruzhiem v nekropole Artyush'enko-2 (Burials with weapons in the necropolis of Artyushchenko-2)* // *Zin'ko V. N.* (ed.). *Bospor Kimmeriyskiy*

i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Militaria (*The Cimmerian Bosphorus and barbarian world in the period of Antiquity and Middle Ages. Militaria*). Kerch, 2008. P. 128–138 (9 Bosporan Readings) (in Russian).

Кашаев 2009 — *Kashaev S. V.* Nekropol' Artyusch'enko-2 (obsch'aya harakteristika, rezul'taty' raskopok 2003–2005 gg., pogrebeniya № 1–23) (*Necropolis of Artyushenko-2 [general characteristic, results of 2003–2005 excavations, burials No. 1–23]*) Zin'ko V. N. (ed.). Stepi Evrazii i istoriya Bospora Kimmeriyskogo (*Steppes of Eurasia and the History of the Cimmerian Bosphorus*). Simferopol; Kerch, 2009. P. 188–267 (BS. Vol. 22) (in Russian).

Кашаев 2010 — *Kashaev S. V.* Issledovaniya nekropolya Artyusch'enko-2 v 2007–2008 gg. (*Excavations of the necropolis of Artyushchenko-2 in 2007–2008*) // Maslennikov A. A. et al. (eds.). ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichny'y mir Severnogo Prichernomor'ya: Noveyshie otkry'tiya i nahodki (*ΣΥΜΒΟΛΑ. The Classical world of the North Black Sea region: newest discoveries and finds*). M.; Kiev: IA RAS, 2010. Vol. 1. P. 88–96 (in Russian).

Максимова 1926 — *Maksimova M. I.* Antichny'e rezny'e kamni E'rmitaja: Putevoditel' (*Ancient gems from the Hermitage: Exhibition guide*). L.: State Hermitage, 1926. 107 p. (in Russian).

Максимова 1955 — *Maksimova M. I.* Rezny'e kamni // Gaydukevich V. F., Maksimova M. I. (eds.). Antichny'e goroda Severnogo Prichernomor'ya: Oчерки istorii i kul'tury' (*Antique cities of the North Black Sea region: Essays on history and culture*) M.; L.: AS of the USSR, 1955. P. 437–445 (in Russian).

Неверов 1973 — *Neverov O. Ya.* Deksamen Hiosskiy i ego masterskaya (*Dexamenus of Chios and his workshop*) // Gorbunova K. S. (ed.). Pamyatniki antichnogo prikladnogo iskusstva (*Monuments of the classical applied art*). L.: Aurora, 1973. P. 51–61 (in Russian).

Неверов 1976 — *Neverov O. Ya.* Antichny'e intalii v sobranii E'rmitaja (*Antique intaglios in the Hermitage collection*). L.: Aurora, 1976. 111 p. (in Russian).

Неверов 1984 — *Neverov O. Ya.* Metallicheskie perstni i pečhati (Metal finger-rings and seals) // Koshelenko G. A., Kruglikova I. T., Dolgorukov V. S. (eds.). Antichny'e gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya (*Antique states of the Black Sea region*). M.: Nauka, 1984. P. 239–241 (Archaeology of the USSR) (in Russian).

# АТТИЧЕСКИЕ ЧАШЕВИДНЫЕ СКИФОСЫ ИЗ МЕОТСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРАВОБЕРЕЖЬЯ КУБАНИ<sup>1</sup>

Н. Ю. ЛИМБЕРИС, И. И. МАРЧЕНКО

**Ключевые слова:** Прикубанье, меотская культура, грунтовые могильники, чернолаковые чашевидные скифосы, чернофигурная роспись, краснофигурная роспись, атрибуция, хронология.

В статье анализируется коллекция аттических чашевидных скифосов из грунтовых могильников меотской культуры в Прикубанье. В погребениях этот тип сосудов для питья вина по количеству находок занимает третье место после скифосов аттического типа и канфаров. Хронологически рассматриваемый материал относится к началу V — середине IV в. до н. э. К раннемеотскому времени относится гладкий чернолаковый чашевидный скифос раннего варианта и несколько чернофигурных сосудов группы мастера Хаймона. Большинство чашевидных скифосов первой половины — середины IV в. до н. э. найдено в грунтовых могильниках Прикубанский и Лебеди III. Причем практически все находки чернолаковой керамики в мог-ке Прикубанский сопровождались амфорной тарой. Для этого времени характерны чернолаковые чашевидные скифосы «с тяжелыми стенками». Единственный краснофигурный экземпляр принадлежит к поздним образцам краснофигурной техники — возможно, кругу мастера Q.

Для рассматриваемых глубоких чернолаковых чаш с горизонтальными приподнятыми ручками мы придерживаемся названия *cup-skyphos*, принятого в сводке керамики Афинской агоры, хотя оно было дано достаточно условно (Sparkes, Talcott 1970: 109). Некоторые наши исследователи также обратили внимание на неопределенность терминологии для обозначения этого типа сосудов (Егорова 2009: 31; Ксенофонтова 2015: 59, прим. 10). В отечественной и зарубежной литературе такие чаши, учитывая форму ручек, раньше называли глубокими киликами (Иванов 1963: 183–184; Брашинский 1980: 52, 125; Горбунова 1977; Рогов, Тункина 1998: 163) или даже килико-скифосами (Сидорова 1992: 229). В правобережных меотских могильниках чашевидные скифосы по количеству находок занимают третье место среди сосудов для питья вина после скифосов аттического типа и канфаров. Нам известно 10 археологически целых чашевидных скифосов (семь полностью покрытых лаком, два чернофигурных и один краснофигурный), а также фрагменты и вторично использованные поддоны<sup>2</sup>. Хронологический диапазон рассматриваемого материала ограничивается началом V — серединой IV в. до н. э. Большая часть

<sup>1</sup> Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00089 «Торговые связи меотов Прикубанья с античным миром (по материалам древнегреческой чернолаковой и тарной керамики)».

<sup>2</sup> Материалы, кроме материалов мог-ка Лебеди III, хранятся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике.

сосудов обнаружена в грунтовых могильниках Прикубанский и Лебеди III<sup>3</sup>, в каждом из которых были раскопаны сотни погребений IV в. до н. э. Для этого времени опорным в хронологическом плане является исследованный нами мог-к Прикубанский, где практически все находки чернолаковой керамики сопровождались амфорной тарой.

К раннему варианту чашевидных скифосов, полностью покрытых лаком, относится сосуд № 1 (рис. 1, 1)<sup>4</sup> из погр. 34 мог-ка Старокорсунского городища № 2. Аналогии относятся к 490–470 гг. (Sparkes, Talcott 1970: cat. no. 575–579). Датировка комплекса ограничивается первой половиной V в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2012: 48, 76, рис. 25, 9).

Экземпляры № 2–9 сопоставимы с чашевидными скифосами «с тяжелыми стенками» (*heavy wall*), которые по Агоре датируются началом IV в. до н. э. (до 380 г.) (Sparkes, Talcott 1970: cat. no. 621–623). Материалы из некролей и городищ Северного Причерноморья позволяют датировать такие сосуды второй четвертью — серединой IV в. до н. э., но не исключают их бытования в третьей четверти столетия (Егорова 2009: 31; 2014: 184, 186; Рогов, Тункина 1998: 163; Рогов 2011: 44). Сосуды № 6, 7 (рис. 1, 6, 7) и фрагмент края скифоса № 9 из мог-ка Лебеди III, которые имеют неширокий выраженный желобок под венчиком, вероятно, можно широко датировать первой половиной IV в. до н. э. Типы амфор (если они были), встреченных с этими сосудами, неизвестны. Аналогичный чашевидный скифос начала IV в. до н. э. происходит из погр. 44 кург. 4 Уляпского мог-ка в Закубанье, где он найден вместе с краснофигурным сосудом того же типа, расписанным в манере мастера Q (Лесков и др. 2005: 76, рис. 34, 4, 6а; Ксенофонтова 2005: 163–164, рис. 1).

Отличительной чертой сосудов № 2, 3 (рис. 1, 2, 3) из мог-ка Прикубанский является отсутствие желобка под венчиком. Аналогичный сосуд из Елизаветовского некрополя был датирован серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. (Брашинский 1980: № 171). С сосудом № 2 в погр. 217 была найдена гераклейская амфора варианта I-A-2, хронологические рамки которого определяются примерно с середины 70-х по 40-е гг. IV в. до н. э. (Монахов 2003: 134). Амфора была украдена с раскопа грабителями, поэтому клеймо осталось неизвестным. Датировка погр. 184, 217 и 248 с чашевидными скифосами № 2, 3 и 4 определяется нами в пределах второй четверти — середины IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2010: 330–331, № 17, 19, 20). Сосуды № 5, 8 (рис. 1, 5, 8) из мог-ка Лебеди III по сравнению с другими имеют более глубокую чашу, слабо утолщенный венчик и несколько выпуклое дно. Учитывая, что состав комплекса амфорной тары из этого могильника в целом аналогичен материалам мог-ка Прикубанский, хронологию сосудов из мог-ка Лебеди III можно ограничить второй четвертью — серединой IV в. до н. э.

<sup>3</sup> Могильник Лебеди III исследовался в 1979–1980 гг. Северо-Кавказской экспедицией ИА РАН под руководством И. С. Каменецкого, который передал нам материал для научной обработки и публикации.

<sup>4</sup> Нумерация сосудов в тексте и на рис. 1–3 соответствует нумерации в Каталоге.



Рис. 1. Чашевидные скифосы. Нумерация на рисунках 1–3 соответствует нумерации в Каталоге

Fig. 1. Cup-scyphoses. The numbering on figures 1–3 corresponds to that in the catalogue

В погребениях мог-ка Прикубанский встречено несколько вторично использованных поддонов № 10–14, которым сопутствовали амфоры (Лимберис, Марченко 2010: 342, № 21–25). Две амфоры неустановленных средиземноморских центров дают возможность датировать погр. 88 с поддоном № 10 (рис. 2, 10)



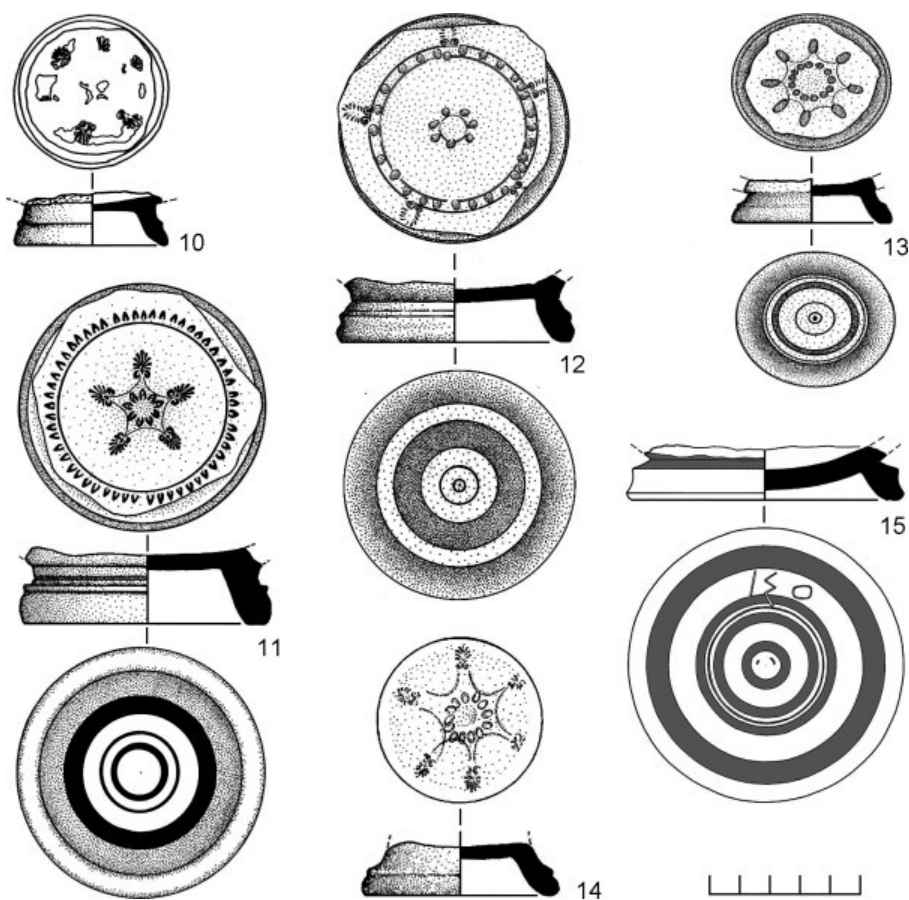


Рис. 2. Вторично использованные поддоны чашевидных скифосов

Fig. 2. Secondarily used bases of cup-scyphoses

первой половиной — серединой IV в. до н. э. Хронология погр. 186, в котором был найден поддон № 11 (рис. 2, 11), по мендейской амфоре мелитопольского варианта II-C и кидской елизаветинского варианта I-A ограничивается второй четвертью — серединой IV в. до н. э. (Монахов 2003: 92–93, 95, 102, 110; Лимберис, Марченко 2010: 323, № 21, 22). Поддон № 12 (рис. 2, 12) из ограбленного в древности погр. 318, где нет другого датирующего инвентаря, судя по штампованному орнаменту внутри и оформлению дна снизу лаковыми кругами, принадлежал довольно раннему сосуду. Орнаментация, сочетающая окружности из «ов» и пальметки, встречается на чернолаковых сосудах разных типов последней четверти V — первой четверти IV в. до н. э. (Sparkes, Talcott 1970: pl. 55; cat. no. 597, 598, 603, 614, 617, 619, 621, 623). Вместе с поддоном № 13 (рис. 2, 13) в погр. 338 была встречена фракционная мендейская амфора варианта портичел-

ло (?) первой половины IV в. до н. э.<sup>5</sup> Погребение 381 с поддоном № 14 (рис. 2, 14) датируется второй четвертью IV в. до н. э. по двум амфорам Менды вариантов портичелло II-B и мелитопольского II-C (Монахов 2003: 91–93, 95, № 23–25).

Поддон № 15 (рис. 2, 15) из погр. 25 могильника городища № 3 хут. Ленина отличается от поддонов сосудов предыдущих вариантов не только большим диаметром, но и перехватом на стыке со стенкой, вогнутым внешним краем с остроугольным выступом, а также узким желобком на подошве и выпуклым снизу дном. Эти особенности указывают на принадлежность поддона другому варианту чашевидных скифосов. Предположительно, это может быть тонкостенная (*light wall*) чаша. Их характерной особенностью является перехват между стенкой и поддоном, причем основание поддона шире шейки. Производство таких сосудов в Аттике продолжалось с третьей четверти V в. до н. э. до середины IV в. до н. э., но после 375 г. до н. э. они появляются редко (Sparkes, Talcott 1970: 110–111). По мнению одних исследователей, сосуды этого типа могли бытовать на территории Северного Причерноморья до конца IV в. до н. э. или даже до начала III в. до н. э. (Козуб 1974: 46; Парович-Пешикан 1974: 69). Другие обоснованно считают, что поступление таких сосудов на причерноморские рынки прекращается не позднее середины IV в. до н. э. Единственный экземпляр из некрополя Панское I датируется второй четвертью IV в. до н. э. (Рогов, Тункина 1998: 163, 165, рис. 5, 1, № 68). Сосуды, найденные в некрополе Ольвии на участке Широкая Балка, также происходят из погребений первой половины IV в. до н. э. (Папанова 2000: № 11–17, рис. 4–7).

Чернофигурные сосуды № 16–22 (рис. 3, 16–22) раннего варианта по стилю росписи принадлежат группе мастера Хаймона (или примыкающей к ней подгруппе Ланкут) первой четверти V в. до н. э. (Горбунова 1983: 11, кат. 147–150, 154; Лимберис 1994: 38, 39). Аналогичные сосуды с росписью в манере этого мастера — не редкость в культурных слоях городищ и греко-варварских некрополях Северного Причерноморья (Скуднева 1988: 66, 131, кат. № 84, 3; 206, 1; Сидорова 1992: 229, илл. 17, 18; Коровина 1992: 22, рис. 12; Smith 2010: Nr. 110). На некрополе Артющенко-2 такой сосуд найден в погр. 6 второй четверти V в. до н. э. (Кашаев 2009: 194–197, рис. 6, 3). Находки чаш этого типа в Елизаветовском некрополе относятся к первой четверти V в. до н. э. (Брашинский 1976: 101–102, рис. 1, 2; 1980: 52, табл. XIII, 153–156). Сосуды № 16, 17, 18 происходят из раннемеотских комплексов первой половины — середины V в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2012: 47–48, рис. 25, 5–7). Подобные находки есть и на левом берегу Кубани. Целый чернофигурный сосуд («килик») из погр. 21 кург. 13 Уляпского мог-ка исследователи включили в группу импортов конца VI — V в. до н. э. (Лесков и др. 2005: 50, 76, рис. 160, 8, фото на вклейке). Не исключено, что к этой же группе сосудов принадлежит и фрагмент венчика из Ульско-го кург. 1 1898 г. (Ксенофонтова 2015: 59, рис. 26, кат. 13). Целый сосуд, найденный при земляных работах на территории опытного хозяйства «Кубань»,

<sup>5</sup> Определение С. Ю. Монахова.

хранится в музее г. Гулькевичи (Скрипкин 2015: 251–252, рис. 1). Приведенные нами аналогии позволяют оба чашевидных скифоса из Закубанья также датировать первой четвертью V в. до н. э.

Единственный краснофигурный чашевидный скифос № 23 (рис. 3, 23) был найден в погр. 248 мог-ка Прикубанский, которое мы датировали в пределах второй четверти — середины IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2010: 330–331, рис. 3, 1, № 18). Сосуд относится к поздней серии без желобка под венчиком. Сюжет росписи близок изображениям «беглого стиля» на скифосах аттического типа, но рисунок более аккуратный. На территории Боспора подобные сосуды — не редкость. По стилю росписи исследователи относят их к изделиям мастерской так называемого мастера Q. Для сюжетных композиций этой мастерской наиболее типичны изображения атлетов с различными атрибутами палестры, силенов и менад. Изображения мужских фигур в гиматиях, как правило, встречаются в паре с обнаженной фигурой атлета, как, например, на сосуде из Ольвии, который был датирован рубежом VI–V — первым десятилетием IV в. до н. э. (Сазонова 1988: 187, рис. 1–3). Фрагменты чаш этой мастерской из раскопок Пантикапея относятся ко второй четверти IV в. до н. э. (Вдовиченко, Ермолин 2005: 42, рис. 5, 3–5, 7, 8, 12; Тугушева 2006: 475–476, рис. 7). Небрежный характер росписи на этих сосудах отличается от аккуратного и четкого рисунка мастера чаши из Иены на сосуде ранней серии (с желобком под венчиком) из некрополя Панское I, который К. С. Горбунова датировала временем около 400 г. до н. э. или самым началом IV в. до н. э. (Горбунова 1977: 42, 45, рис. 1–3; Рогов, Тункина 1998: 163, рис. 1, 1, 2, № 58). По аналогии с этим сосудом И. Б. Брашинский отнес фрагменты краснофигурных чашевидных скифосов с Елизаветовского городища к первой четверти IV в. до н. э. (Брашинский 1980: 55–56, табл. XXXV, 13–15). Чашевидный скифос из погр. 4 кургана 44 Уляпского мог-ка с росписью, выполненной в манере мастера Q, датируется самым началом IV в. до н. э. (Ксенофонтова 2005: 163–164, рис. 1). Этот сосуд отличается от прикубанского четкой прорисовкой лиц персонажей и резным орнаментом на внутренней стороне дна, характерным для данной мастерской (Моогс 1997: 132). Среди немногочисленных фрагментов краснофигурных чашевидных скифосов из раскопок Афинской агоры один представляется близким по стилю росписи сосуду № 23, правда принадлежность его к какой-либо мастерской не установлена. Датировка этого фрагмента ограничивается концом V — началом IV в. до н. э. (Ibid.: 66, Nr. 1346). Очевидно, сосуд из погр. 248 мог-ка Прикубанский принадлежит к поздним образцам краснофигурной техники. О наличии декорации внутри судить нельзя, так как дно отсутствует. Из этого же погребения происходит гладкий чернолаковый чашевидный скифос с неаккуратным резным и штампованным орнаментом на внутренней стороне дна (см. № 3).

Рассмотренная серия чернолаковых сосудов демонстрирует связь местного населения Прикубанья с греческими колониями Боспора, через которые к меотам поступали необходимые товары и предметы роскоши. Ранний этап поступления чашевидных скифосов приходится на первую четверть V в. до н. э. Ввиду общей

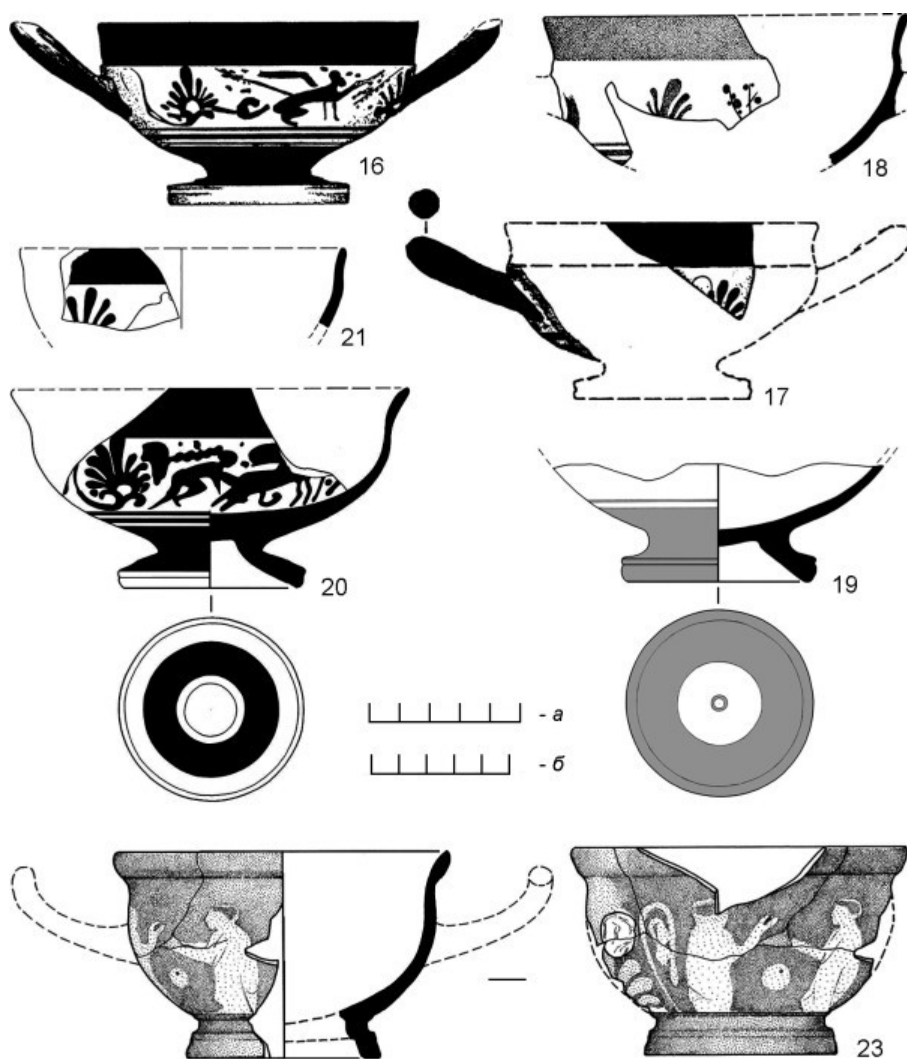


Рис. 3. Чашевидные скифосы: 16–21 — чернофигурные; 23 — краснофигурный. Масштабы: *a* — 16–21; *б* — 23

Fig. 3. Cup-scyphoses: 16–21 — black-figured; 23 — red-figured. Scales: *a* — 16–21; *b* — 23

малочисленности привозных сосудов чернофигурные чашевидные скифосы несомненно представляли ценность для меотов, поэтому в погребения они попадали приблизительно со второй четверти V в. до н. э. Ситуация изменилась в IV в. до н. э. в связи с возросшим импортом из Аттики. Для этого периода отмечается синхронность датировок чашевидных скифосов (как, впрочем, и других видов чернолаковой керамики) и совместно встреченной в погребениях амфорной тары.

## КАТАЛОГ

## Чашевидные скифосы

Полностью покрытые лаком

*Ранний вариант*

1. Венчик прогнутый, снизу выделен ребром. Дно немного выпуклое снизу, изнутри — бугорок. Поддон отделен от стенок подрезкой, ровно срезан и скошен к основанию. Подошва ровная, в цвете глины. На дне снизу — точка и два кружка. Лак черный, блестящий, хорошего качества. Глина бежевая, тонкоотмученная, без видимых примесей. Высота — 7,4 см, диаметр венчика — 12,3 см, диаметр поддона — 7,7 см.

Мог-к Старокорсунского городища № 2, погр. 34. 1976 г. (раскопки Н. В. Анфимова). Погребение первой половины V в. до н. э. Публикации: Лимберис, Марченко 2010: 48, 112, рис. 25, 9; 49. Аналогии: Sparkes, Talcott 1970: cat. no. 575–579.

*С тяжелыми стенками*

2. Край плавно отогнут, венчик утолщенный валикообразный, подчеркнут снизу. Ручки (одна утрачена, от второй сохранилась половина) подняты над венчиком, в сечении круглые. Поддон профилирован узким валиком. Подошва — в цвете глины, округлена. Дно утолщенное, ровное. Лак черный, с бурыми пятнами, блестящий, густой. Глина светло-коричневая, без видимых примесей. Целый (кроме ручек). Высота — 6,7 см, диаметр венчика — 11,4 см, диаметр поддона — 6 см.

Мог-к Прикубанский, погр. 217, вторая четверть — середина IV в. до н. э. Публикации: Лимберис, Марченко 2010: № 17.

3. Край отогнут, венчик утолщенный, валикообразный. Ручки приподняты над венчиком, в сечении круглые. Поддон валикообразный, с округленной подошвой. На стыке со стенкой — узкое ребро. Дно тонкое, ровное, изнутри — четыре крестообразно расположенные пальметты, обведенные двумя тонкими кругами, на которых неровно расположены маленькие овальные вдавления. Лак черный, блестящий, с бурыми пятнами. Глина светло-коричневая, без видимых примесей. Склеен из многих фрагментов, верхние части ручек утрачены. Высота — 6,4 см, диаметр венчика — 11,6 см, диаметр поддона — 6,1 см.

Мог-к Прикубанский, погр. 248, вторая четверть — середина IV в. до н. э. Публикации: Лимберис, Марченко 2010: № 19.

4. Нижняя часть сосуда. Поддон формованный, с ребром в средней части, подошва плоская. На стыке со стенкой — узкое ребро. Дно ровное. Лак черный, блестящий, толстый, ровный слой. Глина светло-коричневая, без видимых примесей. Сохранившаяся высота — 3,9 см, диаметр поддона — 5,5 см.

Мог-к Прикубанский, погр. 184, вторая четверть — середина IV в. до н. э. Публикации: Лимберис, Марченко 2010: № 20.

5. Чернолаковый сосуд в виде двучленной глубокой чаши с двумя горизонтальными ручками. Нижняя часть приблизительно полушарная, а в верхней части стенки плавно отогнуты, образуя слегка утолщенный венчик. Ручки крепились под плечом перегиба, который изнутри отмечен уступчиком, и поднимались вверх. Высокий, сложно профилированный кольцевой поддон. Глина оранжевая, пронизанная блестками слюды. Лак плохого качества, тусклый, шероховатый, покрытие сплошное. Фрагментирован (описание И. С. Каменецкого).

Ножка профилирована желобком, подошва округлена. Выше ножки, на стенке — узкий желобок. Графическая реконструкция по рисунку к отчету И. С. Каменецкого: высота — около 8 см, диаметр венчика — около 12 см, диаметр подошвы поддона — 5,3 см.

Мог-к Лебеди III, погр. 46, вторая четверть — середина IV в. до н. э.

6. Венчик отогнут, снаружи валикообразный. Поддон формованный, на стыке со стенкой — узкое ребро. Лак полностью стерт на венчике и сильно потерт на стенках. Склеена часть сосуда без ручек (описание по фото И. С. Каменецкого).

Мог-к Лебеди III, погр. 140, первая половина IV в. до н. э.

7. Венчик отогнут, снаружи выпуклый (валикообразный). Под венчиком — бороздка. Поддон формованный, на стыке со стенкой — узкое ребро. Реставрирован, ручки утрачены (описание по фото И. С. Каменецкого).

Мог-к Лебеди III, погр. 145, первая половина IV в. до н. э.

8. Фрагменты чернолакового сосуда. Кольцевой поддон, отделенный снаружи от стенок уступчиком. Венчик отогнут и имеет снаружи мягкий валик. Прилеп горизонтальной (?) ручки, круглой в сечении. Лак сохранился плохо (описание И. С. Каменецкого).

Графическая реконструкция по рисунку к отчету И. С. Каменецкого: высота — около 8,8 см, диаметр устья — 13,4 см, диаметр поддона — 5,3 см.

Мог-к Лебеди III, погр. 168, вторая четверть — середина IV в. до н. э.

9. Фрагмент края с валикообразным венчиком, подчеркнутым снизу желобком, и одним корнем ручки (описание по фото И. С. Каменецкого).

Мог-к Лебеди III, первая половина IV в. до н. э.

#### *Вторично использованные поддоны*

10. Поддон, профилированный валиком в средней части, с внутренней стороны скошен к основанию. Дно ровное, утончается к середине. Изнутри — шесть затертых пальметт. Лак черный, густой, блестящий. Глина светло-коричневая, без заметных примесей. Диаметр поддона — 5,4 см.

Мог-к Прикубанский, погр. 88, первая половина — середина IV в. до н. э. Публикации: Лимберис, Марченко 2010: № 21.

11. Поддон, профилированный узким заостренным валиком, подошва плоская. Дно ровное. Изнутри, в центре — 9-лепестковая розетка, вокруг — пять пальметт, соединенных дугами, далее — большая окружность и частые маленькие лепестки в виде «галочек». На дне снизу — широкая лаковая окружность и два тонких кружка с точкой в центре. Лак черный, густой, блестящий. Глина светло-коричневая, без видимых примесей. Диаметр поддона — 8,3 см.

Мог-к Прикубанский, погр. 186, вторая четверть — середина IV в. до н. э. Публикации: Лимберис, Марченко, 2010: № 22.

12. Поддон с узким рельефным валиком в средней части, внутренняя сторона выпуклая, подошва плоская. Дно ровное. Изнутри — штампованный орнамент. В центре — кружок, вокруг него — семь маленьких овалов, далее — две большие окружности, между которыми также расположены овалы, вокруг них — пять пальметт. На дне снизу — широкая лаковая окружность и два тонких кружка с точкой в центре. Лак черный, густой, блестящий. Глина светло-коричневая, с редкими золотистыми блестками слюды. Диаметр поддона — 8,3 см.

Мог-к Прикубанский, погр. 318, последняя четверть V — первая четверть IV в. до н. э. Публикации: Лимберис, Марченко 2010: № 23.

13. Поддон со слабо выраженным валиком. Внутренняя сторона выпуклая, с плоской подошвой. Дно ровное. Изнутри, в центре — кружок из 13 маленьких кружочков, вокруг — 8 овальных пальметт, соединенных дугами. Снизу — три лаковые окружности с точкой в центре. Лак черный, густой, блестящий. Глина светло-коричневая, без заметных примесей. Диаметр поддона — 5,5 см.

Мог-к Прикубанский, погр. 338, первая половина IV в. до н. э. Публикации: Лимберис, Марченко 2010: № 24.

14. Поддон, профилированный слабо выраженным валиком, выпуклый с внутренней стороны, с плоской подошвой. Дно ровное. Изнутри — кружок из 13 мелких овалов, вокруг — 6 пальметт, соединенных дугами. Снизу — три лаковые окружности с точкой в центре. Лак черный, густой, блестящий. Глина светло-коричневая, без заметных примесей. Диаметр поддона — 6,5 см.

Мог-к Прикубанский, погр. 381, вторая четверть IV в. до н. э. Публикации: Лимберис, Марченко 2010: № 25.

### *Тонкостенные*

15. Поддон формованный, профилированный острым выступом, внешний край вогнутый (широкий желобок), в цвете глины, внутренняя стенка — выпуклая, окрашена. Подошва — в цвете глины, с узким желобком. Лаком окрашен край поддона на стыке со стенкой. На стыке со стенкой — перехват. Стенка обита и заглажена. Дно с нижней стороны выпуклое, с кругами лака. Граффити IЭО. Лак черный, густой, блестящий. Диаметр поддона — 9,3 см.

Мог-к городища № 3 хут. Ленина, погр. 25 1994 г. (раскопки А. В. Кондрашова). Не позднее середины IV в. до н. э. Аналогии: Рогов, Тункина 1998: № 68; Папанова, 2000: № 11–17.

## Чернофигурные

### *Группа мастера Хаймона*

16. Ножка расширенная, с углублением, край — в цвете глины, на подошве процарапаны три параллельные линии, перечеркнутые четвертой. Под рисунком — лаковые пояски. С обеих сторон — сидящие сфинксы с крыльями и длинными закрученными хвостами. По бокам ручек — пальметты. Роспись небрежная. Лак буроватый, глина желтая. Часть одной ручки утрачена. Высота — 7,1 см, диаметр венчика — 12,5 см, диаметр дна — 7 см.

Мог-к городища № 3 хут. Ленина, р. I, погр. 5 1982 г., вторая четверть — середина V в. до н. э. Публикации: Лимберис, Марченко 2012: 48, 78, 80, рис. 25, 6. Аналогии: Брашинский 1980: табл. XIII, № 153–156; Кашаев 2009: рис. 6, 3; Лесков и др. 2005: рис. 160, 8.

17. Фрагменты венчика и стенок с пальметтами, ручки с частью стенки. Лак черный, блестящий, глина светло-коричневая, с микроскопическими блестками слюды. Графическая реконструкция. Диаметр венчика — около 12,3 см.

Мог-к городища № 3 хут. Ленина, р. III, погр. 12 1982 г., вторая четверть — середина V в. до н. э. Публикации: Лимберис, Марченко 2012: 48, 80, рис. 25, 5. Аналогии: Брашинский 1980: табл. XIII, № 153–156; Кашаев 2009: рис. 6, 3; Лесков и др. 2005: рис. 160, 8.

18. Часть сосуда без ножки и ручек. Роспись затерта. Прослеживаются остатки пальметт и веток с листьями (виноградная лоза?). Глина светло-оранжевая, плотная, без видимых примесей. Лак тусклый, черного цвета. Диаметр венчика — около 14 см.

Мог-к Старокорсунского городища № 2, погр. 260в, первая половина V в. до н. э. Публикации: Лимберис, Марченко 2012: 47, 78, рис. 25, 7; 67. Аналогии: Брашинский 1980: табл. XIII, № 153–156; Кашаев 2009: рис. 6, 3; Лесков и др. 2005: рис. 160, 8.

19. Придонная часть на расширенном полом поддоне. По внешнему краю поддона — узкий желобок, подчеркнутый полоской лака. Подошва округлена. Дно снизу выпуклое, в цвете глины, в центре — кружок с точкой, нанесенный бурым лаком. Лак внутри сосуда густой, черный, матовый, на дне — бурое пятно. Снаружи придонная часть и поддон покрыты таким же черным лаком, кое-где просвечивающим. На внутренних стенках поддона лак бурый. Глина бежевая, тонкоотмученная, без видимых примесей. Высота сохранившейся части — 4,3 см, диаметр подошвы поддона — 6,5 см.

Мог-к Старокорсунского городища № 2, подъемный материал. Первая четверть V в. до н. э.

20. Часть сосуда. Поддон расширенный, полый, по внешнему краю — желобок, подчеркнутый тонкой полоской лака. Внутренние стенки поддона вогнутые, с широкой полосой густого бурого лака, а по краю — полоса жидкого просвечивающего. Лак внутри сосуда густой, черный, матовый, на дне — бурое пятно. Под рисунком — две узких полосы черного лака. Сохранилась часть росписи, нанесенной густым черным лаком: довольно аккуратно выполненная пальметта с волютами и наклоненная обнаженная фигура человека в движении, хватающего какое-то животное (лошадь?), голова которого развернута назад. Эти изображения довольно небрежные. Глина бежевая, тонкоотмученная, без видимых примесей. Большая часть сосуда и ручки отсутствуют. На сколах — остатки клея. Часть фрагментов, видимо, была утрачена при хранении. Высота — 7,3 см, диаметр венчика — 14,5 см, диаметр подошвы поддона — 6,3 см.

Место находки не установлено. Первая четверть V в. до н. э.

21. Фрагмент края с полосой бурого лака и верхней частью пальметты. С внутренней стороны лак черно-бурый. Вероятно, вторичный обжиг. На фрагменте следы клея, т. е. он отломан. Глина светло-бежевая, тонкоотмученная, без видимых примесей. Диаметр венчика — около 12 см.

Место находки не установлено. Первая четверть V в. до н. э.

22. Фрагмент стенки с пальметтой. Лак блестящий, коричневатый. Глина светлая, бежевая, плотная, без видимых примесей. Размеры фрагмента: 3,5 × 3,7 см, толщина — 0,7 см. Без рисунка.

Городище № 2 хут. Ленина, Т/В-6 (раскопки А. М. Ждановского). Первая четверть V в. до н. э.

### Краснофигурные

#### *Манера мастера Q (?)*

23. Край отогнут, венчик снаружи немного утолщен и подчеркнут. Поддон формованный, с ребром в средней части, подошва плоская. На стыке поддона и стенок — желобок. На сохранившейся стенке — две мужские фигуры, закутанные в гиматии, с одной протянутой рукой. Между ними — круглый предмет. Под ручками — пальметты с волютами по сторонам. Лак с бурыми пятнами, глина светло-коричневая, без видимых примесей. Фрагментирован, полный профиль, дно и ручки утрачены в древности. Высота — 7,5 см, диаметр венчика — 12,2 см, диаметр поддона — 7 см.

Мог-к Прикубанский, погр. 248, вторая четверть — середина IV в. до н. э. Публикации: Лимберис, Марченко 2010: № 18. Аналогии: Сазонова 1988: рис. 1–3; Вдовиченко, Ермолин 2005: рис. 5, 3–5, 7, 8, 12; Тугушева 2006: рис. 7; Ксенофонтова 2005: рис. 1.



## Литература

- Брашинский 1976 — *Брашинский И. Б.* Аттическая расписная и чернолаковая керамика V века до н. э. из Елизаветовского могильника // Культура и искусство античного мира. Л.: Аврора, 1976. Вып. 5. С. 98–111 (ТГЭ. Т. 17).
- Брашинский 1980 — *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980. 268 с.
- Вдовиченко, Ермолин 2005 — *Вдовиченко И. И., Ермолин А. Л.* Краснофигурная аттическая керамика из охранных раскопок Пантикапея // ДБ. 2005. Т. 8. С. 39–51.
- Горбунова 1977 — *Горбунова К. С.* Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское I // Кобылина М. М. (ред.). История и культура античного мира. М.: Наука, 1977. С. 41–45.
- Горбунова 1983 — *Горбунова К. С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже: Каталог. Л.: Искусство, 1983. 224 с.
- Егорова 2009 — *Егорова Т. В.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М.: Изд-во МГУ, 2009. 256 с.
- Егорова 2014 — *Егорова Т. В.* Предварительный анализ комплекса чернолаковой керамики VI–II вв. до н. э. из раскопок Пантикапея 1945–1992 гг. // ДБ. 2014. Т. 18. С. 174–195.
- Иванов 1963 — *Иванов Т.* Античная керамика из некрополя на Аполония // Венедиков И. (ред.). Аполония. Разкопките в некрополя на Аполония през 1947–1949. София, 1963. С. 65–273.
- Кашаев 2009 — *Кашаев С. В.* Некрополь Артющенко-2 // Зинько В. Н. (отв. ред.). Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь; Керчь, 2009. С. 188–267 (БИ. Вып. 22).
- Козуб 1974 — *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. э. Киев: Наукова думка, 1974. 184 с.
- Коровина 1992 — *Коровина А. К.* История исследования Таманского городища // Данилова И. Е. (ред.). Археология и искусство Боспора. М.: Изд-во ГМИИ, 1992. С. 7–40 (СГМИИ. Вып. 10).
- Ксенофонтова 2005 — *Ксенофонтова И. В.* Краснофигурный килик из кургана 4 Уляпского могильника // Носкова Л. М. (ред.). Материальная культура Востока. М.: Государственный музей Востока, 2005. Вып. 4. С. 163–165.
- Ксенофонтова 2015 — *Ксенофонтова И. В.* Античные импорты из Ульских курганов // Иванчик А., Лесков А. (ред.). Ульские курганы. Кульгово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. Берлин; Бордо; М.: Палеограф, 2015. С. 58–63 (Степные народы Евразии. Т. 6. *Corpus tumulorum Skythicorum et Sarmaticorum*).
- Лесков и др. 2005 — *Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р.* Меоты Закубанья в середине VI — начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Лимберис 1994 — *Лимберис Н. Ю.* Раннемеотские погребения у хутора имени Ленина // Кирей Н. И. (ред.). Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар: Кубанский ГУ, 1994. С. 30–51.
- Лимберис, Марченко 2010 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // ДБ. 2010. Т. 14. С. 322–356.
- Лимберис, Марченко 2012 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Традиция, 2012. 316 с.

Монахов 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммеридя, СГУ, 2003. 352 с.

Папанова 2000 — *Папанова В. А.* Чернолаковая керамика из семейно-родового участка некрополя Ольвии // *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. 2000. Т. 8. С. 194–216.

Парович-Пешикан 1974 — *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 1974. 220 с.

Рогов 2011 — *Рогов Е. Я.* Некрополь Панское I в Северо-Западном Крыму. Симферополь, 2011. 216 с. (МАИЭТ. Suppl. 10).

Рогов, Тункина 1988 — *Рогов Е. Я., Тункина И. В.* Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // *АВ*. 1998. № 5. С. 159–175.

Сазонова 1988 — *Сазонова Н. Г.* Краснофигурный килик из Ольвии // *Анохин В. А.* (отв. ред.). *Античные древности Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 1988. С. 183–188.

Сидорова 1992 — *Сидорова Н. А.* Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1945–1958 гг. // *Данилова И. Е.* (ред.). *Археология и искусство Боспора*. М.: Изд-во ГМИИ, 1992. С. 204–236 (СГМИИ. Вып. 10).

Скрипкин 2015 — *Скрипкин В. П.* Археологическое наследие Западного Кавказа в музейном пространстве Гулькевичского историко-краеведческого музея // *Схатум Р. Б., Улитин В. В.* (ред.). *V «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Мат-лы междунар. конф.* (г. Краснодар, 26–28 мая 2015 г.). Краснодар: Вика-Принт, 2015. С. 251–255.

Скуднова 1988 — *Скуднова В. Н.* Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1988. 184 с.

Тугушева 2006 — *Тугушева О. В.* Аттическая краснофигурная керамика из раскопок Пантикапея 1993–2003 гг. // *ДБ*. 2006. Т. 10. С. 463–486.

Moore 1997 — *Moore M. B.* Attic Red-Figured and White-Ground Pottery. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1997. iii–419 p. (The Athenian Agora. Vol. 30).

Smith 2010 — *Smith T. J.* Athenian Black-figure pottery from Berezan // *Соловьев С. Л.* (ред.). *Борисфен — Березань. Археологическая коллекция Государственного Эрмитажа*. Т. 2 СПб.: Изд-во ГЭ, 2010. С. 171–290 (ТГЭ. Т. 54).

Sparkes, Talkott 1970 — *Sparkes B. A., Talkott L.* Black and Plain Pottery of the 6<sup>th</sup>, 5<sup>th</sup> and 4<sup>th</sup> Centuries B. C. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1970. Pt. 1 — iii–382 p., Pt. 2 — iii–472 p. (The Athenian Agora. Vol. 12).

## ATTIC CUP-SCYPHOSES FROM THE MAEOTIAN SITES ON THE RIGHT BANK OF THE KUBAN RIVER

N. YU. LIMBERIS, I. I. MARCHENKO

**Keywords:** *Kuban region, Maeotian culture, burial grounds, black-glazed cup-skyphoses, black- and red-figured painting, attribution, chronology.*

The paper deals with a the collection of Attic cup-scyphoses from the Maeotian burial grounds of the Kuban region. Numerically this type of vessels (which served for drinking wine) occupies the third position after Attic type scyphoses and kantharoses. The material under consideration can be dated to the early V — middle IV c. BC. A smooth black-glazed

cup-shaped skyphos and a number of black-figured vessels of Haimon group date from the Early Maeotian time. Most of the cup-shaped skyphoses of the first half — middle of the IV c. BC were found in burial grounds of Prikubansky and Lebedi III. In Prikubansky almost all finds of black-glazed pottery were accompanied with amorphous containers. This period is characterized by black-glazed cup-shaped scyphoses «with heavy walls». The only red-figured item belongs to the group of late specimens of the red-figure technique, may be to the circle of master Q.

## Literature

Брашинский 1976 — *Brashinskij I. B.* Atticheskaia raspisnaja i chernolakovaja keramika V veka do n. e'. iz Elizavetovskogo mogil'nika (*Attic painted and black-glazed pottery of the V century BC from the Elisavetovsky cemetery*) // Kul'tura i iskusstvo antichnogo mira (*Culture and Art of the Classical World*). L.: Aurora, 1976. Vol. 5. P. 98–111 (Proceedings of the State Hermitage. Vol. 17) (in Russian).

Брашинский 1980 — *Brashinskij I. B.* Grecheskiy keramicheskiy import na Nijnem Donu v V–III vv. do n. e'. (*Greek ceramic imports on the Lower Don in the V–III cc. BC*). L.: Nauka, 1980. 268 p. (in Russian).

Вдовиченко, Ермолин 2005 — *Vdovichenko I. I., Ermolin A. L.* Krasnofigurnaya atticheskaia keramika iz ohranny'h raskopok Pantikapeya (*Attic red-figured pottery from excavation of Panticapaeum*) // Drevnosti Bospora (*Antiquities of Bosporus*). 2005. Vol. 8. P. 39–51 (in Russian).

Горбунова 1977 — *Gorbunova K. S.* Krasnofigurny'y kilik, naydenny'y na nekropole Panskoe I (*A red-figured calyx, found at the necropolis of Panskoye I*) // Koby'lina M. M. (ed.). Istorija i kul'tura antichnogo mira (*History and culture of the Classical World*). M.: Nauka, 1977. P. 41–45 (in Russian).

Горбунова 1983 — *Gorbunova K. S.* Chernofigurny'e atticheskie vazy' v E'rmitaje: Katalog (*Black-figured Attic vases in the Hermitage: Catalogue*). L.: Iskusstvo, 1983. 224 p. (in Russian).

Егорова 2009 — *Egorova T. V.* Chernolakovaya keramika IV–II vv. do n. e'. s pamyatnikov Severo-Zapadnogo Kry'ma (*Black-glazed pottery of the IV–II cc. BC from the sites of Northwestern Crimea*). M.: MSU, 2009. 256 p. (in Russian).

Егорова 2014 — *Egorova T. V.* Predvaritel'ny'y analiz kompleksa chernolakovoy keramiki VI–II vv. do n. e'. iz raskopok Pantikapeya 1945–1992 gg. (*A preliminary analysis of the black-glazed pottery assemblage of the VI–II cc. BC from the 1945–1992 excavations at Panticapaeum*) // Drevnosti Bospora (*Antiquities of Bosporus*). 2014. Vol. 18. P. 174–195 (in Russian).

Иванов 1963 — *Ivanov T.* Antichnaya keramika iz nekropolja na Apollonia (*Antique pottery from the necropolis of Apollonia*) // Venedikov I. (ed.). Apollonia. Razkopkite v nekropola na Apolonija prez 1947–1949 (*Apollonia. Excavations of the necropolis of Apollonia in 1947–1949*). Sophia, 1963. P. 65–273 (in Bulgarian).

Кашаев 2009 — *Kashaev S. V.* Nekropol' Artyusch'enko-2 (obsch'aya karakteristika, rezul'taty' raskopok 2003–2005 gg., pogrebeniya № 1–23) (*Necropolis of Artyushenko-2 [general characteristic, results of 2003–2005 excavations, burials No. 1–23]*) Zin'ko V. N. (ed.). Stepi Evrazii i istoriya Bospora Kimmeriyskogo (*Steppes of Eurasia and the History of the Cimmerian Bosporus*). Simferopol: Kerch, 2009. P. 188–267 (BS. Vol. 22) (in Russian).

Козуб 1974 — *Kozub Yu. I.* Nekropol' Ol'vii' V–IV st. do n. e. (*The necropolis of Olbia in the V–IV cc. BC*). Kiev: Naukova dumka, 1974. 184 c. (in Ukrainian).

Коровина 1992 — *Korovina A. K.* Istorija issledovaniya Tamanskogo gorodisch'a (*The history of the study of the Taman hillfort*) // Danilova I. E. (ed.). Arheologija i iskusstvo Bospora (*Archaeology and art of Bosporus*). M.: The Pushkin State Museum of Fine Arts, 1992. P. 7–40 (Reports of the Pushkin State Museum of Fine Arts. Vol. 10) (in Russian).

Ксенофонтова 2005 — *Ksenofontova I. V. Krasnofigurny'y kilik iz kurgana 4 Ulyapskogo mogil'nika (Red-figured calyx from barrow 4 of the necropolis of Ulyap) // Noskova L. M. (ed.). Material'naya kul'tura Vostoka (Material culture of the East). M.: The State Museum of Oriental Art, 2005. Vol. 4. P. 163–165 (in Russian).*

Ксенофонтова 2015 — *Ksenofontova I. V. Antichny'e importy' iz Ul'skih kurganov (Ancient imports from Ul'skiy kurgans) // Ivanchik A., Leskov A. (ed.). Ul'skie kurgany'. Kul'tovo-pogrebal'ny'y kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze (The Ul'skii Tumuli. Cultic and Burial Ensemble of the Scythian Period in the Northern Caucasus). Berlin; Bordeaux; M.: Paleograph Press, 2015. P. 58–63 (Steppenvölker Eurasiens. Vol. 6. Corpus tumulorum Skythicorum et Sarmaticorum) (in Russian).*

Лесков и др. 2005 — *Leskov A. M., Beglova E. A., Ksenofontova I. V., Erlich V. R. Meoty' Zakuban'ya v seredine VI — nachale III veka do n. e'. Nekropol' u aula Ulyap. Pogrebal'ny'e komplekсы' (Maeotians of the Trans-Kuban region in the middle VI — early III cent. BC. The necropolis near the aul of Ulyap. Burial complexes). M.: Nauka, 2005. 192 p. (in Russian).*

Лимберис 1994 — *Limberis N. Yu. Rannemeotskie pogrebeniya u chutora imeni Lenina (Early Maeotian burials near the farmstead named after Lenin) // Kirey N. I. (ed.). Arheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya Severnogo Kavkaza (Archaeological and ethnographical studies of the Northern Caucasus). Krasnodar: Kuban SU, 1994. P. 30–51 (in Russian).*

Лимберис, Марченко 2010 — *Limberis N. Yu., Marchenko I. I. Raspisny'e i chernolakovy'e sosudy' iz Prikubanskogo mogil'nika (atribuciya i hronologiya) (Painted and black-glazed vessels from the Prikubansky cemetery [attribution and chronology]) // Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosphorus). 2006. Vol. 14. P. 322–356 (in Russian).*

Лимберис, Марченко 2012 — *Limberis N. Yu., Marchenko I. I. Meotskie drevnosti VI–V vv. do n. e'. (po materialam gruntovy'h mogil'nikov pravoberej'ya Kubani) (Maeotian antiquities of the VI–V cc. BC [based on the materials of burial grounds on the right bank of the Kuban River]). Krasnodar: Traditsiya, 2012. 316 p. (in Russian).*

Монахов 2003 — *Monakhov S. Ju. Grecheskie amfory' v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedusch'ih centrov-e'ksporterov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog-opredelitel' (Greek amphoras in the Black Sea region: Typology of the amphoras from the main exporting centers selling their goods in ceramic containers: Identification guide). M.; Saratov: Kimmerida; Saratov SU, 2003. 352 p. (in Russian).*

Папанова 2000 — *Papanova V. A. Chernolakovaya keramika iz semeyno-rodovogo uchastka nekropolya Ol'vii (Black-glazed pottery from the family part of the necropolis of Olbia) // Starojitnosti' stepovogo Prichernomor'ya i' Krimu (The antiquities of the steppe Black Sea area and Crimea). 2000. Vol. 8. P. 194–216 (in Russian).*

Парович-Пешикан 1974 — *Parovich-Peshican M. Nekropol' Ol'vii e'llinisticheskogo vremeni (Hellenistic necropolis of Olbia). Kiev: Naukova dumka, 1974. 220 p. (in Russian).*

Рогов 2011 — *Rogov E. Ya. Nekropol' Panskoe I v Severo-Zapadnom Kry'mu (Necropolis Panskoye I in the Northwestern Crimea). Simferopol, 2011. 216 p. (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Suppl. 10) (in Russian).*

Рогов, Тункина 1988 — *Rogov E. Ya., Tunkina I. V. Raspisnaya i chernolakovaya keramika iz nekropolya Panskoe I (Painted and Black-Lacquered Ceramics from the Necropolis of Panskoye I) // Arheologicheskie vesti (Archaeological News). 1998. No. 5. P. 159–175 (in Russian).*

Сазонова 1988 — *Sazonova N. G. Krasnofigurny'y kilik iz Ol'vii (Attic Red-figured calyx from Olbia) // Anochin V. A. (ed.). Antichny'e drevnosti Severnogo Prichernomor'ya (Antiquities of the North Black Sea region). Kiev: Naukova dumka, 1988. P. 183–188 (in Russian).*

Сидорова 1992 — *Sidorova N. A. Chernofigurnaya keramika iz raskopok Pantikapeya 1945–1958 gg. (Black-figured pottery from the 1945–1958 excavations of Panticapaeum) // Danilova I. E. (ed.). Arheologiya i iskusstvo Bospora (Archaeology and art of the Cimmerian*

*Bosporus*). М.: The Pushkin State Museum of Fine Arts, 1992. P. 204–236 (Reports of the Pushkin State Museum of Fine Arts. Vol. 10) (in Russian).

Скрипкин 2015 — *Skripkin V. P.* Arheologicheskoe nasledie Zapadnogo Kavkaza v muzeynom prostranstve Gul'kevichskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya (*Archaeological heritage of the Western Caucasus in the museum space of the Gulkevichi Historical-Regional Museum*) // Shatum R. B., Ulitin V. V. (eds.). Anfimovskie chteniya po arheologii Zapadnogo Kavkaza. Kul'turny'e vzaimodeystviya narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e (Krasnodar, 26–28 maya 2015 g.) (*Anfimov's Readings in the archaeology of the West Caucasus. Cultural interactions of the West Caucasian peoples in ancient and medieval times [Krasnodar, 26–28 May, 2015]*). Krasnodar: Vica-Print, 2015. P. 251–255 (in Russian).

Скуднова 1988 — *Scudnova V. N.* Arhaicheskiy nekropol' Ol'vii. Publikaciya odnoy kolekcii (*The archaic necropolis of Olbia. The publication of one collection*). L.: Iskusstvo, 1988. 184 p. (in Russian).

Тугушева 2006 — *Tugusheva O. V.* Atticheskaya krasnofigurnaya keramika iz raskopok Pantikapeya 1993–2003 gg. (*Attic red-figured pottery from the 1993–2003 excavations of Panticapaeum*) // *Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosporus)*. 2006. Vol. 10. P. 463–486 (in Russian).

Smith 2010 — *Smith T. J.* Athenian Black-Figure Pottery from Berezan // Solovjev S. L. (ed.). Borisfen — Berezan'. Arheologicheskaya kolekciya Gosudarstvennogo E`rmitaja (*Borysthenes — Berezan. The archaeological collection of the State Hermitage*). Vol. 2. St. Petersburg: The State Hermitage, 2010. P. 171–290 (Proceedings of the State Hermitage. Vol. 54).

Sparkes, Talkott 1970 — *Sparkes B. A., Talkott L.* Black and Plain Pottery of the 6<sup>th</sup>, 5<sup>th</sup> and 4<sup>th</sup> Centuries B. C. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1970. Pt. 1 — iii–382 p., Pt. 2 — iii–472 p. (*The Athenian Agora*. Vol. 12).

## ПОГРЕБЕНИЕ СКИФСКОГО ВОИНА В КУРГАНЕ КУЛАКОВСКОГО

С. Г. КОЛТУХОВ, С. Н. СЕНАТОРОВ

**Ключевые слова:** Крым, курган Кулаковского, погребение скифского воина, греко-скифский звериный стиль, бронзовые наконечники стрел, последняя треть/четверть VI — первая треть/четверть V в. до н. э.

В статье рассмотрен комплекс кургана Кулаковского — одного из четырех курганов, исследованных в 1895 г. Ю. А. Кулаковским к северо-западу от современного с. Долинное бывшего Симферопольского уезда. Все курганы были сооружены в эпоху бронзы и содержали впускные погребения скифского, позднескифского и средневекового времени. В кургане № 2 было обнаружено впускное захоронение скифского воина. Сопровождающий инвентарь состоял из двух бронзовых блях в виде свернувшихся хищников, бронзового топорика, железных меча и наконечника копья, бронзовых и костяных наконечников стрел и каменного оселка. Бронзовые бляхи служили украшениями конской узда и относятся к шедеврам греко-скифского искусства. Предметы вооружения позволяют датировать погребение последней третью/четвертью VI — первой третью/четвертью V в. до н. э.

Курган Кулаковского, без сомнения, является одним из самых ярких скифских памятников Предгорного Крыма позднеархаического времени. В этом кургане, раскопанном в 1895 г. профессором Киевского университета Ю. А. Кулаковским, было открыто впускное скифское погребение, содержавшее бронзовые предметы, выполненные в скифском зверином стиле (ОАК за 1895 г. 1897). В работах советских скифологов курган называют «курганом Кулаковского» (Артамонов 1966: 29–30; Яковенко 1976: 130; Ильинская, Тереножкин 1983: 88, 90, 109; Мелюкова 1989: 102; Колтухов 1998; Алексеев 2003: 203 и сл.; Канторович 2015: 102 и сл.). История изучения памятника растянулась более чем на столетие, однако полностью материалы кургана Кулаковского никогда не издавались. Настоящая работа посвящена анализу вещевого комплекса скифского погребения кургана, хранящегося в Государственном Эрмитаже<sup>1</sup>.

Всего Ю. А. Кулаковским в долине правого берега р. Кача, примерно в 3,5 км к северо-западу от с. Долинное на бывших землях помещиков Али-Паши Эмирова и Ревелиоти было раскопано четыре кургана (Кулаковский 1895: 22–24; ОАК за 1895 г. 1897: 17–19)<sup>2</sup>.

По сообщению Ю. А. Кулаковского, курган № 2 перед началом раскопок имел высоту 5 аршин (около 3,5 м), а диаметр — 25 аршин (около 18 м). Всего в пределах кургана было раскрыто шесть погребений (Кулаковский 1895: 22; ОАК

<sup>1</sup> Авторы выражают искреннюю благодарность заведующему Отделом археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа д. и. н. А. Ю. Алексееву за помощь в работе с материалами и ценные советы.

<sup>2</sup> Подробнее об истории исследования кургана и его локализации см.: Колтухов, Сенаторов 2016: 62–63.

за 1895 г. 1897: 17–18, 118–119). Два первых относятся к эпохе ранней бронзы и в равной степени, на основании кратких отчетных данных, могут являться основными в кургане. Остальные четыре погребения были впускными. Погребения № 3 и 5 относятся к скифскому времени, погребение № 4 принадлежало кочевнику эпохи позднего средневековья, а погребение № 6 могло быть связано с захоронением как скифского, так и средневекового времени<sup>3</sup>. Интересующее нас скифское погребение № 3 располагалась в центре курганной насыпи несколько выше материка. Погребальное сооружение, по-видимому, представлявшее собой грунтовую яму, было перекрыто деревом и заложено камнями. После разрушения перекрытия эти камни, вероятно, заполнили могилу.

Скелет человека лежал вытянуто на спине головой на восток. У правой руки были найдены две бронзовые бляхи в виде свернувшихся хищников (рис. 1, 1–2). Там же находился скипетр (рис. 1, 3), рукоять которого, очевидно, деревянная, не была прослежена, поэтому предмет первоначально был ошибочно определен как бронзовый псалий (ОАК за 1895 г. 1897: 118). У левой руки, скорее всего, на уровне таза, находился каменный оселок (рис. 1, 8). С левой стороны костяка лежали железный меч в ножнах (рис. 1, 9) и обломки железного наконечника копья (рис. 1, 4). У колена левой ноги были найдены бронзовые (рис. 1, 5–7), а также круглые в сечении костяные наконечники стрел, которые, вероятно, лежали здесь в несохранившемся горите или колчане. К сожалению, лишь часть предметов из этого погребения поступила на хранение в Государственный Эрмитаж (Инв. № Кр 1895 10/1–8).

Первая наиболее крупная *бронзовая бляха*, относящаяся, вероятно, к конской узде, представляет собой ажурное изделие размером 10,5 × 9,7 см с петлей в виде скобы на оборотной стороне (рис. 1, 1). Фигура поджарого хищника имеет длинную шею и узкое туловище, отделенное от ног прорезями, что и придает всему изделию ажурность. Пасть волчьего хищника оформлена в виде бутона лотоса. Ухо треугольной формы отделено от круглого глаза ободком, в нижней части шеи между головой и плечом проходит рельефная полоса жемчужника. Короткий рубчатый хвост, смыкающийся с пастью, завершен головкой птицы. Лапы заканчиваются строенными точками и когтями. На лопатке размещено миниатюрное изображение лежащего горного козла<sup>4</sup>, рог которого оканчивается внизу птичьей головкой. Поджарое брюшко животного подчеркнуто рельефной линией. Под козлом на сгибе передней лапы хищника, ближе к центру композиции, расположена головка лося. При этом когтистая оконечность задней лапы основного изображения примыкает к затылку лося, образуя его рога. Кроме того, на тазе хищника размещена головка грифа. Бляха была изготовлена с помощью сложной техники литья по утрачиваемым, вероятно восковым, моделям (Минасян 1990: 69–70, рис. 2, 1).

<sup>3</sup> Находки из кургана Кулаковского, кроме эрмитажной коллекции скифского погребения № 3, не сохранились и известны лишь по описанию автора раскопок.

<sup>4</sup> Э. В. Яковенко трактовала это изображение как фигурку коня (Яковенко 1976: 131), однако изображение рубчатых рогов, заканчивающихся головкой птицы, форма уха и заостренные копыта свидетельствуют в пользу фигуры козла.

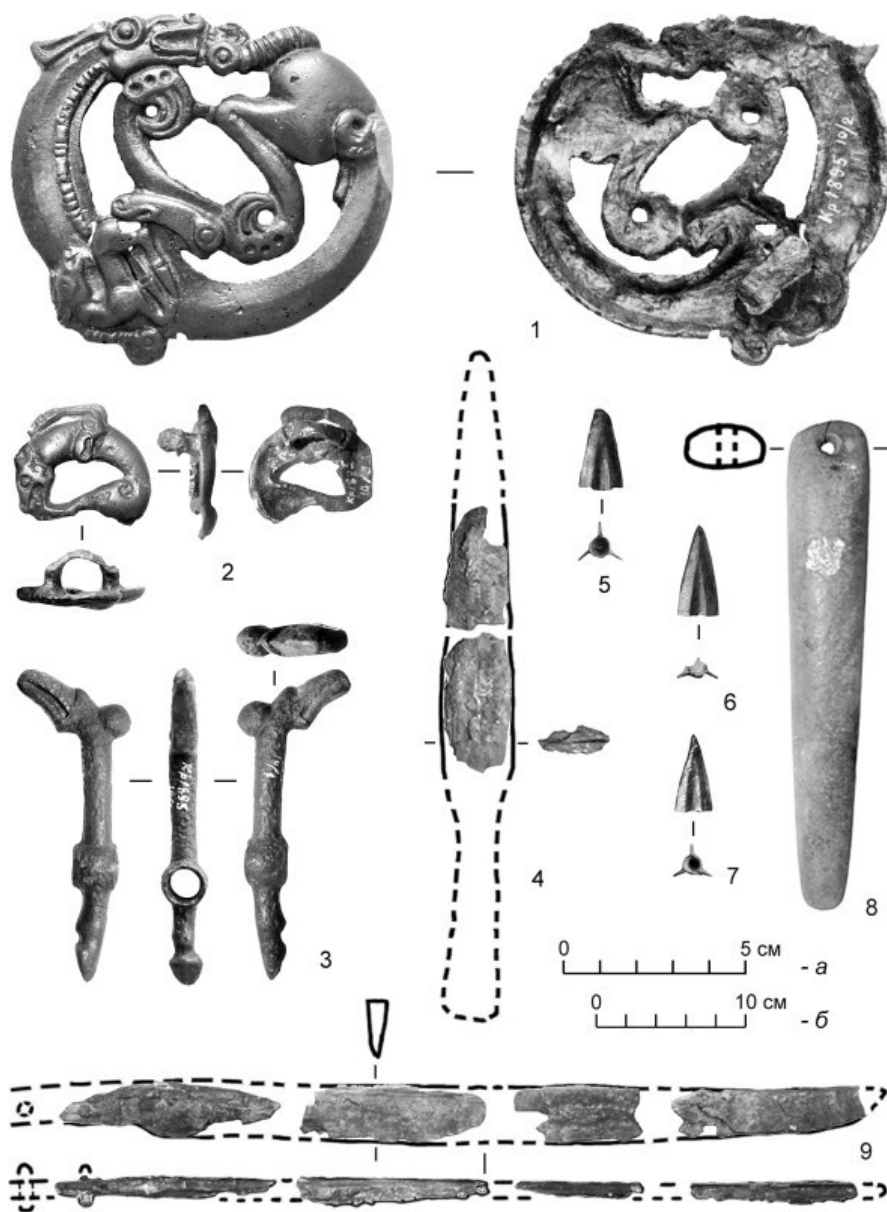


Рис. 1. Находки из погребения 3 в кургане Кулаковского: 1-2 — бляхи; 3 — топорик-скипетр; 4 — фрагменты наконечника копья; 5-7 — наконечники стрел; 8 — оселок; 9 — фрагменты меча или сабли. 1-3, 5-7 — бронза; 4, 9 — железо; 8 — песчаник. Масштабы: а — 1-8; б — 9

Fig. 1. Finds from burial 3 of the Kulakovskiy barrow: 1-2 — plaques; 3 — hatchet-scepter; 4 — spearhead fragments; 5-7 — arrowheads; 8 — whetstone; 9 — sword or sabre fragments. 1-3, 5-7 — bronze; 4, 9 — iron; 8 — sandstone. Scales: а — 1-8; б — 9



От других изделий со свернувшимся хищником данная бляха отличается изображением гениталий самца, что не характерно для скифского звериного стиля (Колтухов 1998: 20; Канторович 2015: 101). В этой связи представляется вероятным предположение об изготовлении этой бляхи греческими мастерами (Яковенко 1976: 131; Колтухов 1998: 20; Канторович 2015: 911), возможно, в одном из боспорских городов (Яковенко 1976: 136). Очевидно, что данная бляха относится к лучшим образцам греко-скифского звериного стиля.

Не менее интересна вторая *бронзовая полуовальная уздечная бляха* размером  $3,5 \times 3,4$  см с изображением свернувшейся пантеры (рис. 1, 2). Голова хищника с круглым глазом и овальным ухом смыкается с выпрямленными задними лапами, однако передние лапы оригинально вывихнуты и размещены вверху между плечом и головой зверя. На плече присутствует дополнительный декор в виде головы лося. Передняя лапа зверя воспринимается как рога этого лося. Кроме того на бедре пантеры расположен волютовидный завиток.

А. Р. Канторович предположил, что фигура хищника на этой бляхе представляет собой композиционный эксперимент. Вместе с тем, стилистически это изображение аналогично хищнику рассмотренной выше большой бляхи кулаковско-ковалевского типа. Обе бляхи датируются исследователем концом VI — первой половиной V в. до н. э. (Канторович 2015: 104, 115–116).

Изображение головы зверя на второй кулаковской бляхе весьма сходно с изображением головы льва на бляхе из Нимфейского кургана № 32, которое датировано первыми тремя четвертями V в. до н. э. (Силантьева 1959: 85–86, рис. 48, 1–2). К близкому времени относится также бронзовый псалий из четвертого Семибратнего кургана в виде «вывихнутой» фигурки льва (Артамонов 1966: 34, 37, рис. 60–61; Коровина 1957: 186), датируемый 460–425 гг. до н. э. (Евразия... 2005: 190).

*Бронзовый топорик-скипетр* (рис. 1, 3) представляет собой круглый в сечении стержень с втулкой, имеющей утолщенную муфту вокруг отверстия для насады рукоятки. Длина скипетра — 8,6 см, диаметр стержня — 0,6–0,8 см. Центр муфты-втулки расположен на расстоянии 3 см от края копыта. Внешний диаметр муфты-втулки составляет 1,3 см, внутренний диаметр отверстия — 0,8 см, высота втулки — 1,3 см. Короткий конец — обушок топорика оформлен в виде копыта животного. Длинный конец стержня вместо лезвия завершается слегка наклоненной вниз головкой странного существа, что придает всему предмету Г-образную форму. Над клювом (?) рельефным уступом выделена восковица птицы, а глаз в виде приплюснутого шара диаметром 0,8–0,9 см вынесен далеко на затылок. Клюв или же пасть (?) удлинённый изогнутый, линия рта передана дуговидным желобком, все это придает головке хищный вид. Однако основание клюва или сомкнутой пасти имеет четко выраженный контур, характерный не для клюва, а для нижней челюсти хищника. Возможно, эта фигура отображала некое фантастическое существо, что было вполне характерно для скифского искусства (Переводчикова 1994: 45). Очевидно, мастера-литейщики экспериментировали не только с бляхами, но и с другими предметами, выполненными в зверином стиле.

Исследователи видели в изображении, представленном на скипетре, сходство с головой орла (Ілліньска 1961: 44–45, рис. 11, 9; Граков 1971: 94; Ильинская, Тереножкин 1983: 109), коня (ОАК за 1895 г. 1897: 17; Мурзин 1984: 37) или грифона (Колтухов 1998: 22). При этом В. А. Ильинская не исключала, что клюв птицы был обломан еще в древности (Ілліньска 1961: 44). Возможно, в крымском топорики-скипетре конца VI — первой половины V в. до н. э. сочетаются элементы птицы и неопределенного копытного животного (Канторович 2015: 831–833, 1659, рис. 3). По предположению же С. Г. Колтухова — это символическое изображение фантастического копытного хищника, возможно тарандра. Близкие по размерам и мотивам украшений бронзовые топорики-скипетры найдены в кургане 15 у с. Аксютинцы (Ілліньска 1961: 44–45, рис. 11, 8; Яковенко 1976: 130, 132, рис. 5, 3; Колтухов 1998: 22) и в подъемном материале у с. Тауйхабль (Канторович, Эрлих 2006: 120–121, 184, кат. 55).

Рассматриваемый топорик-скипетр мог быть символом воинской власти одного из предводителей родовых скифских отрядов (Ілліньска 1961: 44, 47, 52), а изображение копыта животного, возможно, служило знаком принадлежности к племенной знати кочевников (Кисель 2013: 60).

*Железный меч* (рис. 1, 9) из кургана Кулаковского определяется неоднозначно. При поступлении коллекции Н. И. Веселовского в Эрмитаж обломки меча и наконечника копья были перемешаны. На хранение было принято три обломка меча (Инв. № Кр 1895 10/6) и 17 перемешанных обломков меча и наконечника копья (Инв. № Кр 1895 10/8). Реставраторами музея была предложена реконструкция скифского меча из четырех фрагментов. При этом не исключено, что в реконструкции были использованы обломки железной сабли, происходящие из находившегося над могилой 3 погребения позднего кочевника. Судя по этим фрагментам, однозначно определяется однолезвийная форма клинка, а также место сужающегося перехода от клинка к более узкой основе рукоятки. Прямая спинка меча в разрезе имеет треугольную форму. Клинок сужается к кончику острия. На рукоятке сохранился фрагмент железного штыря-заклепки, которым насквозь крепились двусторонняя накладка. На месте этой накладки ближе к концу рукоятки сохранился беловатый налет. Этот налет по определению реставратора ГЭ Н. А. Васильевой образовался в результате выхода соли (высола) из продольных волокон деревянной накладки, которая не сохранилась. Вероятно, деревянные накладки крепились к рукоятке не менее чем тремя сквозными железными заклепками. Длина реконструируемого меча — не менее 60 см, ширина клинка — 4 см, ширина плоской спинки — 1,5 см. Длина рукоятки — не менее 9,6 см, а ее ширина — 3,2 см. Диаметр сквозных отверстий на рукоятке — не менее 0,9 см.

С. А. Скорый отмечает появление однолезвийных «гальштатских» мечей в Карпато-Подунавье еще в первой половине VI в. до н. э. (Скорый 1983: 5), а в Северном Причерноморье мечи такого типа начинают распространяться со второй четверти V в. до н. э. (Шелехань 2014: 57).

К железным обломкам наконечника копья (рис. 1, 4) однозначно относится лишь один фрагмент (Инв. № Кр 1895 10/6). Остальные обломки (17 экз.) могут относиться как к копыю, так и к железному мечу (Инв. № Кр 1895 10/8). Однако реставраторы Эрмитажа создали реконструкцию этого наконечника, который аналогичен наконечнику копья из кургана № 7 у с. Аксютинцы VI в. до н. э. (Мелюкова 1964: 39, табл. 13, 2, тип I,3,1).

Три бронзовых наконечника стрел (рис. 1, 5–7) принадлежат к трехлопастным базисным стрелам с треугольной формой головки и сводчатыми ложками. По классификации А. И. Мелюковой такие стрелы относятся к типу II, 5, 2 второй хронологической группы второй половины VI — первой половины V в. до н. э. (Мелюкова 1964: 17, 28, рис. 1). Наконечники этой группы С. В. Полин датирует в целом началом VI — началом V в. до н. э., выделяя два хронологических этапа. Для первого (раннего) этапа (первая половина VI в. до н. э.) характерны комплексы, в которых еще встречаются единичные наконечники первой хронологической группы VII — первой четверти VI в. до н. э. (Полин 1987: 29, 31, рис. 8). Чаще всего это крупные массивные наконечники стрел различных типов, имеющих выделенную втулку. Ко второму этапу (вторая половина VI — начало V в. до н. э.), вероятно, также относятся наконечники стрел различных типов, но они отличаются сравнительно меньшими размерами и более стройными пропорциями (Там же: 25, рис. 4; 30–31, рис. 9–10). Таким образом, по классификации С. В. Полины наконечники стрел из кургана Кулаковского могут в целом датироваться второй половиной VI — началом V в. до н. э.

Однотипные близкие кулаковским по размерам и пропорциям бронзовые наконечники стрел известны в комплексах погребений трех групп памятников последней трети/четверти VI — первой трети/четверти V в. до н. э. (Колтухов, Сенаторов 2016: 71–73, табл. 1), что, в целом, соответствует датировке, предложенной П. Д. Рау (Rau 1929: 13, 93, Taf. V, 1E). В Центральном Крыму близкими особенностями характеризуются стрелы из скифского погребения в кургане «Надежда» (Черепанова 1985: 63, рис. 1; Колтухов 2014). Это захоронение, судя по найденной в нем амфоре, можно отнести либо к первой четверти — первой трети V до н. э. (Колтухов 2012а: 42), либо, что более вероятно, к рубежу VI–V или началу V в. до н. э. (Полин, Колтухов 2014: 319).

Оселок сигаровидной формы (рис. 1, 8) изготовлен из плотного песчаника серого цвета. Поверхность заполирована. В верхней, наиболее широкой части имеет овальную в сечении форму. К нижнему концу, круглому в сечении, оселок сужается. На расстоянии 0,5 см от края слегка скошенного торца просверлено сквозное отверстие диаметром 0,5 см. Общая длина — 13,8 см, верхний торец — 2,0 × 1,4 см, наиболее широкая часть на расстоянии 2,5 см от верхнего края — 2,3 × 1,7 см, диаметр нижнего края — 1,0 см. Как правило, оселки в скифских погребениях расположены в области пояса погребенного (Колтухов 2012б: 68). Эти вещи, предназначенные для заточки металлических лезвий, появляются в причерноморских погребениях еще в предскифское время (Тереножкин 1976:

146; Махортых 2004: 48–50) и известны в скифских воинских захоронениях Крыма последних десятилетий VI–V вв. до н. э. (Колтухов 2012а: 79, 137, рис. 28, 31–35).

Таким образом, анализ погребального инвентаря дает основание отнести комплекс скифского погребения в кургане Кулаковского к последней трети/четверти VI — первой трети/четверти V в. до н. э. Судя по набору вещей, это небогатое, но явно не рядовое захоронение принадлежало представителю родовой знати с функциями «военного вождя».

## Литература

Алексеев 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 416 с.

Артамонов 1966 — *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.: Артия; Сов. художник, 1966. 120 с., 92 л. ил.

Граков 1971 — *Граков Б. Н.* Скифы: Научно-популярный очерк. М.: МГУ, 1971. 202 с.

Евразия... 2005 — Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология / *Алексеев А. Ю. и др.* СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Іллінська 1961 — *Іллінська В. А.* Скифські сокири // *Археологія*. 1961. Т. 12. С. 27–52.

Ильинская, Тереножкин 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983. 380 с.

Канторович 2015 — *Канторович А. Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: Классификация, типология, хронология, эволюция: Дис. ... д-ра ист. наук. М.: МГУ, 2015. Т. 1–3. 1724 с.

Канторович, Эрлих 2006 — *Канторович А. Р., Эрлих В. Р.* Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М.: Государственный музей Востока, 2006. 232 с.

Кисель 2013 — *Кисель В. А.* Деревянные ковши с зооморфными ручками в погребальном наборе древних кочевников // *Чистов Ю. К.* (ред.). Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 51–64.

Колтухов 1998 — *Колтухов С. Г.* Курган Кулаковского // *ХС*. 1998. Вып. 9. С. 17–24.

Колтухов 2012а — *Колтухов С. Г.* Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н. э.: Погребальные памятники. Симферополь: Феникс, 2012. 140 с. (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. 10).

Колтухов 2012б — *Колтухов С. Г.* Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н. э. Донецк: Донбасс, 2012. 161 с., 105 ил. (Археологический альманах. № 27).

Колтухов 2014 — *Колтухов С. Г.* Погребения скифского времени в курганах Центрально-Крымской степи // *Майко В. В.* (ред.). История и археология Крыма: Сб. ст., посвящ. 100-летию О. И. Домбровского. Симферополь, 2014. Вып. 1. С. 45–72.

Колтухов, Сенаторов 2016 — *Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н.* Курган Кулаковского (по материалам Государственного Эрмитажа) // *АВ*. 2016. Вып. 22. С. 62–75.

Коровина 1957 — *Коровина А. К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // *СА*. 1957. № 2. С. 174–187.

Кулаковский 1895 — *Кулаковский Ю. А.* Отчет о раскопках в Крыму в 1895 г. // *НА ИИМК РАН, РО, ф. 1, 1895 г., д. 90.*

Махортых 2004 — *Махортых С. В.* Оселки из киммерийских погребений Северного Причерноморья // *Лукияшко С. И.* (ред.). II Междунар. конф. «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н. э.», посвящ. памяти Б. Н. Гракова: ТД. Азов; Ростов н/Д: Центры валеологии вузов России, 2004. С. 48–50.

Мелюкова 1964 — *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 91 с., 23 ил. (САИ. Вып. Д1-4).

Мелюкова 1989 — *Мелюкова А. И.* Скифское искусство звериного стиля // Мелюкова А. И. (ред.). Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 100–104 (Археология СССР).

Минасян 1990 — *Минасян Р. С.* Изображение свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // Археологический сборник ГЭ. 1990. Вып. 30. С. 67–76.

Мурзин 1984 — *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984. 135 с.

ОАК за 1895 г. 1897 — Отчет Имп. Археологической комиссии за 1895 г. СПб., 1897. 201 с.

Переводчикова 1994 — *Переводчикова Е. В.* Язык звериных образов: Очерки искусства Евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература РАН, 1994. 206 с. (По следам древних цивилизаций).

Полін 1987 — *Полін С. В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. Вип. 59. С. 17–36.

Полин, Колтухов 2014 — *Полин С. В., Колтухов С. Г.* Скифское погребение в кургане у с. Надежда в Крыму // Лукьяшко С. И. (ред.). Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Ростов н/Д: Изд-во Южного научного центра РАН, 2014. С. 329–344.

Силантьева 1959 — *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // Гайдукевич В. Ф. (ред.). Некрополи боспорских городов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 5–107 (МИА. № 69).

Скорый 1983 — *Скорый С. А.* Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев: ИА АН Украинской ССР, 1983. 21 с.

Тереножкин 1976 — *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.

Черепанова 1985 — *Черепанова Є. М.* Скіфське поховання з с. Надежда Кримської області // Археологія. 1985. Вип. 50. С. 62–65.

Шелехань 2014 — *Шелехань О. В.* Односичний меч з кургану біля с. Мірне на Херсонщині // Археологія. 2014. № 4. С. 50–62.

Яковенко 1976 — *Яковенко Э. В.* Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Мелюкова А. И., Мошкова М. Г. (ред.). Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 128–137.

Rau 1929 — *Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet: Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Pokrovsk: Volkskommissariat für Bildungswesen der Wolgadeutschen Republik (Zentralmuseum), 1929. 112 S.

## BURIAL OF A SCYTHIAN WARRIOR FROM THE KULAKOVSKY BARROW

S. G. KOLTUKHOV, S. N. SENATOROV

**Keywords:** *Crimea, Kulakovsky barrow, burial of a Scythian warrior, Greek-Scythian animal style, bronze arrowheads, last third/quarter of the IV — first third/quarter of the V c. BC.*

The Kulakovsky barrow is one of four barrows studied by Yu. A. Kulakovsky in 1895 northwest of the modern village of Dolinnoe, not far from Simferopol. All the barrows date

from the Bronze Age and contain intrusive burials of the Scythian, Late Scythian and Medieval periods. A burial of a Scythian warrior was found in barrow 2. The accompanying inventory consisted of two bronze plaques in the form of coiled predators, a small bronze axe, an iron sword, an iron spearhead, bronze and bone arrowheads, and a whetstone. The bronze plaques served to decorate horse bridles, they belong to the number of masterpieces of the Greek-Scythian art. The weapons date the burial to the last third/quarter of the VI — the first third/quarter of the V c. BC.

### Literature and archive sources

Алексеев 2003 — *A. Yu. Alekseev. Hronografiya Evropeyskoy Skifi VII–IV vv. do n. e`.* (*The Chronography of European Scythia [7<sup>th</sup> — 4<sup>th</sup> centuries BC]*). St. Petersburg: The Hermitage Publishing House, 2003. 416 p. (in Russian).

Артамонов 1966 — *Artamonov M. I. Sokrovish'а skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitaja* (*Treasures of Scythian barrows from the collection of the State Hermitage*). Praga; L.: Artia; Sovetskiiy khudozhnik, 1966. 120 p., 92 list ill. (in Russian).

Граков 1971 — *Grakov B. N. Skify`*: Nauchno-populyarny`y ocherk (*Scythians: a popular-science essay*). M.: MSU, 1971. 202 p. (in Russian).

Евразия... 2005 — *Evraziya v skifskuyu e`pohu. Radiouglerodnaya i arheologicheskaya hronologiya* (*Eurasia in the Scythian epoch. Radiocarbon and archaeological chronology*) / *Alekseev A. Yu. et al.* St. Petersburg: Teza, 2005. 290 p. (in Russian).

Іллінська 1961 — *Illin'ska V. A. Skifski sokiri* (*Scythian axes*) // *Arheologi`ya* (*Archaeology*). 1961. Vol. 12. P. 27–52 (in Ukrainian).

Ильинская, Тереножкин 1983 — *Il'inskaya V. A., Terenozhkin A. I. Skifiya VII–IV vv. do n. e`.* (*Scythia in the VII–IV cc. BC*). Kiev: Naukova dumka, 1983. 380 p. (in Russian).

Канторович 2015 — *Kantorovich A. R. Skifskiy zveriny`y stil' Vostochnoy Evropy`*: Klassifikatsiya, tipologiya, hronologiya, e`voluciya: Dis. ... d-ra ist. nauk (*Scythian animal style of East Europe: Classification, typology, chronology, evolution: Doctor of history dissertation*). M.: MSU, 2015. Vol. 1–3. 1724 p. (in Russian).

Канторович, Эрлих 2006 — *Kantorovich A. R., Erlih V. R. Bronzolitaynoye iskusstvo iz kurganov Ady`gei* (*Bronze casting art from the barrows of Adygeya*). M.: State Museum of Oriental Art, 2006. 232 p. (in Russian).

Кисель 2013 — *Kisel' V. A. Derevyanny`e kovshi s zoomorfny`mi ruchkami v pogrebal`nom nabore drevnih kochevnikov* (*Wooden scoops with zoomorphic handles in the burial assemblages of ancient nomads*) // Chistov Yu. K. (ed.). *Radlovskiy sbornik: Nauchny`e issledovaniya i muzeyny`e proekty` MAE` RAN v 2012 g.* (*Radlov collection of papers: Scholarly research and museum projects at the Museum of Anthropology and Ethnography of RAS in 2012*). St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS (Kunstkamera), 2013. P. 51–64 (in Russian).

Колтухов 1998 — *Koltuhov S. G. Kurgan Kulakovskogo* (*Kulakovsky barrow*) // *Chersoneskij sbornik* (*Chersonesos collection of papers*). Sevastopol, 1998. Vol. 9. P. 17–24 (in Russian).

Колтухов 2012а — *Koltuhov S. G. Skify` Kry`mskogo Prisivash`ya v VII–IV vv. do n. e`*: Pogrebal`ny`e pamyatniki (*Scythians of the Crimean Sivash in the VII–IV cc. BC: Burial sites*). Simferopol: Phenix, 2012. 140 p. (Materials for the archaeological map of Crimea. Vol. 10) (in Russian).

Колтухов 2012б — *Koltuhov S. G. Skify` Severo-Zapadnogo Kry`ma v VII–IV vv. do n. e`*. (*Scythians of the Northwestern Crimea in the VII–IV cc. BC*). Donetsk: Donbass, 2012. 161 p., 105 ill. (Archaeological almanac. No. 27) (in Russian).

Колтухов 2014 — *Koltuhov S. G. Pogrebeniya skifskogo vremeni v kurganah Central'no-Kry'mskoy stepi (Burials of the Scythian time in the barrows of the Middle-Creamean steppe)* // Майко В. В. (ed.). *Istoriya i arheologiya Kry'ma: Sb. st., posvyasch'. 100-letiyu O. I. Dombrovskogo (History and archaeology of Crimea: collection of papers dedicated to the 100<sup>th</sup> birth anniversary of O. I. Dombrovsky)*. Simferopol, 2014. Vol. 1. P. 45–72 (in Russian).

Колтухов, Сенаторов 2016 — *Koltuhov S. G., Senatorov S. N. Kurgan Kulakovskogo (po materialam Gosudarstvennogo E'rmitaja) (Kulakovsky Barrow [Materials from the State Hermitage])* // *Arheologicheskie vesti (Archaeological news)*. 2016. Vol. 22. P. 62–75 (in Russian).

Коровина 1957 — *Korovina A. K. K voprosu ob izuchenii Semibratnih kurganov (Au sujet des tumuli Semibratny)* // SA. 1957. No. 2. P. 174–187 (in Russian).

Кулаковский 1895 — *Kulakovskiy Yu. A. Otchet o raskopkah v Kry'mu v 1895 g. (Report of the excavations in Crimea in 1895)* // Scholarly archive of IHMC RAS, MD, F. 1, 1895, doc. 90 (in Russian).

Махортых 2004 — *Mahorty'h S. V. Oselki iz kimmeriyskih pogrebeniy Severnogo Prichernomor'ya (Whetstones from the Cimmerian burials of the North Black Sea region)* // Лук'яшкo С. I. (ed.). *II Mejdunarodnaya konferenciya «Skify' i sarmaty' v VIII–III vv. do n. e'», posvyasch'. pamyati B. N. Grakova: Tezisy' dokladov (II International Conference «Scythians and Sarmatians in the VIII–III c. BC, dedicated to the memory of B. N. Grakov: abstracts)*. Azov: Rostov-upon-Don: «Centers of valeology of the hihger educational institutions of Russia», 2004. P. 48–50 (in Russian).

Мелюкова 1964 — *Melyukova A. I. Voorujenie skifov (Scythian arms)*. M.: Nauka, 1964. 91 p., 23 ill. (Corpus of archaeological sources. Vol. Д1-4) (in Russian).

Мелюкова 1989 — *Melyukova A. I. Skifskoe iskusstvo zverinogo stilya (Scythian animal style art)* // Мелюкова А. I. (ed.). *Stepi Evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time)*. M.: Nauka, 1989. P. 100–104 (Archaeology of the USSR) (in Russian).

Минасян 1990 — *Minasyan R. S. Izobrajenie svernuvshegosya hisch'nika i lejasch'ego olenya v tvorchestve skifo-sibirskih plemen (Depictions of the Coiled Beast of Prey and the Lying Deer in the Art of Scytho-Siberian Tribes)* // *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo E'rmitaja (Archaeological collection of the State Hermitage)*. L., 1990. Vol. 30. P. 67–76 (in Russian).

Мурзин 1984 — *Murzin V. Yu. Skifskaya arhaika Severnogo Prichernomor'ya (Scythian archaic monuments of the North Black Sea region)*. Kiev: Naukova dumka, 1984. 135 p. (in Russian).

ОАК за 1895 г. 1897 — *Otchet Imp. Arheologicheskoy komisii za 1895 g. (1895 report of the Imperial Archaeological Commission)*. St. Petersburg, 1897. 201 p. (in Russian).

Переводчикова 1994 — *Perevodchikova E. V. Yazy'k zveriny'h obrazov: Ocherki iskusstva Evraziyskih stepey skifskoy e'pohi (Language of animal images: Essays on the art of Eurasian steppes in the Scythian epoch)*. M.: Oriental literature RAS, 1994. 206 p. (In the footsteps of ancient civilizations) (in Russian).

Полін 1987 — *Poli'n S. V. Hronologi'ya rann'oski'fs'kih pam'yatok (Chronology of the Early Scythian sites)* // *Arheologi'ya (Archaeology)*. 1987. Vol. 59. P. 17–36 (in Ukrainian).

Полин, Колтухов 2014 — *Polin S. V., Koltuhov S. G. Skifskoe pogrebenie v kurgane u s. Nadezda v Kry'mu (Scythian burial in the barrow near the village of Nadezhda in Crimea)* // Лук'яшкo С. I. (ed.). *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire (War and military art in the Scythian-Sarmatian world)*. Rostov-upon-Don: Southern Science Center of RAS, 2014. P. 329–344 (in Russian).

Силантьева 1959 — *Silant'eva L. F. Nekropol' Nimfeya (The necropolis of Nimphaion)* // Gaydukevich V. F. (ed.). *Nekropoli bosporskih gorodov (Necropoleis of the Bosporan cities)*. M.; L.: AS of the USSR, 1959. P. 5–107 (MSA. No. 69) (in Russian).

Скорый 1983 — *Skoryy S. A. Voorujenie skifskogo tipa v Sredney Evrope (k voprosu o svyazyah Skifii i naseleniya Sredney Evropy)* (*Scythian type weapons in Middle Europe [to the question of contacts between Scythia and Middle Europe]*): Abstract of the Ph. D. dissertation. Kiev: IA AS of the Ukrainian SSR, 1983. 21 p. (in Russian).

Тереножкин 1976 — *Terenojkin A. I. Kimmeriycy' (Cimmerians)*. Kiev: Naukova dumka, 1976. 224 p. (in Russian).

Черепанова 1985 — *Cherepanova E'. M. Ski'fs'ke pohovannya z s. Nade'zhdа Krim's'koi oblasti' (Scythian burial near the village of Nadezhda in the Crimean region) // Arheologi'ya (Archaeology)*. 1985. Vol. 50. P. 62–65 (in Ukrainian).

Шелехань 2014 — *Shelehan' O. V. Odnosi'chniy mech z kurganu bi'lya s. Mi'rne na Hersonsch'ini' (Unilateral sword from the barrow near the vantage of Mirne in the Kherson region) // Arheologi'ya (Archaeology)*. 2014. No. 4. P. 50–62 (in Ukrainian).

Яковенко 1976 — *Yakovenko E. V. Predmety' zverinogo stilya v ranneskifskikh pamyatnikah Kry'mа (Animal style objects from the Early Scythian sites of Crimea) // Melyukova A. I., Moshkova M. G. (eds.). Skifo-sibirskiy zveriny'y stil' v iskusstve narodov Evrazii (Scythian-Siberian animal style in the art of peoples of Eurasia)*. M.: Nauka, 1976. P. 128–137 (in Russian).

Rau 1929 — *Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet: Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze*. Pokrovsk: Volkskommissariat für Bildungswesen der Wolgadeutschen Republik (Zentralmuseum), 1929. 112 S.



# ГРЕЧЕСКИЕ АМФОРЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ВОСТОЧНО-КРЫМСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ<sup>1</sup>

Е. В. КУЗНЕЦОВА, Н. Б. ЧУРЕКОВА

**Ключевые слова:** *греческие амфоры, комплексы, музейные коллекции, Трехбратние курганы, Змеиный курган, некрополь Пантикапея, Керченский музей.*

В статье приведены предварительные результаты исследований по проекту «Греческие амфоры VI–II вв. до н. э. из собраний музеев Крыма». В ходе работы над коллекцией амфор Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника удалось уточнить состав как минимум трех ранее опубликованных комплексов. Зафиксированы три новых сосуда, входивших в состав тризны Змеиного кургана — одна амфора производства Хиоса и две — Пепарета (рис. 1, 2, 4). Обнаружены две ранее неизвестных амфоры из погр. 72 (раскопки 1862 г.) из некрополя Пантикапея: одна — с клеймом магистрата Молосса (Molossos) и гончара Каллия (Kallias) и вторая — с клеймом фабриканта Афестиона (Naphaistiōn) (рис. 2, 2, 3). Выполнена графическая фиксация геораклейской амфоры из кургана I группы «Три брата», ранее известной только по фотографии (рис. 2, 5). Представленная публикация отражает лишь малую часть открытий, сделанных во время работы с музейным собранием.

Общеизвестно, что археологические исследования античных памятников приводят к обнаружению большого количества разнообразного материала. Исследователям приходится иметь дело, прежде всего, с фрагментированными керамическими находками. В результате масштабных археологических работ последних десятилетий музейные фонды пополнились колоссальным количеством находок. Однако примерно до 1950-х гг. амфорному материалу, даже целым экземплярам, уделялось мало внимания и он, в большинстве случаев, на хранение не сдавался. Лишь при наличии на сосуде клейма или граффито он поступал в фонды.

Кроме того, весомая часть хранящихся в различных музеях амфор не была введена в научный оборот, хотя амфорные собрания российских и украинских музеев по своему богатству и разнообразию превосходят зарубежные. В настоящее время отсутствуют и базы данных, позволяющие провести быструю сверку находок и поиск существующих аналогий. Подобная работа ведется в зарубежных исследовательских центрах. Так, например, в Афинах, Торонто и Александрии предпринята попытка создания базы на основе коллекции клейм, систематизированной В. Грейс (проект «AMPHOREUS»). Тем не менее, следует признать, что насыщение сайтов происходит медленно, пополняются они редко и локально. Поэтому составление каталога целых амфорных форм из музейных собраний с возможностью его регулярного обновления остается актуальной задачей. Создание такого каталога позволит выйти на качественно

---

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-31-10128 «Греческие амфоры VI–II вв. до н. э. из собраний музеев Крыма».

новый уровень исторического знания. Исходя из этих соображений и был задуман проект по обработке амфор из музеев Крыма. Его хронологические рамки охватывают VI–II вв. до н. э. — с момента начала активной колонизации Северного Причерноморья и до распространения римского влияния и смены торговых контрагентов. Достаточно большой массив обработанного материала уже имелся в нашем распоряжении благодаря многолетней кропотливой работе С. Ю. Монахова. Основой проекта стала его картотека, которая в количественном и качественном отношении во много раз превосходит картотеки не только отечественных, но и зарубежных исследователей. В меньшей степени в ней нашли отражение находки, хранящиеся в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. При этом его коллекция амфор одна из самых представительных. Нами обработано 237 целых и археологически целых сосудов, происходящих большей частью с памятников Керченского п-ова, а также из других районов Крыма и поднятых из моря. Почти все находки относятся к послевоенному времени.

В первую очередь была составлена картотека уже обработанных амфор из коллекции. Затем была проведена работа с учетными карточками и книгой поступлений музея, где были выявлены интересующие нас находки, уточнены их паспортные данные. Далее мы приступили к непосредственной фиксации материала. Производились измерения амфор, делались чертежи, которые выверялись на месте, параллельно амфора фотографировалась и составлялось ее описание. Второй этап связан с оцифровкой чертежей и подготовкой фотографий. После чего производился их монтаж в единую систему.

В настоящее время ведется работа по составлению каталога «Греческие амфоры VI–II вв. до н. э. из коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника», издание которого планируется осуществить к концу 2016 г. Собственно каталог будут предварять три главы, посвященные истории формирования амфорной коллекции, краткой характеристике амфор основных производственных центров и описанию комплексов, содержащих амфоры. Непосредственно в каталоге для каждой амфоры составляется текстовое описание, в котором указываются ее параметры, датировка, приведены известные аналогии и, если амфора опубликована, указывается, где именно. Для клейменных экземпляров приводится чтение (или предполагаемое восстановление) легенды, известные аналогии и датировки. Определения клейм для издания, а также для данной статьи выполнены Н. Ф. Федосеевым, В. И. Кацем и М. В. Иващенко.

Музейные фонды дают интереснейший материал. При тщательной обработке коллекции можно обнаружить вещи, считавшиеся давно утраченными. Не стали исключением и наши изыскания в «закромах» Керченского музея. Так, были уточнены данные по некоторым известным ранее археологическим комплексам.

### **Змеиный курган, тризна**

Змеиный курган, входящий в состав Юзобинского курганного могильника, был раскопан в XIX в. А. Ашиком и Н. П. Кондаковым. Амфоры, обнаруженные в тризне и находящиеся в частных коллекциях и фондах Керченского музея, опубликованы Н. Ф. Федосеевым (Федосеев 2007). Еще одна хиосская амфора с «колпачковой» ножкой (ККТ 1261) из этого кургана поступила в фонды

Керченского музея позже и не была учтена в статье Н. Ф. Федосеева. Морфологически она очень близка к другому сосуду, хранящемуся в частной коллекции (Федосеев 2007: 298, рис. 1, 3).

Во время обработки коллекции удалось уточнить чертежи сосудов и обнаружить некоторые не отмеченные в статье Н. Ф. Федосеева детали. Так, на одной из пепаретских амфор (ККТ 22) помимо дипинто «Δ», нарисованной красной краской под венцом, имеется неполное энглифическое колечко, оттиснутое в средней части горла. Под венцом сохранилась полоса красной краски, от которой идет узкая вертикальная полоса почти до середины горла (рис. 1, 1). На второй пепаретской амфоре из комплекса (ККТ 23) помимо «Α», нарисованной красной краской в нижней части горла, имеется крупное граффито «Α» на плече. Дипинто «Π» в средней части горла присутствует и на амфоре ККТ 163. Только одна амфора из всего комплекса, хранящаяся в коллекции В. Чернова, не имеет дипинто и красной полосы под венцом (рис. 1, 3). Не имея возможности осмотреть амфору, можно только предположить, что и на ней подобная полоса присутствует. Все пепаретские амфоры из комплекса морфологически схожи, имеют очень близкие метрические параметры (таблица). При этом ножки сосудов сильно разнятся.

Таблица

Метрические характеристики амфор<sup>2</sup>

Место хранения, происхождение	Линейные размеры (мм)						Клеймо
	H	H <sub>0</sub>	H <sub>1</sub>	H <sub>3</sub>	D	d	
ВКИКМЗ, ККТ 22, Змеиный курган (рис. 1, 1)	830	732	330	266	316	~110	—
ВКИКМЗ, ККТ 137, Змеиный курган (рис. 1, 2)	840	758	340	266	326	~106	—
Коллекция В. Чернова, Змеиный курган (рис. 1, 3)	828	728	329	265	320	110	—
Центральный музей Тавриды, А-10760, Змеиный курган (?) (рис. 1, 4)	826	748	340	270	306	~112	—
ВКИКМЗ, ККТ 39, некрополь Пантикапея, погр. 72 (раскопки 1862 г.) (рис. 2, 1)	692	626	310	252	270	94	магистрата Молосса
ВКИКМЗ, ККТ 103, некрополь Пантикапея, погр. 72 (раскопки 1862 г.) (рис. 2, 2)	—	—	292	220	246	95	магистрата Молосса
ВКИКМЗ, ККТ 121, некрополь Пантикапея, погр. 72 (раскопки 1862 г.) (рис. 2, 3)	—	—	300	223	248	~104	фабриканта Афестиона
ВКИКМЗ, ККТ 36, группа «Три брага», кург. 1 (рис. 2, 4)	705	535	295	213	218	~103	магистрата Криниса
ВКИКМЗ, ККТ 72, группа «Три брага», кург. 1 (рис. 2, 5)	—	618	300	250	232	~105	магистрата Даматрия

<sup>2</sup> Условные обозначения метрических параметров: H — высота сосуда; H<sub>0</sub> — глубина сосуда; H<sub>1</sub> — высота верхней части (от венца до максимального диаметра тулова); H<sub>3</sub> — высота горла; D — диаметр тулова; d — диаметр венца.

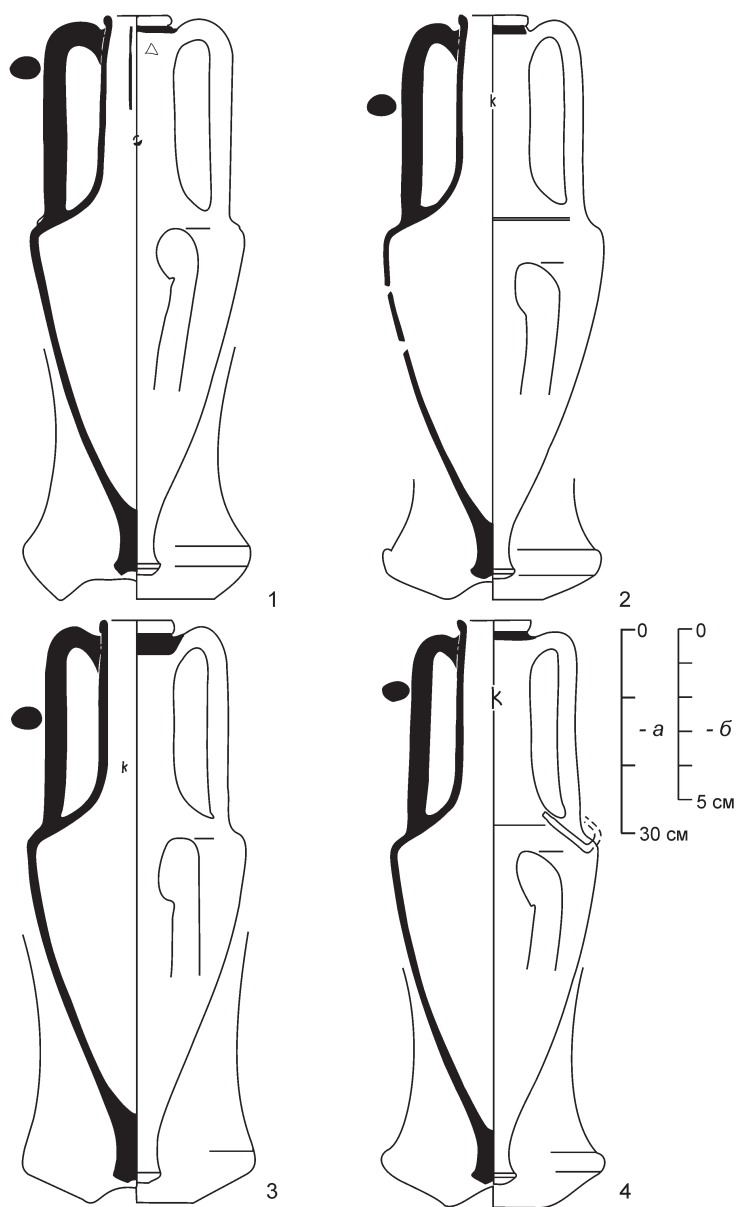


Рис. 1. Амфоры Пепарета, Змеиный курган: 1, 2 — из Керченского музея; 3 — из коллекции В. Чернова (чертеж Н. Ф. Федосеева); 4 — из Центрального музея Тавриды (г. Симферополь). Масштабы (для рис. 1 и 2): *a* — венчики и ножки; *б* — общий вид амфор

Fig. 1. Amphorae from Peperethos, Zmeinyi barrow: 1, 2 — from the Kerch Museum; 3 — from V. Chernov's collection (drawn by N. F. Fedoseev); 4 — from the central Museum of Tavrida (Simferopol). Scales (for figs. 1 and 2): *a* — rims and feet; *б* — general outlook

В фондах Керченского музея хранится еще одна пепаретская амфора (ККТ 137), которая по своим параметрам практически идентична описанным выше. Под венцом полоса красной краски, в средней части горла — дипинто «К», на уровне нижних прилепов ручек проходит желобок. Тулово почти коническое, с одной стороны в стенке пробиты два отверстия друг под другом, диаметром 20 мм (рис. 1, 2). Обстоятельства ее находки неизвестны, но можно предположить, что она также принадлежит к рассматриваемому комплексу.

Уже позже, во время работы в фондах «Центрального музея Тавриды» (г. Симферополь), наше внимание привлекла пепаретская амфора, имеющая очень близкие морфологические и метрические параметры (КП 15508, А-10760; рис. 1, 4). Весьма схожи и принципы орнаментации: под венцом полоса красной краски, на уровне нижних прилепов ручек имеется желобок. В средней части горла дипинто красной краской — «К». Кроме того, сохранились следы красной краски вокруг нижнего прилепа одной из ручек. В книге поступлений значится, что амфора была принесена в дар учеником первого класса Д. Ю. Полкановым в 1976 г. и происходит из раскопок кургана на Юз-Обе. На наш взгляд, весьма велика вероятность того, что сосуд принадлежит к рассматриваемому комплексу.

Среди материалов из раскопок Змеиного кургана — горло фасосской амфоры (ККК 7725) с клеймом Аристомена и еще семь клейм этого магистрата с разными фабрикантами, а также магистрата Лавра дважды в сочетании с гончаром Мюиск, а также магистрата Леогена в сочетании с фабрикантами Эвринаком, Мюллом и Филонидом (Федосеев 2007: 300).

Датировка комплекса определяется по вошедшим в него клеймам и охватывает первую половину 80-х гг. IV в. до н. э.

### **Погребение 72 (раскопки 1862 г.) из некрополя Пантикапея**

Раскопки производились А. Е. Люценко в 1862 г. (Цветаева 1957: 235, прим. 50). В первой публикации данного комплекса представлен чертеж только одной амфоры (рис. 2, 1), сделанный по фотографии, и прорисовки клейм (Монахов 1999: 258–260, табл. 104). Работа в фондах позволила обнаружить еще два сосуда из этого погребения: один — с клеймом магистрата Молосса и гончара Каллия (ККТ 103; рис. 2, 2) и второй — с клеймом фабриканта Афестиона (ККТ 121; рис. 2, 3). Три зафиксированные амфоры морфологически очень близки: высокое, расширяющееся горло, четкий переход от плеч к коническому тулову. Метрические параметры сосудов также весьма схожи (таблица). Все они относятся к типу I-A гераклейских амфор по классификации С. Ю. Монахова и датируются 70-ми гг. IV в. до н. э. (Монахов 2003: 132–133, 321, табл. 90). Однако В. И. Кац деятельность фабриканта Афестиона относит к концу V — началу IV в. до н. э. (Кац 2007: 429; 2015: № 848–850). При этом он опирается на материалы именно рассматриваемого комплекса. Следует отметить, что исследователь имел в своем распоряжении только прорисовки клейм, приведенные в публикации (Монахов 1999: 258–260, табл. 104). Форма сосуда на тот момент была неизвестна. Сейчас же очевидно, что морфологически данная амфора не могла быть выпущена ранее 380-х гг. до н. э.

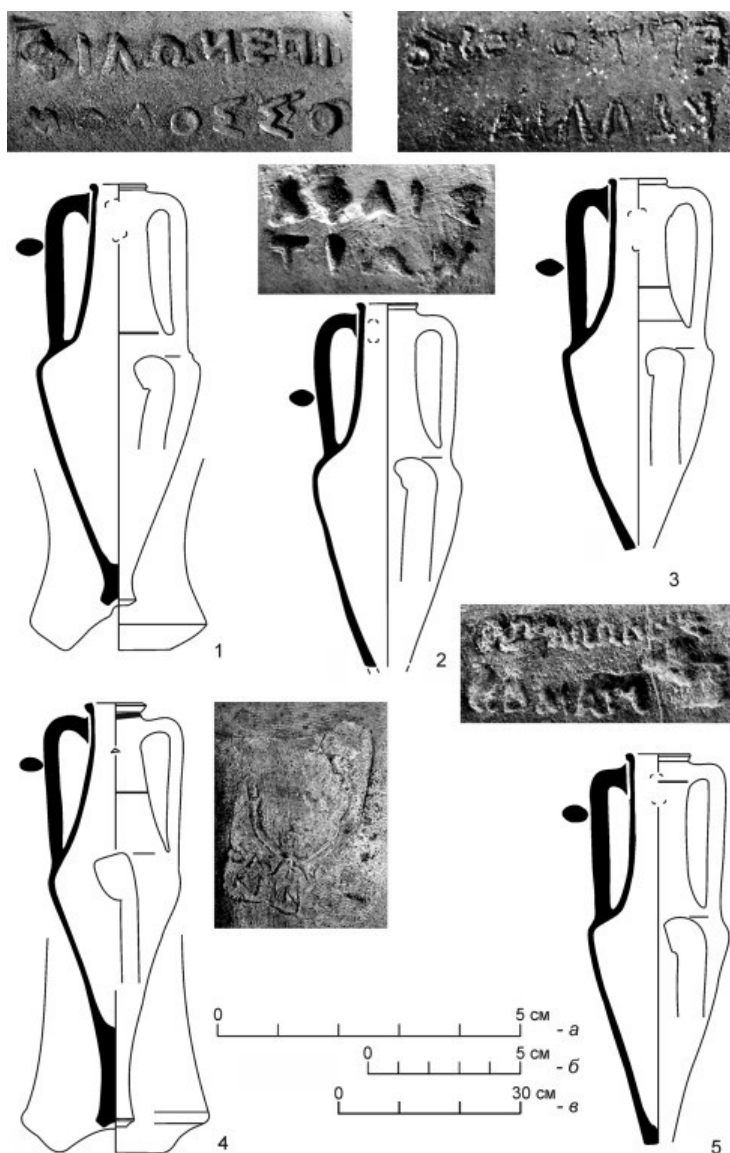


Рис. 2. 1–3 — амфоры Гераклеи из погр. 72 (раскопки 1862 г.) некрополя Пантикапея (1, 3 — с клеймами магистрата Молосса; 2 — с клеймом фабриканта Афестиона); 4–5 — амфоры из кург. 1 группы «Три брата» (4 — фасосская с клеймом магистрата Криниса; 5 — гераклейская с клеймом магистрата Даматрия)

Fig. 2. 1–3 — amphorae of Heracleia from burial 72 (1862 excavations) of the necropolis of Panticapaion (1, 3 — with stamps of the Molossos magistrate; 2 — with a stamp of *Ἀφαιστίων* the manufacturer); 4–5 — amphorae from barrow 1 of the «Three brothers» complex (4 — Thasos amphora with a stamp of the Crinis magistrate; 5 — Heracleean amphora with a stamp of the Damatria magistrate)

В комплексе содержались еще две амфоры с клеймами Молосса и гончара Сафона, Моллоса и гончара Еварха, а также амфора с клеймом КОΑΣ | ПА. К сожалению, обнаружить их в фондах не удалось. По основной массе материала данное погребение датируется концом 80-х — началом 70-х гг. IV в. до н. э. Только сосуд с клеймом КОΑΣ | ПА является более ранним, что вполне допустимо для подобных комплексов.

### Трехбратние курганы

Исследования кургана 1 («Старшего») проводились в 1965–1967 гг. экспедицией Керченского историко-археологического музея под руководством Д. С. Кирилина и С. С. Бессоновой. Сравнительно недавно была опубликована коллективная монография, в которой максимально отражены результаты раскопок (Трехбратние курганы... 2008).

В ходе наших работ в фондах были зафиксированы две амфоры, принадлежность которых к данным курганам не вызывает сомнений. Фасосская клейменная амфора (ККТ 36) из склепа 1 кургана 1 публиковалась неоднократно (подробнее об этом см.: Федосеев 2009: 449). При этом в предыдущих публикациях не отмечены некоторые характерные черты сосуда: под венцом имеется полоса красной краски; в средней части горла — желобок; на горле — дипинто «Δ», нанесенное красной краской (рис. 2, 4). Амфора относится к «биконическому» варианту фасосских амфор и по клейму магистрата Криниса датируется 326–323 гг. до н. э. (Garlan 2004–2005: 323–324).

В поле «Старшего» кургана была обнаружена гераклейская амфора (ККТ 72). У амфоры отсутствует одна ручка и ножка (рис. 2, 5). По фотографии процесса раскопок с изображением данной амфоры (Трехбратние курганы... 2008: табл. 53, 1) была установлена ее точная принадлежность к комплексу кургана 1 (Федосеев 2009: 449). Типологически сосуд относится к варианту II-2 «конического» типа (Монахов 2003: 136, 324, табл. 94, 2). На горле амфоры оттиснуто ретроградное клеймо Ἀπολλώνιος | «гроздь» | Δαμάτρι(ο) (аналогия: Кац 2015: № 656). Магистрат Δαμάτριος относится к IVБ МГ и датируется 40-ми гг. IV в. до н. э. В публикации ошибочно указано, что Даматрий — фабрикант (Федосеев 2009: 449).

Датировка комплекса остается прежней. В процессе работы в фондах нами выявлена амфора, происходящая из кургана 1 (ранее известная только по фотографии). К сожалению, остальные сосуды из раскопок Трехбратних курганов в фондах музея пока не обнаружены.

Таким образом, проделанная работа по созданию каталога амфор из фондов Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника позволила также уточнить состав как минимум трех ранее опубликованных комплексов. Работа в фондах даже одного музея показала большие возможности по вводу в научный оборот, казалось бы, утерянных материалов, позволяющих уточнить хронологию давно известных археологических объектов.

## Литература

- Кац 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. 480 с. (БИ. Вып. 18).
- Кац 2015 — *Кац В. И.* Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище. Саратов: Изд-во СГУ, 2015. 180 с.
- Монахов 1999 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во СГУ, 1999. 680 с.
- Монахов 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды; СГУ, 2003. 352 с.
- Трехбратние курганы... 2008 — Трехбратние курганы. Курганный комплекс второй половины IV–III вв. до н. э. в Восточном Крыму / Трейстер М. Ю. (ред.). Симферополь; Бонн: Универсум, 2008. 288 с.
- Федосеев 2007 — *Федосеев Н. Ф.* Тризна Змеиноного кургана некрополя Юз-Оба // Зуев В. Ю. (отв. ред.). Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы Международ. науч. конф. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. Ч. 2. С. 296–303.
- Федосеев 2009 — *Федосеев Н. Ф.* Керамическая эпиграфика и актуальные вопросы археологии Боспора Киммерийского // Зинько В. Н. (ред.-сост.). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 448–458 (БЧ. 10).
- Цветева 1957 — *Цветева Г. А.* Курганный некрополь Пантикапея // Зеест И. Б. (отв. ред.). Пантикапей. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 227–250 (МИА. № 56).
- Garlan 2004–2005 — *Garlan Y.* En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // Bulletin de correspondance hellénique. 2004–2005. Vol. 128–129. P. 269–329.

## GREEK AMPHORAE FROM THE COLLECTION OF THE EASTERN-CRIMEAN HISTORICAL AND CULTURAL MUSEUM-PRESERVE: THE FIRST RESULTS

E. V. KUZNETSOVA, N. B. CHUREKOVA

**Keywords:** *Greek amphorae, assemblages, museum collections, Trekhbratnie barrows, Zmeinyi barrow, necropolis of Panticapaeum, Kerch Museum.*

The paper presents the first preliminary results of research carried out within the framework of the project «Greek amphorae of the VI–II cc. BC from the collections of Crimean museums». In the course of working with the collection of amphorae from the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve the authors succeeded in specifying the composition of at least three of the earlier published assemblages. Three new vessels — one of them coming from Chios and two from Peparethos (fig. 1, 2, 4) — were added to the funeral feast assemblage of the Zmeinyi barrow. Two formerly unknown amphorae were shown to have come from burial 72 (1862 excavations) of the necropolis of Panticapaeon: one with stamps of the magistrate of Molossos and Kallias-the-potter, the other with a stamp of Haphaistiōn-the-manufacturer (fig. 2, 2, 3). In addition, a graphic recording of the Heracleia amphorae from barrow 1 of the «Three brothers» group, known only by its photograph, was provided (fig. 2, 5). The paper describes just a small part of the discoveries made in the course of working with the museum collection.



## Literature

Кац 2007 — *Kac V. I.* Grecheskie keramicheskie kleyma e'pohi klassiki i e'llinizma (opy't kompleksnogo izucheniya) (*Greek ceramic stamps of the Classical and Hellenistic epoch [results of a complex study]*). Simferopol; Kerch, 2007. 480 p. (BS. Vol. 18) (in Russian).

Кац 2015 — *Kac V. I.* Keramicheskie kleyma Aziatskogo Bospora. Gorgippiya i ee' hora, Semibratnee gorodisch'e (*Ceramic stamps from the Asiatic Bosporus. Gorgippia and its chora. Semibratnee settlement*). Saratov: Saratov SU, 2015. 180 p. (in Russian).

Монахов 1999 — *Monahov S. Yu.* Grecheskie amfory' v Prichernomor'e: kompleksy' keramicheskoy tary' VII–II vv. do n. e'. (*Greek amphoras in the Black Sea region: assemblages of ceramic containers of the VII–II cc. BC*). Saratov: Saratov SU, 1999. 680 p. (in Russian).

Монахов 2003 — *Monakhov S. Ju.* Grecheskie amfory' v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedusch'ih centrov-e'ksporterov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog-opredelitel' (*Greek amphoras in the Black Sea region: Typology of the amphoras from the main exporting centers selling their goods in ceramic containers: Identification guide*). M.; Saratov: Kimmerida; Saratov SU, 2003. 352 p. (in Russian).

Трехбратние курганы... 2008 — *Trehbratnie kurgany'*. Kurgannaya gruppa vtoroy poloviny' IV–III vv. do n. e'. v Vostochnom Kry'mu (*Trekhhbratnie barrows. A barrow complex of the second half of the IV–III cc. BC in Eastern Crimea*) / Treyster M. Yu. (ed.). Simferopol; Bonn: Universum, 2008. 288 p. (in Russian).

Федосеев 2007 — *Fedoseev N. F.* Trizna Zmeinogo kurgana nekropolya Yuz-Oba (*Ritual feast of Zmeinyy barrow in Juz-Oba necropolis*) // Zuev V. Yu. (ed.). Bosporskiy fenomen: sakral'ny'y smysl regiona, pamyatnikov, nahodok. Materialy' mejdunarodnoy nauchnoy konferencii (*The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Sacred Meaning of Region, Sites and Objects. Proceedings of the international conference*). St. Petersburg: State Hermitage, 2007. Pt. 2. P. 296–303 (in Russian).

Федосеев 2009 — *Fedoseev N. F.* Keramicheskaya e'pigrafika i aktual'ny'e voprosy' arheologii Bospora Kimmerijskogo (*Ceramic epigraphics and topical issues in the archaeology of the Cimmerian Bosporus*) // Zin'ko V. N. (ed.). Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya: Aktual'ny'e problemy' (*The Cimmerian Bosporus and barbarian world in the period of Antiquity and Middle Ages: Topical Problems*). Kerch, 2009. P. 448–458 (X Bosporan Readings) (in Russian).

Цветаева 1957 — *Cvetaeva G. A.* Kurganny'y nekropol' Pantikapeya (*The barrow necropolis of Panticapaeum*) // Zeest I. B. (ed.). Pantikapey (*Panticapaeum*). M.: AS of the USSR, 1957. P. 227–250 (MSA. No. 56) (in Russian).

Garlan 2004–2005 — *Garlan Y.* En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // Bulletin de correspondance hellénique. 2004–2005. Vol. 128–129. P. 269–329.

# О НЕКОТОРЫХ АМФОРАХ ИЗ КОМПЛЕКСА У7 ПОСЕЛЕНИЯ ПАНСКОЕ 1 В КРЫМУ<sup>1</sup>

С. Ю. МОНАХОВ

**Ключевые слова:** амфоры, Северо-Западный Крым, античная торговля, Икос, Айнос, Менда, западно-понтийские центры, Кос.

В статье предлагаются уточнения к локализации и хронологии некоторых амфор из уникального керамического комплекса поселка У7 поселения Панское 1 в Северо-Западном Крыму. Выделены амфоры Икоса, западного Понта (Аполлонии, Месембрии, Каллатиса), новые образцы мендейских амфор и амфор косского производства.

Поселок У7 был отстроен на развалинах более ранней четырехбашенной постройки, возникшей еще в начале IV в. до н. э. и сожженной херсонесцами около середины столетия<sup>2</sup>. Между разрушением крепости и постройкой поселка, судя по материалу, прошло какое-то время. Этот многослойный памятник исследован по всей площади, но не на всю глубину культурного слоя, а лишь по позднему строительному горизонту. Значительная часть комплекса керамической тары поселка У7 была издана мною в связи с подготовкой сводок амфор по отдельным центрам производства (Монахов 1999; 2003). Амфорный материал из раскопок поселка У7 по основным своим характеристикам во многом повторяет тот набор, который мы имели в соседней усадьбе У6, однако очевидно, что он в значительной мере «засорен» более ранними материалами из четырехбашенной постройки. Всего из комплекса происходит более 150 целых, археологически целых и крупных профильных частей амфор. В данной статье я остановлюсь на нескольких сосудах, которые в свое время были неверно атрибутированы.

Начнем с сосудов, которые относятся к керамическому комплексу четырехбашенной крепости, предшествовавшей херсонесскому поселку.

Первой такой группой находок будут немногочисленные фрагменты **амфор Икоса**, которые ранее считались самыми ранними херсонесскими выпусками (Монахов 1989: 42–46), затем — продукцией неустановленных центров северной Эгеиды (Монахов, Кузнецова 2009; Monachov, Kuznetsova 2011), а теперь достаточно надежно атрибутируются как продукция Икоса. Основанием для такой локализации послужила находка фрагмента горла с ручкой, на которой отсиснута клеймо IKION (Монахов, Федосеев 2013). В контексте многочисленных

<sup>1</sup> Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15–31–10128 «Греческие амфоры VI–II вв. до н. э. из собраний музеев Крыма».

<sup>2</sup> А. Н. Щеглов считал эту постройку ольвийской крепостью (Щеглов 1986: 166 сл.; Scoglov 1987: 242 ff.). А. В. Буйских убеждена, что к фортификации эта постройка отношения не имеет, точно так же, как и к Ольвии. По ее мнению это типичное жилищно-хозяйственное сооружение (Буйских 2008: 33 сл.). Выяснение этого вопроса — дело будущего.

находок таких амфор в грунтовых меотских некрополях Кубани стало очевидно, что хронология этих амфор может быть уточнена в пределах второй-третьей четвертей IV в. до н. э. Таким образом очевидно, что те немногочисленные находки фрагментов амфор этой серии из У7, а именно нижняя часть тулова и несколько ножек (рис. 1, 1–6)<sup>3</sup>, скорее всего, относятся к ранним культурным напластованиям четырехбашенного форта, предшествующего херсонесскому поселку. Упомянутый сосуд без горла и плеч (№ 1) находился во вторичном использовании в качестве корчаги.

Амфорная коллекция У7 содержит несколько профильных частей сосудов «с раздутым горлом», которые до сих пор не были надежно локализованы (Монахов 2003: 77 сл., табл. 52–54), но теперь их достаточно уверенно можно связать с **продукцией Айноса** — греческого полиса на фракийском побережье в устье р. Марица. На первом фрагменте горла с трапециевидным венцом встречено рельефное монограммное клеймо API (?) (рис. 1, 7) в квадратной рамке. Профилировка венца как у фасосских амфор IV в. до н. э., однако тонкая, красная глина с мелкой слюдой отличается от типичной фасосской. Второй фрагмент горла — с легкой припухлостью в верхней части и небольшим клювовидным венцом с подрезкой — имеет на ручке клеймо в виде буквы «В» в круглой рамке (рис. 1, 8). Профилировка горла и характер глины этого сосуда очень напоминают вышеупомянутые амфоры «с раздутым горлом», как, впрочем, и ножка амфоры этого типа (рис. 1, 9). Основание для локализации дает «раздутая» профилировка горла, характерный профиль ножки, которые находят прямые аналогии среди множества фрагментов, обнаруженных в окрестностях Айноса и опубликованных Х. Карадимой (Karadima Chr. 2004: 158, fig. 31–33). Кроме того, клеймо API (?) на первом фрагменте горла с Панского находит прямую аналогию среди клейм так называемой группы «Пармениска» из Пеллы, которые И. Гарлан считает то ли мендейскими, то ли айносскими (Garlan 2012–2013: 335–336, fig. 19).

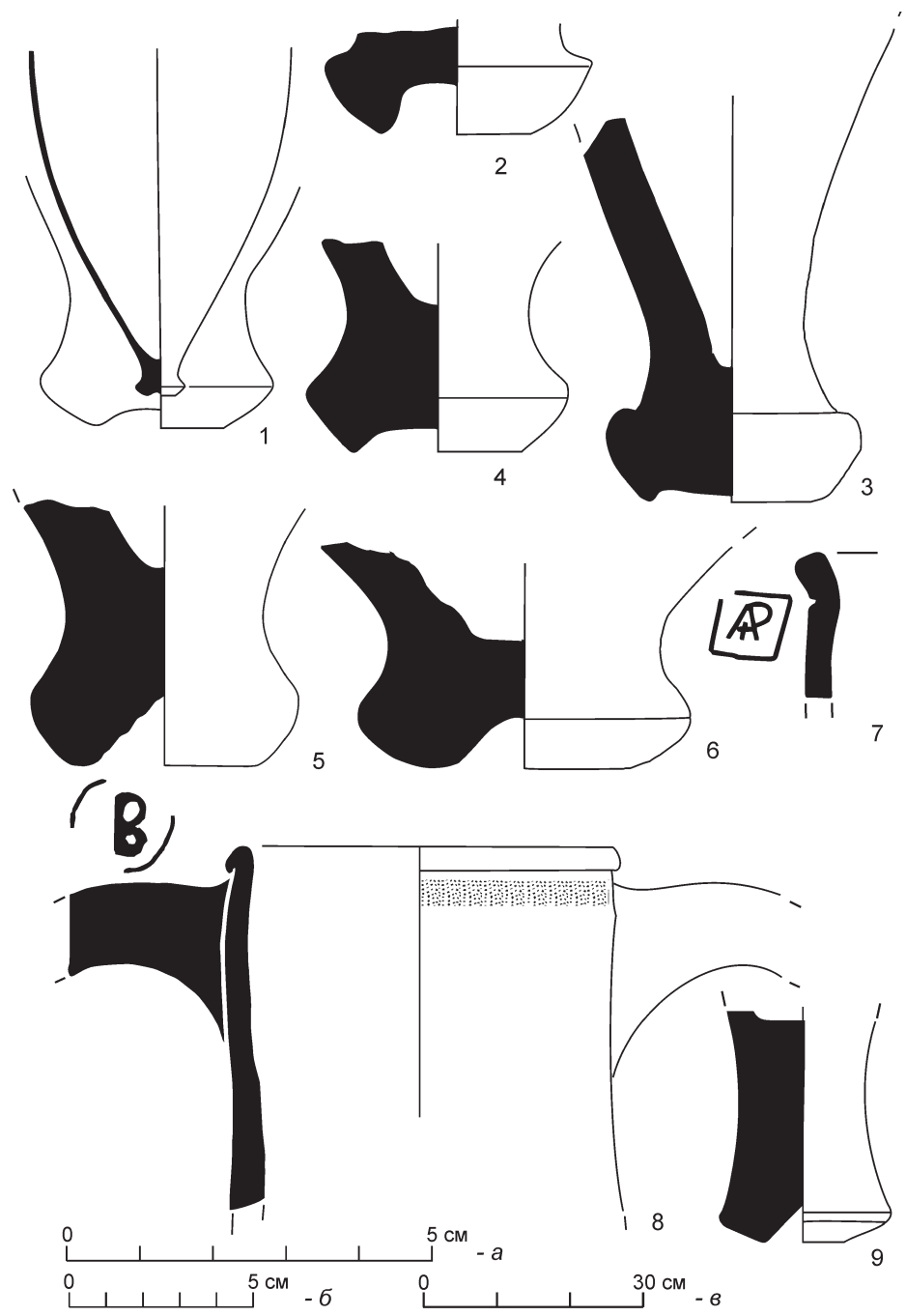
В свое время я писал, что амфоры «с раздутым горлом» не встречаются в комплексах позднее конца V в. до н. э. (Монахов 2003: 79). Однако присутствие фрагментов такой тары в комплексе с Панского, возможно, дает основание считать, что их производство продолжалось и в начале IV столетия. Очевидно

---

Рис. 1. Амфоры Икоса (1–6) и Айноса (7–9). Номера на рис. 1–3 соответствуют номерам Каталога. Масштабы (для рис. 1–3): а — клейма; б — венчики и ножки; в — общий вид амфор

Fig. 1. Amphorae of Ikos (1–6) and Ainos (7–9). Numbering on fig. 1–3 corresponds to that in the Catalogue. Scales (for fig. 1–3): a — stamps; б — rims and toes; в — general outlook

<sup>3</sup> Номера на рис. 1–3 соответствуют номерам Каталога.



также, что данные фрагменты относятся к нижним культурным напластованиям У7 и должны датироваться в пределах первой половины IV в. до н. э.

Оставшиеся амфоры из У7 синхронизируются с херсонесским поселком и должны датироваться в пределах конца IV — начала III в. до н. э.

Прежде всего, речь идет об **амфорах западно-понтийских центров** (Аполлонии, Месембрии, Каллатиса). Это пять небольших четырех-пятилитровых амфор типичной «южнопонтийской» глины с примесью пироксена (рис. 2, 10–14).

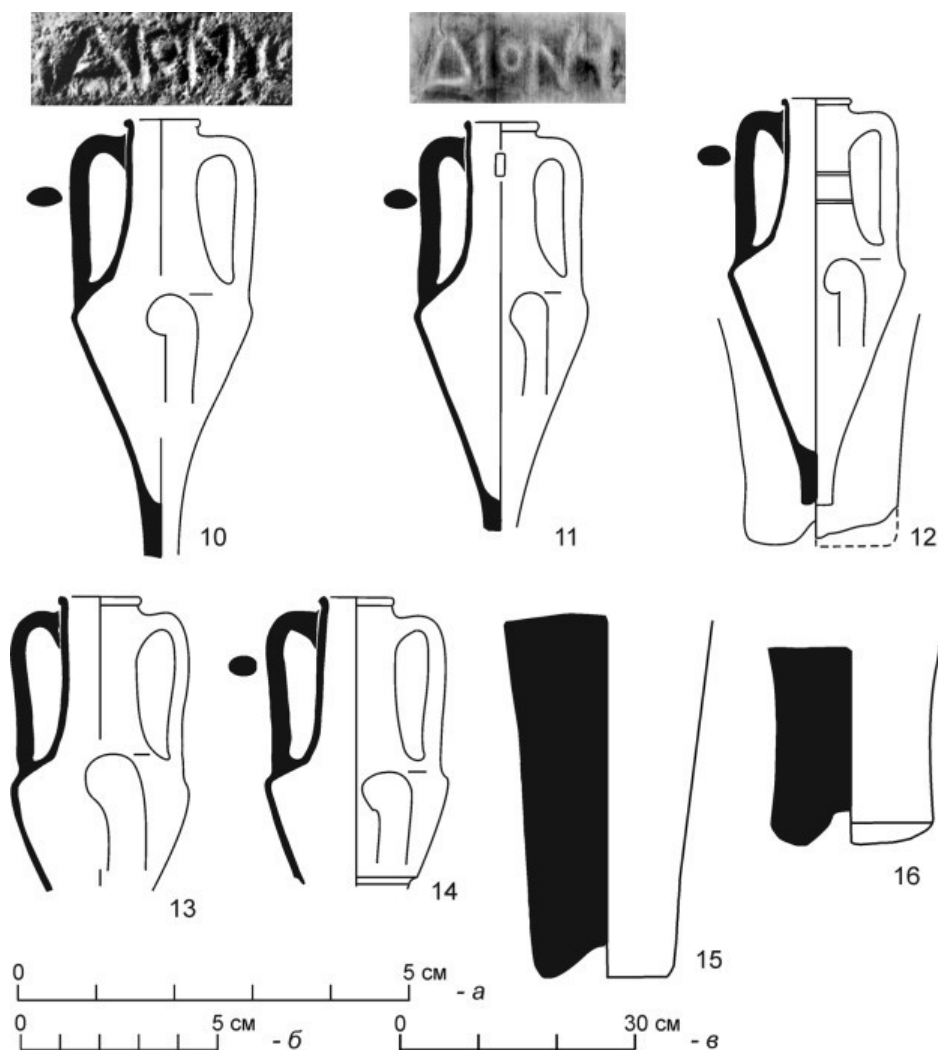


Рис. 2. Амфоры западнопонтийских центров

Fig. 2. Amphorae of the West Pontic centers

В свое время я отнес эти амфоры к типу II-A гераклейской тары на основании визуального сходства глины и наличием энглифических клейм ΔΙΟΝΥ(-) на горлах двух сосудов из пяти (Монахов 2002: 175, рис. 4; 2003: 139, табл. 97, 5). Клейма на двух амфорах из этой серии выполнены тем же штампом, что и на амфорах из известного склада у Ислам Джаферки (Вижор 1962: 475; Монахов 1999: 454–457, табл. 197). Найденные на полах помещений амфоры из У7, так же как и отдельные ножки таких сосудов (рис. 2, 15–16), надежно маркируют слой разрушения поселка, датируемый 70-ми гг. III в. до н. э. Эти амфоры повторно издавались также В. Ф. Столбой (Stolba 2003: 289, fig. 4), который вслед за мной отнес их к продукции Гераклеи.

Однако совсем недавно коллектив болгарских ученых провел серию анализов глиняного теста черепичных и амфорных клейм с различными рельефными и энглифическими легендами, которые широко представлены на памятниках Фракии, и сравнил их с анализами гончарных глин из карьеров в окрестностях Аполлонии Понтийской и Месембрии. Результаты оказались поразительными. По крайней мере надежно доказано, что амфоры с энглифическими клеймами НРА(-) производились скорее всего в Аполлонии Понтийской (Kovachev et al. 2011: 219). Но дело в том, что амфоры с клеймом НРА(-)<sup>4</sup> совершенно идентичны по морфологии, размерам и визуальным характеристикам глины как с амфорами с клеймами ΔΙΟΝΥ(-) с У7, так и с другими амфорами, на которых стоят энглифические, а также рельефные клейма с легендами ΕΤΥΜΟΧ, ΔΑΜΟΞΕ, ΓΛΑΥΚΟ, ΑΡΙΣΤΟΚΡΑΤΕΟΣ, ΚΕΡ(-) (Монахов 2003: табл. 96, 97). Странной выглядит ситуация с тем, что клейма с легендой ΔΙΟΝΥ(-) из Панского оттиснуты тем же штампом, что и на амфорах иной морфологии типа «Ислам Джаферка» (Вижор 1962: 475; Монахов 1999: 454–457, табл. 197; 2003: табл. 97, 6). Аналогичный случай мы имеем с рельефными клеймами ΑΝΤΙΦΙΛΟΥ от одного штампа, которые в одном случае зафиксированы на амфоре с коническим туловом из Ольвии (Папанова 2002: 76; Монахов 2003: табл. 57, 2), а в другом — на пифоидной амфоре из музея Долгополя в Болгарии. Н. Ф. Федосеев справедливо считает, что эти сосуды также западнопонтийского производства (Федосеев 2010: 568, рис. 5).

Совершенно очевидно, что засомневавшись в свое время в гераклейском происхождении нескольких серий амфор с энглифическими клеймами и высказав предположение, что поскольку такие серии амфор по своей морфологии никак не вписываются в систему гераклейского амфорного производства и их следует отнести к продукции неустановленных южнопонтийских центров (Монахов 2007: 86 сл., табл. 1; Monachov 2010: 25, pl. 12, 13), я остановился на полпути. Выборка таких «странных» амфор, названных мною «группа Гер(а)», «группа Горгия-Диокла» и «группа Евксена», требует пристального внимания и анализа. Мне представляется, что требует ревизии и хронологическая клас-

<sup>4</sup> Клеймо НРА(-) встречено на мелком обломке горла в керамическом комплексе У7.

сификация энглифических клейм В. И. Каца, по крайней мере в отношении так называемой позднефабрикантской группы, которая, скорее всего, будет в конечном итоге привязана к западнопонтийским центрам. И хотя В. И. Кац полностью отвергает эту идею, считая, что все это амфоры гераклейского производства (Кац 2015: 345 сл.), накопление материалов демонстрирует иной вывод. Здесь не место рассуждать по этому сюжету более пространно, однако в качестве гипотезы я предполагаю для амфор с энглифическими клеймами ΔΙΟΝΥ(-) западнопонтийское производство, не настаивая на отнесении их к продукции конкретно Аполлонии Понтийской<sup>5</sup>.

**Амфоры Менды.** Среди амфор средиземноморского производства из комплекса имеется сосуд, который я в свое время отнес к «неустановленному» центру. Он имеет розовато-коричневую глину с незначительной примесью мелкого пироксена и известняка. Венец небольшой, клювовидной формы. Ножка почти цилиндрическая, с небольшим расширением внизу. На горле граффити в виде двух горизонтальных черточек. У нижнего основания ручек и в нижней части тулова — горизонтальные широкие полосы белой краски (рис. 3, 17). По своей профилировке сосуд имеет много общего с амфорами Синопы (Монахов, Слонов 1992). По современным представлениям это новый, ранее неизвестный тип мендейской тары конца IV — начала III в. до н. э. так называемой группы пармениска (Filis 2012: 69, tabl. 5). Локализация сделана на основании находок керамического брака в окрестностях Менды. К этому же типу мендейской тары относится еще одна фрагментированная (без горла) амфора с такой же маленькой ножкой (рис. 3, 18). Она имеет плотную тонкую глину розового цвета с большим количеством крупной слюды. Ангоб светло-коричневый, с розовым оттенком.

Некоторые образцы тары, которые ранее также были отнесены к неустановленным центрам производства, ныне могут быть атрибутированы как **косские** или «псевдокосские». Эти сосуды имеют коническое горло, которое плавно переходит в покатые плечи, пифоидное тулово, ручки одноствольные, в сечении близки к кругу. Первая амфора изготовлена из типичной косской тонкой глины красно-кирпичного цвета со слюдой. На горле крупное дипинти I, а ниже, более мелко, цифровое граффити Δ (Монахов, Слонов 1992: табл. 10, № 56; Монахов 2014: 210, рис. 9, 41) (рис. 3, 19). У второй амфоры утрачены нижняя часть тулова и венец. Глина коричневого цвета, слоистая, с массой мелкой слюды. На ручке имеется плохо читаемое ретроградное клеймо с именем Клеарха (?) в одну строку (рис. 3, 20)<sup>6</sup>. Обе амфоры относятся к керамическому комплексу херсонесского поселка У7 и должны датироваться серединой 70-х гг. III в. до н. э.

<sup>5</sup> Осторожность здесь не помешает. По крайней мере, имена НРА(-), ΔΙΟΝΥ(-), ΓΟΡΓΟΥ зафиксированы в качестве городских магистратов на монетах Каллатиса (Gramaticu, Ioniță 2008: 55; Федосеев 2013: 369; 2014: 22).

<sup>6</sup> Чтение и прорисовка клейма сделаны А. Н. Щегловым, мне не удалось ознакомиться с этим штампом. Аналоги мне неизвестны.

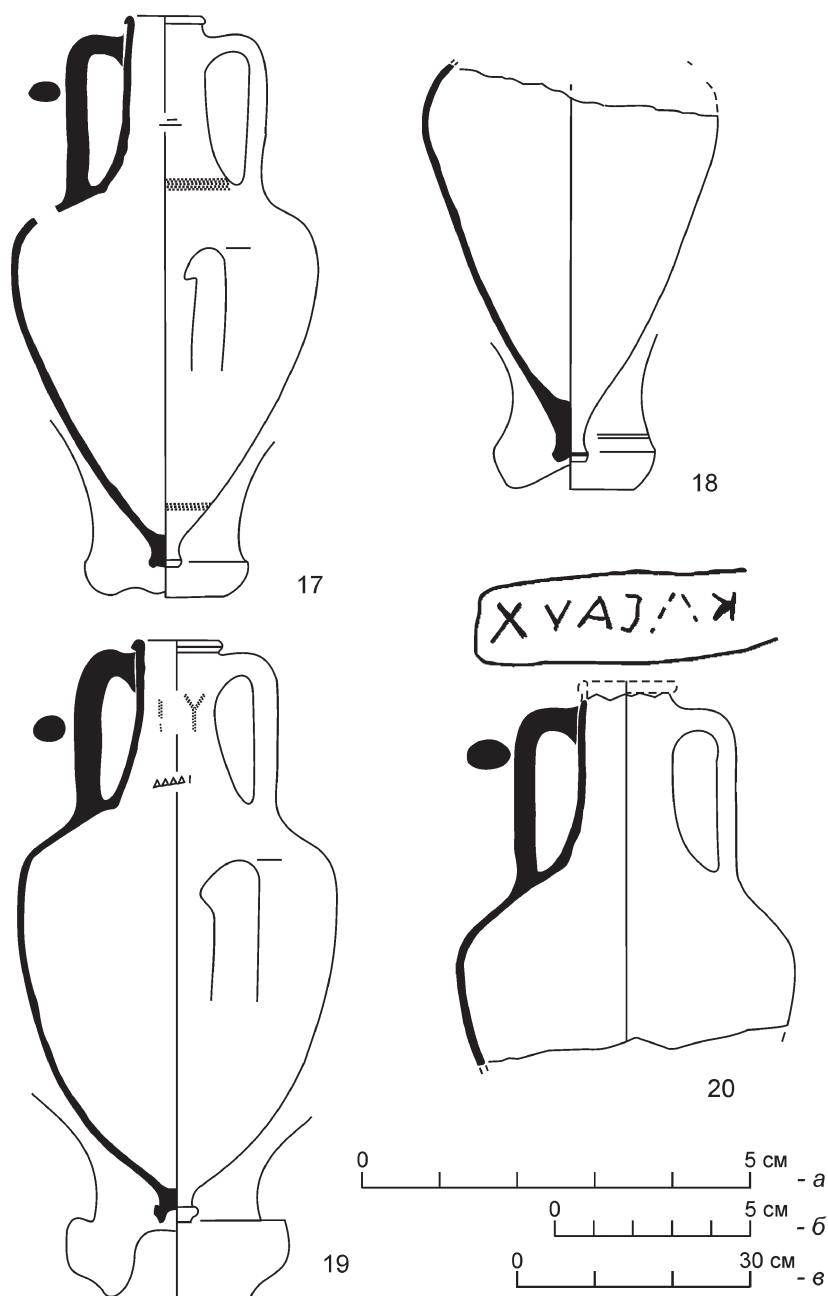


Рис. 3. Амфоры Менды (17–18) и Коса (19–20)

Fig. 3. Amphorae of Mende (17–18) and Kos (19–20)



Совершенно очевидно, что амфорный комплекс У7 неоднороден и накапливался достаточно долго. Если его верхняя граница по материалам керамической эпиграфики приходится на середину 70-х гг. III в. до н. э., то нижняя примерно соответствует первым трем четвертям IV столетия.

### КАТАЛОГ АМФОР ИЗ ПОСЕЛКА У7

#### *Икос*

№ 1. Пом. 104. П. о. 148/11. 1985 (рис. 1, 1). Нижняя часть амфоры с пифоидным туловом. Ножка острорреберная со слабо выраженным перехватом. Глина темно-красная, плотная, с редкими включениями коричневых и белых частиц. Параметры:  $D \sim 36,0 \text{ см}^7$ . Публикации: Монахов 1999: 516, табл. 215; 1. Современная атрибуция: Монахов, Федосеев 2013. По множеству комплексов эта группа тары датируется в пределах первой — третьей четвертей IV в. до н. э.

№ 2–6. Пом. 17, 18, А-17. П. о. 160/52, 66/16; 30/267; 17/39; 148/17. 1980 (рис. 1, 2–6). Ножки амфор, подобных № 1. Глина варьирует от темно-красной к коричневой, всегда плотная, с редкими включениями белых частиц, иногда — мелкой редкой слюды.

#### *Айнос*

№ 7. Пом. 81. П. о. 122/30. 1984 (рис. 1, 7). Венчик трапециевидной формы амфоры «с раздутым горлом». Ниже венчика желобок. Глина красная тонкая, с мелкой слюдой. На стенке горла рельефное монограммное клеймо «ΑΡΙ» (?). Близкий штамп: Garlan 2012–2013: 335, fig. 19.

№ 8. Пом. 127–128. П. о. 192/6. 1989 (рис. 1, 8). Слегка раздутое горло амфоры. Глина тонкая, светло красная, с массой мелкой слюды. На ручке рельефное круглое клеймо «В». Под венцом полоса красной краски. Аналогии: Panskoje I 2002: 125, no. Ae 138–140; Монахов 2003: 77–79, табл. 52–54. Аналогия клейму: Монахов 1999: 501, табл. 214, 9.

№ 9. Пом. ? Оп. 161/821 (рис. 1, 9). Ножка амфоры «с раздутым горлом». Глина красно-коричневая, хорошо отмученная, с массой мелкой слюды (анalogии таким формам: Монахов 2003: табл. 55).

#### *Западнопонтийские центры: Аполлония, Месембрия, Каллатис*

№ 10. Пом. 58, здание 9. П. о. 96/7. 1983 (рис. 2, 10). Ранее отнесена к типу ПА-3 гераклейской тары (Монахов 2003). Утрачена ножка. На горле энглифическое клеймо фабриканта Диони(сия) (Διονυ(σίου)) (рис. 2). Емкость — 4,5 л. Параметры:  $H_0 = 50,3 \text{ см}$ ,  $H_1 = 24,3 \text{ см}$ ,  $D = 23,0 \text{ см}$ ,  $d_1 = 9,8 \text{ см}$ . Публикации: Монахов 1999: 517, табл. 220, 3; 2002: 175, рис. 4. Датируется 70-ми гг. III в. до н. э.

№ 11. Пом. 94, здание 15. П. о. 144/35. 1985 (рис. 2, 11). Амфора, подобная № 10. Утрачена ножка. На горле энглифическое клеймо фабриканта Диони(сия) (Διονυ(σίου)) (рис. 3). Емкость — 5,0 л. Параметры:  $H_0 = 48,5 \text{ см}$ ,  $H_1 = 25,0 \text{ см}$ ,  $D = 22,2 \text{ см}$ ,  $d_1 = 9,8 \text{ см}$ . Публикации: Там же: 517, табл. 220, 2.

№ 12. Пом. 104. П. о. 148/104. 1985 (рис. 2, 12). Амфора, подобная № 10. В средней части горла две линии горизонтальных желобков. Емкость — 4,8 л. Параметры:

<sup>7</sup> Условные обозначения параметров сосудов:  $D$  — диаметр тулова;  $d_1$  — диаметр венца;  $H$  — высота сосуда;  $H_0$  — глубина;  $H_1$  — высота верхней части.

$H = 52,0$  см,  $H_0 = 45,2$  см,  $H_1 = 22,4$  см,  $D = 22,8$  см,  $d_1 = 9,0$  см. Публикации: Монахов, Слонов 1992: табл. 9, 51; Монахов 1999: 517, табл. 220, 4.

№ 13. Пом. 59, здание 9. П. о. 97/107. 1983 (рис. 2, 13). Амфора, подобная № 10. Утрачена нижняя часть тулова с ножкой. Параметры:  $H_1 = 24,5$  см,  $D = 22,8$  см,  $d_1 = 10,6$  см.

№ 14. Пом. 45, здание 7/12. П. о. 80/9. 1982 (рис. 2, 14). Амфора, подобная № 10. Утрачена нижняя часть тулова с ножкой. Скол в средней части тулова произошел по технологическому шву. Параметры:  $H_1 = 24,0$  см,  $D = 23,3$  см,  $d_1 = 9,6$  см. Публикации: Монахов 1999: 517, табл. 220, 5.

№ 15–16. Пом. 9, 92, 85, башня II. Оп. 136/4; 127/8; 48/22. 1979, 1980 (рис. 2, 15–16). Цилиндрические ножки амфор типа № 10 (анalogии: Монахов 2003: табл. 96).

### *Менда*

№ 17. Пом. 63, здание 10. П. о. 101/62. 1983 (рис. 3, 17). Амфора фрагментированная с пифоидным туловом, небольшим клювовидным венцом и маленькой ножкой. По современным представлениям новый, ранее неизвестный тип мендейской тары конца IV — начала III в. до н. э., так называемой группы пармениско (Filis 2012: 69, tabl. 5). Глина розовато-коричневая, с незначительной примесью мелкого пироксена и известняка. На горле — граффити в виде двух горизонтальных черточек. У нижних прилепов ручек и в нижней части тулова — горизонтальные широкие полосы белой краски. Емкость — 29,6 л. Параметры:  $H = 71,0$  см,  $H_0 = 66,8$  см,  $H_1 = 33,0$  см,  $D = 39,7$  см,  $d_1 = 10,2$  см. Публикации: Монахов, Слонов 1992: табл. 10, № 58; Монахов 1999: 521, табл. 221, 2.

№ 18. Площадь АО, здание 1. П. о. 20/33. 1979 (рис. 3, 18). Амфора фрагментированная, подобная № 17. Полностью утрачены горло с плечами. Ножка непропорционально маленькая, чуть выше линии наибольшего расширения неглубокий желобок. Глина плотная, очень тонкая, розовая, с большим количеством крупной слюды. Ангоб светло-коричневый, с розовым оттенком. Параметры:  $D = 38,0$  см. Публикации: Монахов 1999: 521, табл. 221, 6.

### *Кос*

№ 19. Пом. 2. П. о. 2/80. 1979 (рис. 3, 19). Амфора с пифоидным туловом на низкой кубаревидной ножке. Ручки очень массивные, почти круглые в сечении. Глина красно-кирпичная, тонкая, с редкими включениями слюды, напоминает коскую. На горле крупное дипинти  $\text{IV}$ , а ниже, более мелко цифровое граффити  $\Delta\Delta\Delta\Delta\text{I}$ . Емкость — 37,9 л. Параметры:  $H = 75,0$  см,  $H_0 = 71,0$  см,  $H_1 = 35,5$  см,  $D = 41,5$  см,  $d_1 = 11,8$  см. Публикации: Монахов, Слонов 1992: табл. 10, № 56; Монахов 1999: 521, табл. 221, 1; 2014: 210, табл. 9, 41.

№ 20. Пом. 1, здание 1. П. о. 20/36. 1979 (рис. 3, 20). Амфора фрагментированная, отсутствует нижняя часть тулова и венец. Глина тонкая, темно-коричневая, с мельчайшей слюдой, по поверхности сильно слоится. Ангоб двойной, светло-зеленый. На ручке плохо читаемое клеймо с ретроградной легендой  $\text{KAEAPX(OY)}$  (?). Параметры:  $H_1 \sim 36,0$  см,  $D = 43,2$  см. Публикации: Монахов 1999: 521, табл. 221, 3; 2014: 210, табл. 9, 42.

## **Литература**

Буйских 2008 — Буйских А. В. Еще раз о роли башен в усадебном строительстве Херсонеса Таврического // Зинько В. Н. (ред.). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria. Керчь, 2008. С. 33–36 (БЧ. 9).

- Кац 2015 — *Кац В. И.* Не все амфоры с энглифическими клеймами принадлежат Гераклею Понтийской // STRATUMplus. 2015. № 3. С. 337–346.
- Монахов 1989 — *Монахов С. Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во СГУ, 1989. 159 с.
- Монахов 1999 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во СГУ, 1999. 679 с.
- Монахов 2002 — *Монахов С. Ю.* «Поздние» серии гераклеийских амфор (конца IV — первой трети III в. до н. э.) // АМА. 2002. Вып. 11. С. 167–178.
- Монахов 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды; СГУ, 2003. 352 с.
- Монахов 2007 — *Монахов С. Ю.* «Псевдогераклеийские» амфоры IV — первой трети III в. до н. э. из Южного Причерноморья // Молев Е. А. (ред.). Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9–10. С. 86–96.
- Монахов 2014 — *Монахов С. Ю.* Косские и псевдокосские амфоры и клейма // STRATUMplus. 2014. № 3. С. 195–222.
- Монахов, Кузнецова 2009 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В.* Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV в. до н. э. // В. П. Копылов (ред.). Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов н/Д: Медиа-Полис, 2009. С. 148–161.
- Монахов, Слонов 1992 — *Монахов С. Ю., Слонов В. Н.* К реконструкции античной методики расчета и моделирования древнегреческих амфор // ВДИ. 1992. № 2. С. 97–110.
- Монахов, Федосеев 2013 — *Монахов С. Ю., Федосеев Н. Ф.* Заметки по локализации керамической тары. IV: амфоры Икоса // АМА. 2013. Вып. 16. С. 255–266.
- Папанова 2002 — *Папанова В. А.* Амфора с клеймом из некрополя Ольвии // Толочко П. П. (ред.). Северное Причерноморье в античное время. Киев: ИА НАН Украины, 2002. С. 76–77.
- Федосеев 2010 — *Федосеев Н. Ф.* Керамический комплекс помещения 52 дома 13 греческого эмпория на Елизаветовском городище // ДБ. 2010. Вып. 14. С. 562–582.
- Федосеев 2013 — *Федосеев Н. Ф.* Черепичные боспорские клейма с предлогом ЕПН в контексте истории Боспора // ДБ. 2013. Вып. 17. С. 366–376.
- Федосеев 2014 — *Федосеев Н. Ф.* Каллатийцы на Боспоре // Paslari I., Colesniuc S. M., Dimov T. (eds.). Callatida. Mangalia: CALLASPRINT, 2014. P. 17–38.
- Vujor 1962 — *Vujor E.* The Amphorae Deposit of Islam Geaferca // Dacia. NS. 1962. Vol. 6. P. 475–487.
- Garlan 2012–2013 — *Garlan Y.* La distinction des fabricants homonymes sur les timbres amphoriques grecs // Bulletin correspondance hellenique. 2012–2013. Vol. 136–137. P. 319–338.
- Gramaticu, Ioniță, 2008 — *Gramaticu S., Ioniță V.* Les premières émissions monétaires de bronze de l'atelier de Callatis // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към Черноморското крайбрежие: Междунар. конф. в памет на си. нс. Милко Мирчев. Варна, 15–17 септември 2005 г. Варна: Зограф, 2008. P. 38–59 (Acta musei Varnaensis. Vol. 7-1).
- Filis 2012 — *Filis K.* Transport amphorae Workshops in Macedonia and Thrace during the Late Classical and Hellenistic times // Drougou S., Touratsoglou I. (eds.). Topics on Hellenistic pottery in Ancient Macedonia. Athens: TAMEIO APXAIΟΛΟΓΙΚ ΚΩΝΠΟΡΩΝ ΚΑΙ ΑΠΑΛΛΟΤ ΡΙΩΣΕΩΝ/ Archaeologica Research Fund, 2012. P. 60–85.
- Karadima 2004 — *Karadima Chr.* Ainos: An unknown amphora production centre in Evros Delta // Eiring J., Lund J. (eds.), Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Aarhus, 2004. P. 155–161 (Monographs of the Danish Institute at Athens. 5).
- Kovachev et al. 2011 — *Kovachev V., Stoyanov T., Stanimirova T., Stoyanova D., Lozanov I.,*

Mladenov V. Archaeometric Study of Hellenistic Roof Tiles and Amphorae from Apollonia and Mesambria: An Attempt at Identifying Local Production // Tzochiev C., Stoyanov T., Bozkova A. (eds.). Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (Patabs II). Sofia: Tzochiev Chavlar, 2011. P. 203–244.

Monachov 2010 — Monachov S. Ju. New series of amphorae from southern Pontic poleis, 4<sup>th</sup> — first third of the 3<sup>rd</sup> centuries B. C. // Kassab Tezgor D. (ed.). Production and Trade of amphorae in the Black Sea (Patabs I). Paris: De Boccard, 2010. P. 23–27.

Monachov, Kuznetsova 2011 — Monachov S. Ju., Kuznetsova E. V. About One Series of Amphorae from Unknown Dorian Centre of the Fourth Century BC (former «Bosporan» or «Early-Chersonesean») // Tzochiev C., Stoyanov T., Bozkova A. (eds.). Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (Patabs II). Sofia: Tzochiev Chavlar, 2011. P. 245–278.

Monachov 2010 — Monachov S. Ju. New series of amphorae from southern Pontic poleis, 4<sup>th</sup> — first third of the 3<sup>rd</sup> centuries B. C. // Kassab Tezgor D. (ed.). Production and Trade of amphorae in the Black Sea (Patabs I). Paris: De Boccard, 2010. P. 23–27.

Monachov, Kuznetsova 2011 — Monachov S. Ju., Kuznetsova E. V. About One Series of Amphorae from Unknown Dorian Centre of the Fourth Century BC (former «Bosporan» or «Early-Chersonesean») // Tzochiev C., Stoyanov T., Bozkova A. (eds.). Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (Patabs II). Sofia: Tzochiev Chavlar, 2011. P. 245–278.

## SOME AMPHORAS FROM ASSEMBLAGE Y7 OF THE PANSKOE I SETTLEMENT IN CRIMEA

S. YU. MONAKHOV

**Keywords:** *amphorae, Northwestern Crimea, trade in classical antiquity, Ikos, Ainos, Mende, West Pontic centers, Kos.*

The paper specifies the localization and chronology of some amphoras from the unique pottery assemblage of area Y7 at the settlement of Panskoe I in Northwestern Crimea. The author has identified amphoras from Ikos, western Pontic (Apollonia, Mesembria, Kallatis), as well as new specimens from Mende and Kos.

### Literature

Буйских 2008 — Буйских А. В. Esch'e raz o roli bashen v usadbnom stroitel'stve Heronesesa Tavricheskogo (*Once again on the role of towers in the building of manors in Tauric Chersonesos*) // Zin'ko V. N. (ed.). The Cimmerian Bosphorus and barbarian world in the period of Antiquity and Middle Ages. Militaria. Kerch, 2008. P. 33–36 (9 Bosporan Readings) (in Russian).

Кац 2015 — Кас В. И. Ne vse amfory' s e'nglificheskimi kleymami prinadlejat Geraklee Pontijskoy (*Not Every Amphora with English Stamps Belongs to Heraclea Pontica*) // STRATUMplus. 2015. No. 3. P. 337–346 (in Russian).

Монахов 1989 — Monachov S. Yu. Amfory' Heronesesa Tavricheskogo IV–II vv. do n. e'. (*Amphoras of Tauric Chersonesos of the IV–II cc. BC*). Saratov: Saratov SU, 1989. 159 p. (in Russian).

Монахов 1999 — Monachov S. Yu. Grecheskie amfory' v Prichernomor'e: kompleksy' keramicheskoy tary' VII–II vv. do n. e'. (*Greek amphoras in the Black Sea region: assemblages of ceramic containers of the VII–II cc. BC*). Saratov: Saratov SU, 1999. 680 p. (in Russian).

Монахов 2002 — Monachov S. Yu. «Pozdnie» serii' gerakleyskikh amfor (konca IV–pervoy treti III v. do n. e'.) (*«Late» series of Heracleian amphoras [late IV—first third of the III c. BC]*) //

Antichny'y mir i arheologiya (*Classical world and archaeology*). 2002. Vol. 11. P. 167–178 (in Russian).

Монахов 2003 — *Monakhov S. Ju.* Grecheskie amfory' v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedusch'ih centrov-e'ksporterov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog-opredelitel' (*Greek amphoras in the Black Sea region: Typology of the amphoras from the main exporting centers selling their goods in ceramic containers: Identification guide*). M.; Saratov: Kimmerida; Saratov SU, 2003. 352 p. (in Russian).

Монахов 2007 — *Monakhov S. Yu.* «Psevdogerakleyskie» amfory' IV — pervoy treti III v. do. n. e'. iz Yujnogo Prichernomor'ya ("Pseudo-heracleian" amphoras of the 4<sup>th</sup> and the first quarter of the 3<sup>rd</sup> centuries B. C. from the Southern Black Sea region) // Molev E. A. (ed.). Iz istorii antichnogo obsch'estva (*From the history of the ancient society*). Nizhny Novgorod, 2007. Vol. 9–10. P. 86–96 (in Russian).

Монахов 2014 — *Monakhov S. Ju.* Kosskie i psevdokosskie amfory' i kleyma (*Koan and Pseudo-Koan amphorae and stamps*) // STRATUMplus. 2014. No. 3. P. 195–222 (in Russian).

Монахов, Кузнецова 2009 — *Monakhov S. Ju., Kuznetsova E. V.* Ob odnoy serii amfor neustanovlennogo doriyskogo centra IV v. do n. e'. (*A Series of amphorae from an unidentified Dorian Centre of the 4<sup>th</sup> century B. C.*) // Копы'лов В. П. (ed.). (*International Relations in the Black Sea Region in the Scythian-Antique and Khazar Time*). Rostov-upon-Don: Media-Polis, 2009. P. 148–161 (in Russian).

Монахов, Слонов 1992 — *Monakhov S. Yu., Slonov V. N.* K rekonstrukcii antichnoy metodiki rascheta i modelirovaniya drevnegrecheskih amfor (*Concerning the Ancient Methodology of Computation and Modeling of the Greek Amphoras*) // Vestnik drevney istorii (*Journal of Ancient History*). 1992. No. 2. P. 97–110 (in Russian).

Монахов, Федосеев 2013 — *Monahov S. Yu., Fedoseev N. F.* Zametki po lokalizacii keramicheskoy tary'. IV: amfory' Ikosa (*Notes on the localization of ceramic containers. IV: amphoras of Ikos*) // Antichny'y mir i arheologiya (*Classical world and archaeology*). 2013. Vol. 16. P. 255–266 (in Russian).

Папанова 2002 — *Papanova V. A.* Amfora s kleymom iz nekropolya Ol'vii (*Amphora with a stamp from the necropolis of Olbia*) // Tolochko P. P. (ed.). Severnoe Prichernomor'e v antichnoe vremya (*North Black Sea region in the Classical period*). Kiev: IA National AS of the Ukraine, 2002. P. 76–77 (in Russian).

Федосеев 2010 — *Fedoseev N. F.* Keramicheskii kompleks pomesch'eniya 52 doma 13 grecheskogo e'mporiya na Elizavetovskom gorodisch'e (*Pottery assemblage from room 52 of house 13 at the Greek emporium of the Elizavetovskoe settlement*) // Drevnosti Bospora (*Antiquities of Bosporus*). 2010. Vol. 14. P. 562–582 (in Russian).

Федосеев 2013 — *Fedoseev N. F.* Cherepichny'e bosporskie kleyma s predlogom EPI v kontekste istorii Bospora (*Bosporan Tile Stamps with Preposition EPI within the Context of Bosporan History*) // Drevnosti Bospora (*Antiquities of Bosporus*). 2013. Vol. 17. P. 366–376 (in Russian).

Федосеев 2014 — *Fedoseev N. F.* Kallatiycy' na Bospore (*Kallatians on the Bosporus*) // Paslari I., Colesniuc S. M., Dimov T. (eds.). Callatida. Mangalia: CALLASPRINT, 2014. P. 17–38 (in Russian).

Бужор 1962 — *Bujor E.* The Amphorae Deposit of Islam Geaferca // Dacia. NS. 1962. Vol. 6. P. 475–487.

Garlan 2012–2013 — *Garlan Y.* La distinction des fabricants homonymes sur les timbres amphoriques grecs // Bulletin correspondance hellenique. 2012–2013. Vol. 136–137. P. 319–338.

Gramaticu, Ioniță, 2008 — *Gramaticu S., Ioniță V.* Les premières émissions monétaires de bronze de l'atelier de Callatis // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към Черноморското крайбрежие: Междунар. конф. в памет на си. нс. Милко Мирчев. Варна, 15–17 септември 2005 г. Варна: Зограф, 2008. P. 38–59 (Acta musei Varnaensis. Vol. 7-1).

Filis 2012 — *Filis K.* Transport amphorae Workshops in Macedonia and Thrace during the Late Classical and Hellenistic times // Drougou S. , Touratsoglou I. (eds.). Topics on Hellenistic pottery in Ancient Macedonia. Athens: ΤΑΜΕΙΟ ΑΡΧΑΙΟΛΟΓΙΚ ΩΝ ΠΡΟΪΟΝ ΚΑΙ ΑΠΑΛΛΟΤ ΡΙΩΣΕΩΝ/ Archaeologica Research Fund, 2012. P. 60–85.

Karadima 2004 — *Karadima Chr.* Ainos: An unknown amphora production centre in Evros Delta // Eiring J., Lund J. (eds.), Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Aarhus, 2004. P. 155–161 (Monographs of the Danish Institute at Athens. 5).

Kovachev et al. 2011 — *Kovachev V., Stoyanov T., Stanimirova T., Stoyanova D., Lozanov I., Mladenov V.* Archaeometric Study of Hellenistic Roof Tiles and Amphorae from Apollonia and Mesambria: An Attempt at Identifying Local Production // Tzochev C., Stoyanov T., Bozkova A. (eds.). Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (Patabs II). Sofia: Tzochev Chavlar, 2011. P. 203–244.

Monachov 2010 — *Monachov S. Ju.* New series of amphorae from southern Pontic poleis, 4<sup>th</sup> — first third of the 3<sup>rd</sup> centuries B. C. // Kassab Tezgor D. (ed.). Production and Trade of amphorae in the Black Sea (Patabs I). Paris: De Boccard, 2010. P. 23–27.

Monachov, Kuznetsova 2011 — *Monachov S. Ju., Kuznetsova E. V.* About One Series of Amphorae from Unknown Dorian Centre of the Fourth Century BC (former «Bosporan» or «Early-Chersonesean») // Tzochev C., Stoyanov T., Bozkova A. (eds.). Production and Trade of Amphorae in the Black Sea (Patabs II). Sofia: Tzochev Chavlar, 2011. P. 245–278.

# МАТЕРИАЛЫ ИЗ ЦИСТЕРНЫ В XIX КВАРТАЛЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО (РАСКОПКИ 1949–1950 гг.) И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ГОРОДА ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

М. И. ТЮРИН

**Ключевые слова:** *Херсонес Таврический, эллинизм, хронология, амфоры, керамические клейма, рельефная керамика.*

Статья посвящена находкам из цистерны, исследованной Г. Д. Беловым и С. Ф. Стржеleckим в XIX квартале Херсонесского городища в 1949–1950 гг. В научных фондах Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» хранятся более сотни происходящих из цистерны предметов, до настоящего времени не введенных в научный оборот. Единственная находка из засыпи цистерны, опубликованная авторами раскопок, — литейная форма для изготовления серьги и подвески, выполненная из распиленной ручки родосской амфоры. В состав исследуемого комплекса входят амфоры производства Херсонеса, Синопы, Родоса, Коса, Книда и других центров, столовая, кухонная, чернолаковая керамика, фрагменты рельефных чаш, светильник, керамические грузила. Особое значение имеет коллекция амфорных клейм, представленная штампами Синопы (2 экз.), Херсонеса (8 экз.) и Родоса (6 экз.), к которой уже неоднократно обращались исследователи. Ревизия клейм из цистерны позволила уточнить датировку образования комплекса. Наиболее поздние находки из заполнения (в первую очередь, родосские амфорные штампы хронологической группы IVa) не выходят за пределы середины II в. до н. э. Серединой/третьей четвертью столетия и следует датировать образование слоя засыпи цистерны.

В ходе широкомасштабных раскопок 1930–1950-х гг., проводившихся под руководством Г. Д. Белова, в Северном районе Херсонесского городища были зафиксированы «слои разрушений» и археологические комплексы, которые исследователь связал с разгромом города скифами на рубеже II и I вв. до н. э. (Белов 1953: 17). Об одном из таких комплексов, цистерне, исследовавшейся в 1949–1950 гг., и пойдет речь в данной статье. Помимо отчетов, цистерна кратко упомянута лишь в одной работе Г. Д. Белова (Белов 1956: 145). С. Ф. Стржеleckий опубликовал обнаруженную здесь литейную ювелирную форму (Стржеleckий 1951: 145, 146). К керамическим клеймам из цистерны активно обращались В. И. Кац (Кац 2007: 319) и В. Ф. Столба (Stolba 2005: 162) в ходе дискуссии о финальной дате херсонесского магистратского клеймения. При этом сами штампы и массовый материал до настоящего времени в научный оборот не введены<sup>1</sup>. В этой связи актуальны анализ и публикация материалов комплекса.

Объект расположен в квартале XIX (рис. 1, I), в 6 м к югу от позднейшей базилики, исследованной в 1935 г., после раскопок законсервирован. На этом участке совместной экспедицией ГЭ и Херсонесского музея были изучены четыре

---

<sup>1</sup> Единственный фрагмент чернолакового кратера пергамского производства из цистерны опубликован Л. А. Рыжовой (Рыжова 2015: 93).

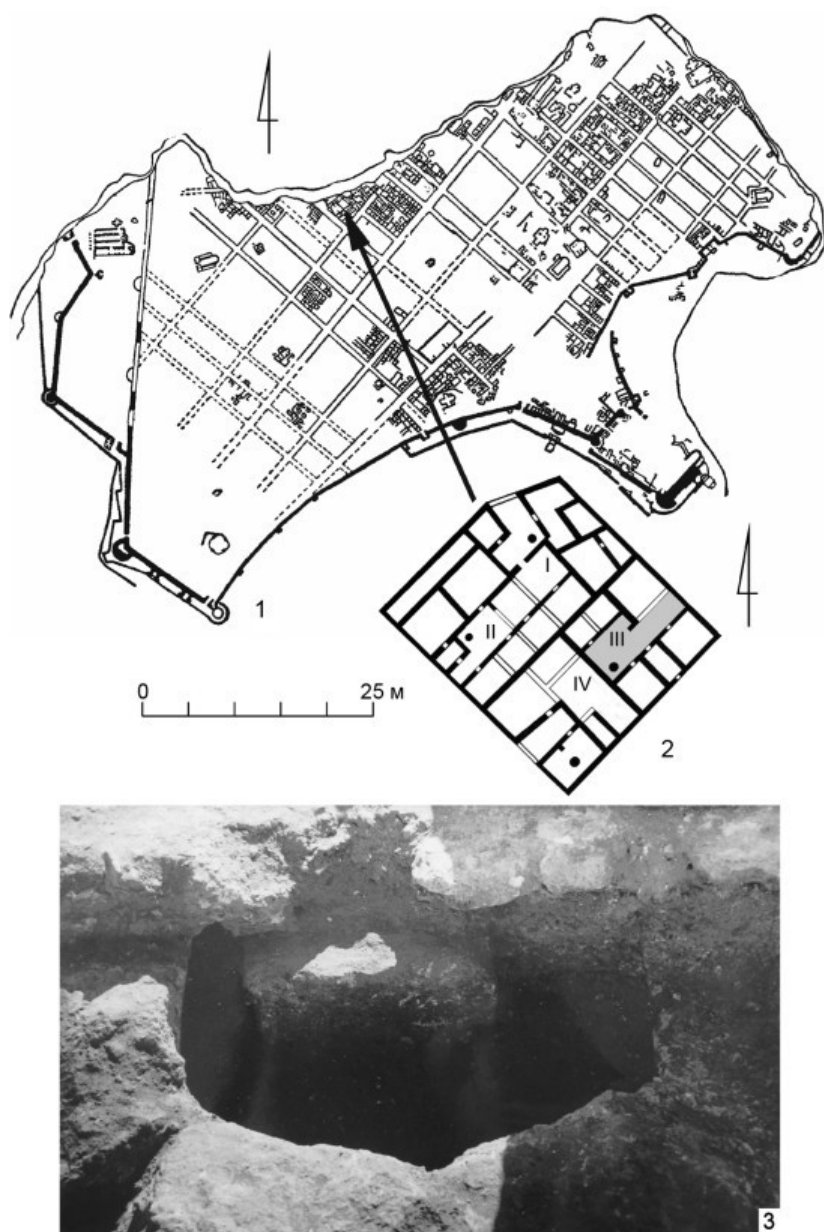


Рис. 1. Херсонес Таврический, цистерна Б (раскопки 1949–1950 гг.): 1 — план Херсонесского городища (по: Антонова 1958); 2 — квартал XIX (по: Буйских 2007; заливкой выделен двор дома III с цистерной Б); 3 — горловина цистерны (по: Белов 1951)

Fig. 1. Tauric Chersonesos, cistern B (excavations of 1949–1950): 1 — plan of the Chersonesos settlement (after: Антонова 1958); 2 — quarter XIX (after: Буйских 2007; filled area marks the yard of house III with cistern B); 3 — cistern throat (after: Белов 1951)



дома эллинистического времени (рис. 1, 2). Во внутреннем дворике дома III обнаружена водосборная цистерна Б. Г. Д. Белов начал исследование объекта в 1949 г. (Белов 1951: л. 6–10), однако завершил его только в следующем сезоне, когда общее руководство работами осуществлял С. Ф. Стржелецкий (Стржелецкий 1950: л. 51). Сооружение имело грушевидную в сечении форму, глубину более 2,5 м, стены были покрыты известковым раствором. Полевые чертежи не сохранились, на единственной фотоснимке видно, что горловина цистерны имеет каменную обкладку и перекрыта позднейшей стеной (рис. 1, 3). Характер заполнения до конца не ясен. В отчете указывается, что «отличительной особенностью данной цистерны оказался смешанный характер находок в верхней ее части: наряду с вещами III–II вв. до н. э. в засыпи в небольшом количестве встречались обломки керамики римского времени: амфоры с коническим дном, с двуствольными или желобчатыми ручками, краснолаковые чашки, миски, кувшины...» (Белов 1951: л. 43). Визуальный осмотр материала и изучение текстов отчетов дают основание полагать, что подавляющая масса сданных в коллекцию предметов (колл. № 36266) происходит из нижней части засыпи цистерны. Большая их часть относится к концу IV — II в. до н. э. Сейчас в научных фондах музея-заповедника «Херсонес Таврический» хранится более сотни предметов различной степени сохранности, происходящих из цистерны. Немногочисленные находки римского времени из ее горловины должны быть проанализированы отдельно от условно закрытого комплекса позднеэллинистического периода. В данной статье кратко рассмотрены наиболее представительные экземпляры амфор, столовых и бытовых сосудов коллекции. К статье приложен каталог керамических клейм.

Керамическая тара из заполнения цистерны Б представлена амфорами различных центров. Среди родосских сосудов отметим фрагментарно сохранившуюся амфору поздней серии варианта вилланова (рис. 2, 1). На ручках — два клейма: магистрата *Timoungodos* и фабриканта *Bromios*. Из ряда фрагментов удалось собрать тулово другой амфоры с граффити: [...]ко (рис. 2, 2). Следует отметить верхнюю часть фракционного сосуда того же варианта (рис. 2, 3) с двуствольными ручками. Амфоры варианта вилланова характерны для первой половины III — середины II в. до н. э., мелкие фракции известны и после середины столетия (Монахов 2003: 120). Продукция Коса представлена верхней частью амфоры типа V с валикообразным венцом и двуствольными ручками (рис. 2, 4; Монахов 2014: 214). Горло расширяется кверху, отделено от тулова воротничком. Косской продукции принадлежит и ножка кубаревидной формы (рис. 2, 6). Ножка с кольцевым налетом (рис. 2, 7) относится к веретенобразному варианту кидских амфор (Монахов 2003: 120, табл. 78). Неустановленному центру принадлежит верхняя часть красноглиняной амфоры со светлым ангобом (рис. 2, 5). Цилиндрическое горло оканчивается валикообразным венцом, в нижней части горла — неглубокая узкая борозда.

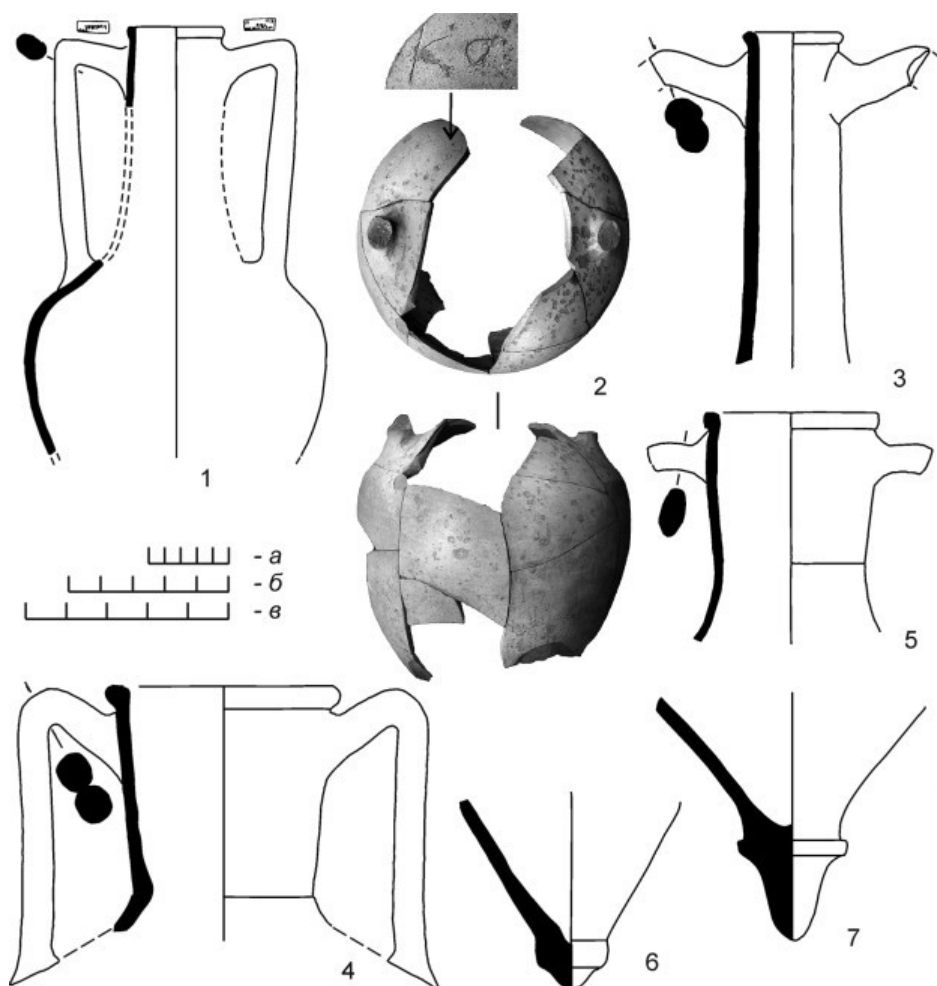


Рис. 2. Херсонес Таврический, заполнение цистерны Б (раскопки 1949–1950 гг.), амфоры средиземноморских центров. Масштабы: а — 1, 2; б — 3–7; в — клеймо амфоры 2

Fig. 2. Tauric Chersonesos, infill of cistern Б (excavations of 1949–1950), amphorae from the Mediterranean centers. Scales: а — 1, 2; б — 3–7; в — stamp of amphora 2

Более обильно представлена продукция причерноморских центров. Ряд фрагментированных сосудов относится к продукции Синопы. Среди них выделяется верхняя часть амфоры варианта III-C с валикообразным венцом с подрезом (рис. 3, 1). Коническими ножками представлены коричневоглиняные колхидские амфоры.

Тара производства Херсонеса представлена преимущественно сосудами позднейшего типа V по классификации С. Ю. Монахова (Монахов 1989: 65). С. Ю. Внуков относит подобные амфоры к производству неустановленного

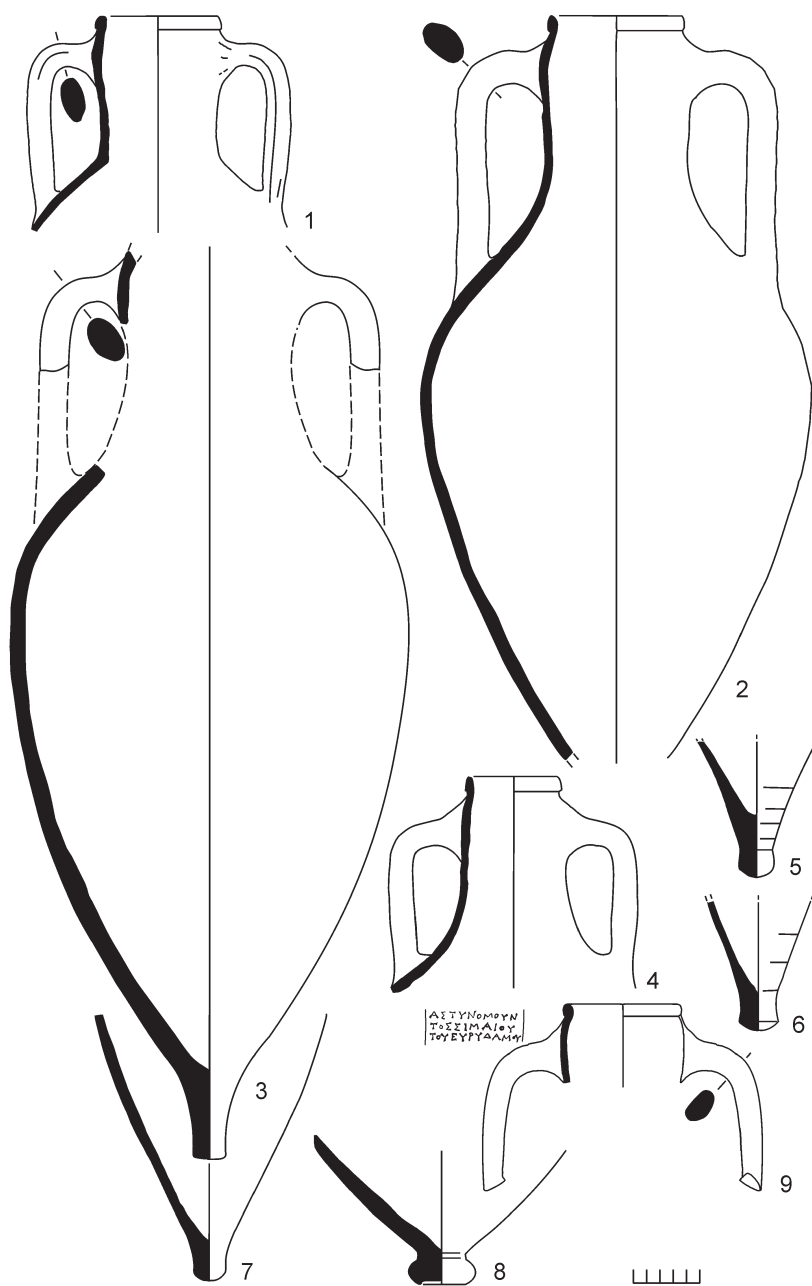


Рис. 3. Херсонес Таврический, заполнение цистерны Б (раскопки 1949–1950 гг.), амфоры причерноморских центров

Fig. 3. Tauric Chersonesos, infill of cistern Б (excavations of 1949–1950), amphorae from the Black Sea centers

причерноморского центра (Внуков 2006: 63). Сосуды имеют валикообразный венеч с подрезом снизу и коническую ножку (рис. 3, 1–7). Одна из амфор (колл. № 20/36266) сохранилась почти полностью, за исключением ножки (рис. 3, 2). Горло в месте верхнего прилепа ручек имеет припухлые очертания. Черепок розовато-оранжевый (7/4–6/8 2.5 YR), с включениями пироксена, белых известковых частиц. Сосуд имеет светло-бежевое покрытие («ангоб»). По визуальным характеристикам тесто сосуда не отличается от теста более ранних амфор, уверенно относящихся к продукции Херсонеса. На ручку другой амфоры с характерным для типа V венцом с подрезом нанесен штамп с именем астинома Simaios Eurydamou (рис. 3, 9), что также подтверждает местное производство сосудов этой формы.

Две фрагментированные амфоры (колл. № 27, 51/36266) (рис. 3, 3) морфологически близки описанным выше. Отличные характеристики теста (цвет черепка варьирует от бледно-желтого [8/2 5Y] до серовато-бежевого [7/2 10YR], с белыми включениями) не исключают их херсонесское происхождение.

Целый ряд фрагментов принадлежит, по-видимому, младшим фракциям амфор типа V (рис. 3, 4–7). Интерес вызывает миниатюрная валикообразная ножка (рис. 3, 8), судя по характеристикам керамического теста принадлежавшая херсонесской амфоре (по всей видимости, также малого объема). В целом датировка амфорной тары не выходит за пределы середины II в. до н. э.

Особое значение имеет коллекция амфорных клейм, представленная штампами Родоса (6 экз.), Синопы (2 экз.)<sup>2</sup> и Херсонеса (8 экз.).

Terminus post quem для засыпи цистерны дают именно родосские штампы. Следует отметить, что В. И. Кац (Кац 1994: 74; 2007: 319) и В. Ф. Столба (Stolba 2005: 162) оперируют лишь тремя родосским штампами из шести (эпонимы Gorgōn [кат. 1], Hēragoras [кат. 2], фабрикант Bromios [кат. 6]), обнаруженных в комплексе. Оставшиеся три имеют неудовлетворительную сохранность, однако изготовление протирок позволило частично решить эту проблему. Удалось добавить в список как минимум одного эпонима IV группы (Timourgodos — рис. 4, 15; кат. 4) и одного фабриканта III группы (Aristokratēs — рис. 4, 10; кат. 5). Восстановить еще один магистратский штамп уверенно не удалось (эпоним Pythogenēs? — рис. 4, 3; кат. 3). Интересный результат дала реставрация упомянутой выше родосской амфоры. Ранее наиболее поздним штампом из комплекса считался штамп фабриканта Bromios (рис. 4, 11), который может быть датирован достаточно широко — серединой 150-х — началом 130-х гг. до н. э. (IVa–Va группы; Finkielsztejn 2001: 131, 155), что затрудняло датировку засыпи цистерны. После реставрации сосуда стало очевидно, что на другой его ручке расположен штамп эпонима Timourgodos IVa группы (около 158–154 гг. до н. э.; Ibid.: 193), что также уточняет время функционирования мастерской Bromios. Благодаря этому можно утверждать, что датировка клейм из заполнения цистерны не выходит за пределы конца первой половины — середины II в. до н. э.

<sup>2</sup> Один экземпляр не был сдан на хранение в фонды, известен только по отчету (Белов 1951: 45).

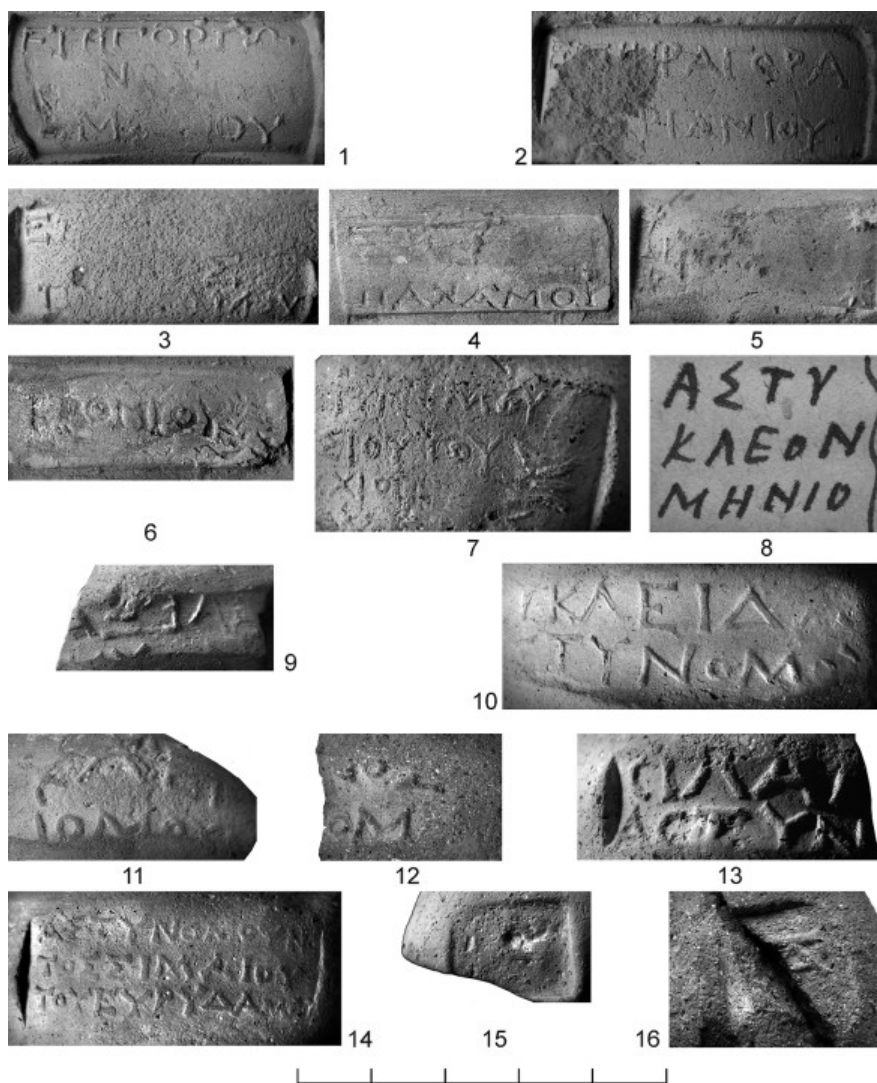


Рис. 4. Херсонес Таврический, заполнение цистерны Б (раскопки 1949–1950 гг.), керамические клейма: 1–6 — Родос; 7, 8 — Синопа; 9–16 — Херсонес

Fig. 4. Tauric Chersonesos, infill of cistern Б (excavations of 1949–1950), ceramic stamps: 1–6 — Rhodes; 7, 8 — Sinope; 9–16 — Chersonesos

Синопский штамп *Ikesios 2 Vakchiou* (рис. 4, 7; кат. 7) относится к VI–B хронологической подгруппе и датируется 40-ми гг. III в. до н. э. (Кац 2007: 435). Среди херсонесских керамических штампов преобладают оттиски I хронологической группы (7 экз.: астиномы *Alexandros* (рис. 4, 9; кат. 9), *Eukleidas* (рис. 4, 10; кат. 10), *Herakleios* (рис. 4, 11; кат. 11), *Nanōn* (рис. 4, 12; кат. 12), *Silos*

(рис. 4, 13; кат. 13), фабрикантские  $\Lambda\iota(\dots)$  (рис. 4, 15; кат. 15) и  $\Pi\alpha(\dots)$  (рис. 4, 16; кат. 16)), на фоне которых выделяется штамп астинома Simaios Eurydamou (рис. 4, 14; кат. 14) III-Б подгруппы (по В. И. Кацу — 209–198 гг. до н. э.). Керамические клейма из цистерны привлечены В. Ф. Столбой и В. И. Кацем в ходе дискуссии о финальной дате херсонесского клеймения. Любопытно, что оба автора называли объект колодцем, хотя несомненно, что речь в этих работах шла о материале из описываемой цистерны.

По мнению В. Ф. Столбы, следует омолодить верхнюю дату херсонесского клеймения и сдвинуть ее со 180 (по В. И. Кацу) до 150 г. до н. э. Материалы описываемой цистерны — один из аргументов: исследователь указывает, что в «колодце» обнаружено упомянутое выше херсонесское клеймо магистрата Simaios Eurydamou III-Б подгруппы, а также три (!) родосских штампа (Stolba 2005: 162, 163). Из этого В. Ф. Столба делает вывод о синхронности III группы херсонесских и IV группы родосских клейм. В. И. Кац справедливо отметил, что заполнения херсонесских цистерн зачастую носят смешанный характер (Кац 2007: 319), но непосредственно к находкам он не обращался. Никто из эпиграфистов не рассмотрел весь комплекс клейм из цистерны. Почти половина штампов (7 из 16) относятся к I группе херсонесских клейм, т. е. их верхняя датировка не выходит далее начала III в. до н. э. Это еще раз доказывает, что перед нами не группа узко датированных артефактов, а смешанный комплекс. Таким образом, вряд ли правомерно использовать материалы из цистерны как доказательство синхронности херсонесских штампов III и родосских клейм IV хронологических групп. Итак, состав коллекции амфорных клейм отражает смешанный характер заполнения цистерны, где наряду с материалами II в. до н. э. присутствует значительное количество более древних предметов, в том числе и раннеэллинистического периода.

Бытовая гончарная керамика представлена двумя археологически целыми мортариями херсонесского производства (рис. 5, 1, 2). Здесь же отметим херсонесский кувшин с обломанным венцом (рис. 5, 6). Подобная форма тулова характерна для сосудов первой половины II в. до н. э. (Ковалевская 2005: рис. 4, 8). Четырьмя формами представлена кухонная керамика: кастрюли (рис. 5, 4, 5), горшки (рис. 5, 3) и сковороды. Также в коллекцию входят девять грузил пирамидальной формы. На верхней грани одного из них находится отпечаток с изображением головы в шлеме вправо в профиль (рис. 5, 7).

Чернолаковая керамика из засыпи цистерны представлена двумя группами находок. Это, во-первых, столовая посуда последней четверти IV — начала III в. до н. э. аттического производства (например, рыбное блюдо — рис. 6, 1), тарелки со штампованным орнаментом. Преобладают, однако, более поздние сосуды: фрагменты рыбных блюд с отогнутыми бортиками (рис. 6, 2), донце кратера пергамского производства (рис. 6, 4) (Рыжова 2015: 93, рис. 4, 15; 8, 3) с росписью в виде остроугольной розетки, выполненной накладными красками, а также фрагмент пиксиды (рис. 6, 3).

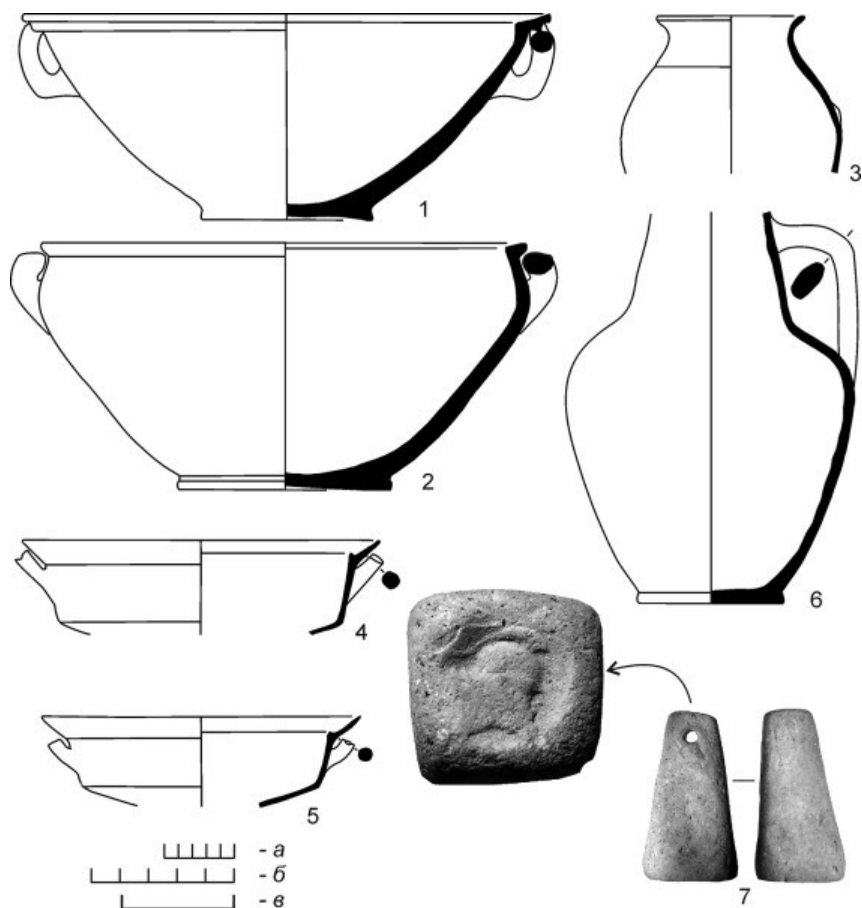


Рис. 5. ХерсонесТаврический, заполнение цистерны Б (раскопки 1949–1950 гг.), керамические сосуды и грузило (7): 1, 2 — mortarii; 3 — кухонный горшок; 4, 5 — кастрюли; 6 — кувшин; 7 — грузило. Масштабы: а — сосуды; б — грузило; в — оттиск на грузиле

Fig. 5. Tauric Chersonesos, infill of cistern Б (excavations of 1949–1950), ceramic vessels and a plummet (7): 1, 2 — mortars; 3 — cooking pot; 4, 5 — saucepans; 6 — jar; 7 — plummet. Scales: а — vessels; б — plummet; в — imprint on the plummet

Из комплекса происходят четыре фрагмента рельефных полусферических чаш. Среди них фрагмент сосуда производства Эфеса (рис. 6, 6). Верхний бордюр занят ионийским киматием, нижний — свастикообразным меандром и прямоугольниками с четырехлучевыми розетками. Ниже помещен частично сохранившийся растительный орнамент (виноградный побег?). Фрагмент еще одной чаши принадлежит продукции Книда (рис. 6, 5). Не удалось обнаружить точных аналогий верхней части чаши с многофигурной композицией (фигура с венком в протянутой руке, фигура вправо с духовым инструментом (?), фигура с венком

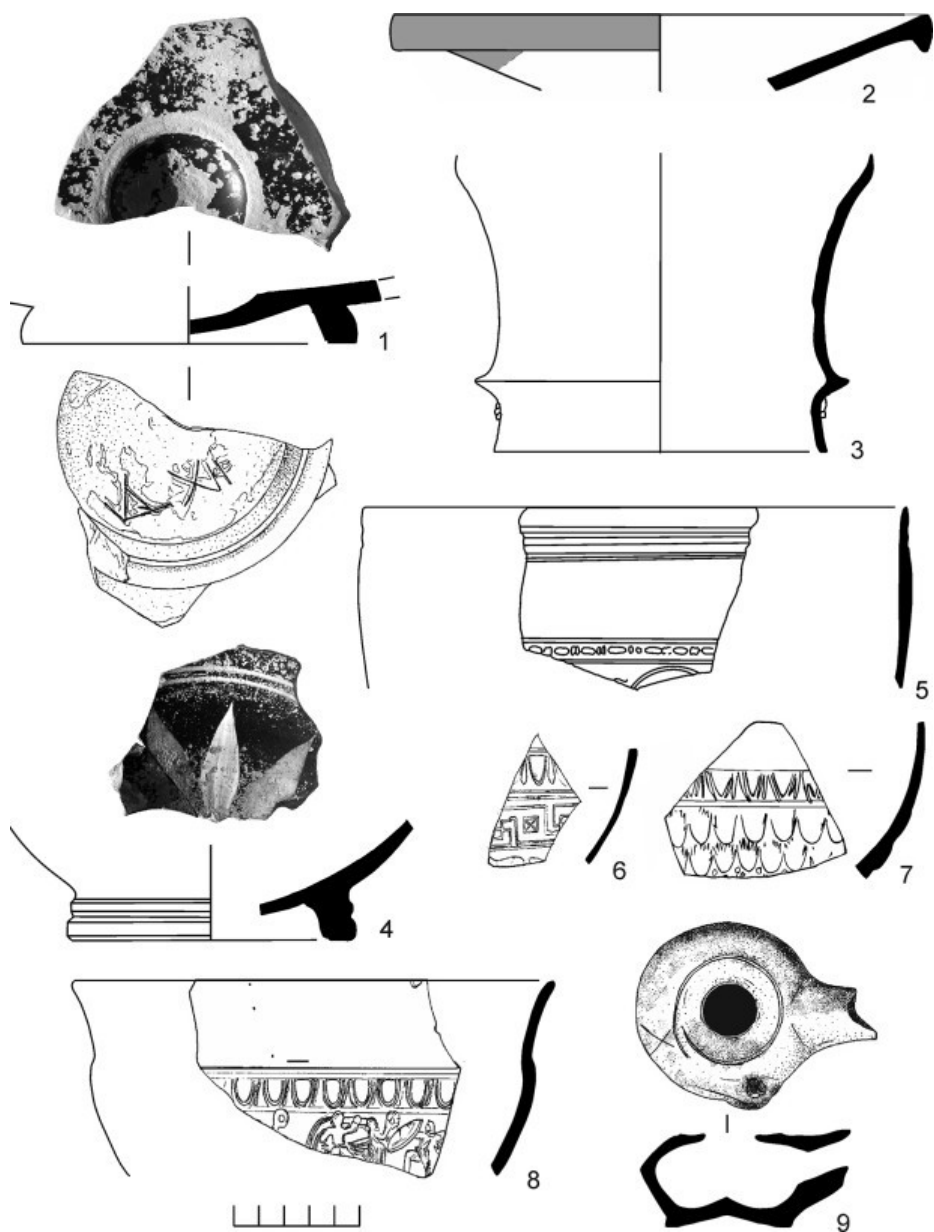


Рис. 6. Херсонес Таврический, заполнение цистерны Б (раскопки 1949–1950 гг.), фрагменты чернолаковой керамики и светильник (9): 1, 2 — рыбные блюда; 3 — пиксида; 4 — кратер; 5–8 — рельефные чаши

Fig. 6. Tauric Chersonesos, infill of cistern Б (excavations of 1949–1950), fragments of black-glazed pottery and a lamp (9): 1, 2 — plates for fish; 3 — pyxis; 4 — krater; 5–8 — relief cups



вправо, воин с овальным щитом влево). На венце имеется сквозное отверстие (рис. 6, 8). Фрагмент тулова другой чаши декорирован бордюром с ионийским киматием, тулово покрыто орнаментом в виде повторяющихся раковин (рис. 6, 7). Здесь же найден однорожковый светильник типа 32 (Howland 1958: No. 425–432), покрытый лаком красно-коричневого цвета (рис. 6, 9).

Единственная находка из засыпи цистерны, опубликованная непосредственно после проведения полевых исследований (Стржелецкий 1951: 145, 146), — литейная форма (колл. № 89/36266) для изготовления серьги и подвески (фибула в описании С. Ф. Стржелецкого — рис. 7). Сохранившаяся створка формы изготовлена из распиленной ручки родосской амфоры, имеет форму полуцилиндра размерами  $7,8 \times 3 \times 1,6$  см. Серьга состояла из длинного прямого стержня, верхняя часть которого покрыта насечками (имитация скрученной проволоки), и схематично выполненной головы животного (льва?). Литник подходит к верхней части головки серьги, от лицевой ее части отходит отдух. Снизу к голове зверя подходит форма для прямоугольной подвески с кольцом для подвешивания и двумя отростками снизу. Поле подвески разделено двумя диагональными линиями, в верхнем секторе — две выступающие точки. По углам створки находятся четыре отверстия разной глубины для штифтов. Примеры изготовления литейных форм из ручек родосских амфор многократно зафиксированы в Ольвии, где обнаружены и формы для серег, идентичных нашей (Лейпунська 1984: 69–71; Krutilov 2010: 474). Формы для аналогичных серег известны по материалам раскопок Тире позднеллинистического времени (Самойлова 2013: 470, 472, рис. 116). Литейные формы, изготовленные из ручек родосских амфор, обнаружены и в слоях II в. до н. э. городища Неаполя Скифского (Зайцев 2005: 28, рис. 68).

Наиболее поздние находки из заполнения (в первую очередь, родосские амфорные штампы) не выходят за пределы середины II в. до н. э. Серединой — третьей четвертью столетия и следует датировать образование слоя засыпи цистерны. Примерно к этому же периоду относятся еще как минимум четыре выразительных закрытых комплекса из раскопок Херсонесского городища: заполнение подвала, исследованного в 1995 г. в X-б квартале (раскопки С. Г. Рыжова), засыпь помещений 8 и 9 в I квартале (раскопки М. И. Золотарева), заполнение помещений к западу от базилики «Крузе» и под южным нефом этого же храма (раскопки С. В. Ушакова). Эти единичные комплексы, безусловно, не дают основания для значительных выводов по градостроительной истории Херсонеса. Однако не исключено, что они отражают масштабные перестройки, имевшие место на Херсонесском городище во второй половине, возможно, в третьей четверти II в. до н. э. По мнению В. А. Кутайсова, подобные изменения могли быть связаны с переселением в Херсонес обитателей хоры (в частности, жителей Керкинитиды), к которому привели скифо-херсонесские конфликты (Кутайсов 1990: 159). Дальнейший анализ этих комплексов, возможно, позволит не только уточнить хронологию городища, но и сделать ряд выводов о политической истории Херсонесского государства II в. до н. э.

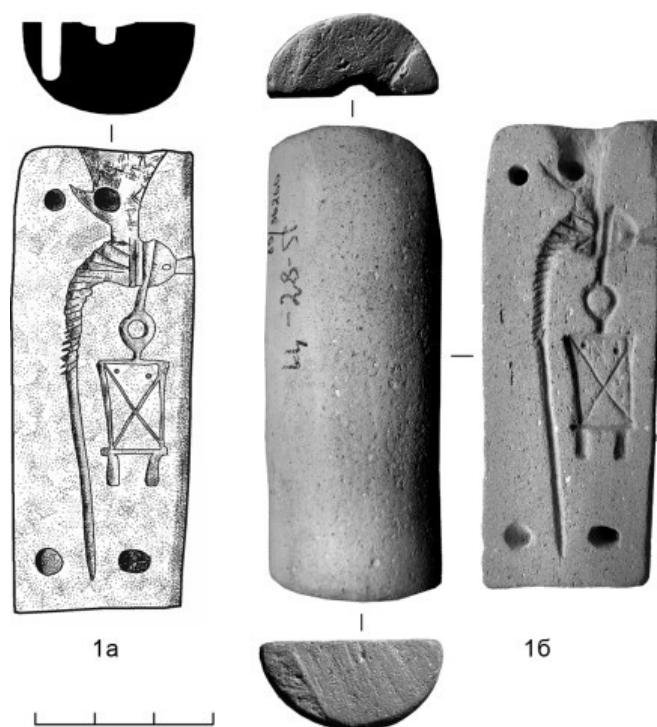


Рис. 7. Херсонес Таврический, заполнение цистерны Б (раскопки 1949–1950 гг.), каменная литейная форма для серьги и подвески (1а — прорисовка; 1б — фото)

Fig. 7. Tauric Chersonesos, infill of cistern Б (excavations of 1949–1950), stone mould for casting an earring and a pendant (1a — drawing; 1b — photo)

### КАТАЛОГ КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМ

#### *Ρόδος*

1. Колл. № 65/36266 (рис. 3, 1).

Ἐπὶ Γόργῳ

νος

Σμ[ιϑί]ου

Прямоугольное. Магистрат Gorgōn, группа IVa, около 154–153 гг. до н. э. (Finkielsztejn 2001: 193).

2. Колл. № 65/36266 (рис. 3, 2).

Ἐπὶ Ἡραγόρα

[Ἀγ]ριανίου

Прямоугольное. Магистрат Heragoras, группа IVa, около 158–154 гг. до н. э. (Finkielsztejn 2001: 193).

3. Колл. № 65/36266 (рис. 3, 3).

Ἐπ[ὶ Πυθοῦ]ῆ

[νευ]ς

Π[ανά]μου

Прямоугольное. Магистрат Pythogenēs (?), группа IVa, около 158–154 гг. до н. э. (Finkielsztejn 2001: 193).

4. Колл. № 29/36266 (рис. 3, 4).

Ἐπί Τ[ιμο]υρ

[ρ]όδο[υ]

Πανάμου

Прямоугольное. Магистрат Timourgodos, группа IVa, около 159–158 гг. до н. э. (Finkielsztejn 2001: 193). Оттиснуто на той же амфоре, что и № 6.

5. Колл. № 65/36266 (рис. 3, 5).

\* \*

Ἀρ[ιστοκράτευς]

\* \*

Фабрикант Aristokratēs, группа III, 198–181 гг. до н. э.

6. Колл. № 29/36266 (рис. 3, 6).

Βρομίου венка

Прямоугольное. Фабрикант Bromios. Оттиснуто на той же амфоре, что и № 6. Деятельность фабриканта связана с хронологическими группами IVa–Va 150-х — начала 130-х гг. до н. э. (Finkielsztejn 2001: 131, 155).

### *Синопа*

7. Колл. № 49/36266 (рис. 3, 7).

[Α]στυνόμου

Ἴκ[εσίου τοῦ нос корабля

Βα]κχίου

[Ἡρα]κ[λείδη]ς

Магистрат Hikesios 2 Bakchiou, группа VI-B, 240-е гг. до н. э. (Кац 2007: 435).

8. Не сдано в фонды, известно по отчету (Белов 1951: 45) (рис. 3, 8).

Ἀστυ[νόμουντος]

Κλεον[ίκου τοῦ]

Μήνιο[ς ...]

Магистрат Kleonikos Mēnios, группа VII-B, 190-е гг. до н. э. (Кац 2007: 436).

### *Херсонес*

9. Колл. № 87/36266 (рис. 3, 9).

Αλεξά[νδρου]←

[ἀστυνόμου]

Желобчатое. Регроградно. Магистрат Alexandros, группа I-B, 304–295 гг. до н. э. (Кац 1994: 86, № 9, штамп 2, табл. V; 2007: 326, 442).

10. Колл. № 84/36266 (рис. 3, 10).

[Ε]ὐκλείδα

[ἀ]στυνόμου

Желобчатое. Магистрат Eukleidas, группа I-A, 325–317 гг. до н. э. (Кац 1994: 94, № 44, штамп 1, табл. XVII; 2007: 326, 442).

11. Колл. № 85/36266 (рис. 3, 11).

[Ἡρα]κλείο[υ]

[ἀστυ]νόμουντος

Желобчатое. Магистрат Herakleios, группы I-B-B, 316–295 гг. до н. э. (Кац 1994: 94, № 47–48, штамп 18, табл. XVIII; 2007: 326, 442).

12. Колл. № 86/36266 (рис. 3, 12).

[Νάνω]νος  
[ἄστυν]όμ[ου]

Желобчатое. Магистрат Nanōn, группа I-B, 304–295 гг. до н. э. Сигма ломаная (Кац 1994: 105, № 80, штамп 6, табл. XXXV; 2007: 326, 442).

13. Колл. № 32/36266 (рис. 3, 13).

Σιλάν[ου]  
ἄστυν[όμου]

Желобчатое. Магистрат Silanos, группа I-B, 316–305 гг. до н. э. Сигма лунарная (Кац 1994: 110, № 102, штамп 2, табл. XCII; 2007: 326, 442).

14. Колл. № 50/36266 (рис. 3, 14).

ἄστυνόμου  
τος Σιμαίου  
τοῦ Εὐρυδάμου

Плоское. Магистрат Simaios Eurydamou, группа III-B, 209–198 гг. до н. э. Сигма ломаная (Кац 1994: 111, № 104, штамп 2, табл. XCII; 2007: 326, 442).

15. Колл. № 88/36266 (рис. 3, 15).

Ἄι(...) ←

Плоское. Фабрикантское, группы I-B-B, 316–295 гг. до н. э. (Кац 1994: 117, 118, № 2A-3, штамп 1, табл. С; 2007: 326).

16. Колл. № 86/36266 (рис. 3, 16).

Πα(...)

Плоское. Фабрикантское, группы I-B-II-B, 316–264 гг. до н. э. (Кац 1994: 124, № 2A-34, штамп 18, табл. CVI; 2007: 326).

## Литература и источники

Антонова 1958 — Антонова И. А. Краткий исторический очерк // Херсонес Таврический: Путеводитель по раскопкам. Симферополь: Крымиздат, 1958. 87 с.

Белов 1951 — Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1949 и 1951 гг. // МЗХТ, НА, д. 622.

Белов 1953 — Белов Г. Д. Северный район Херсонеса // Скржинская Е. Ч. (ред.). Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 11–31 (МИА. № 34).

Белов 1956 — Белов Г. Д. Эллинистический квартал в Херсонесе // ВДИ. 1956. № 3. С. 141–151.

Буйских 2008 — Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008. 424 с. (МАИЭТ. Suppl. 5).

Внуков 2006 — Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. Ч. 2: петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетей, 2006. 320 с.

Зайцев 2005 — Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.

Ковалевская 2005 — Ковалевская Л. А. Комплекс столовой и кухонной керамики с усадьбы 106 на хоре Херсонеса Таврического // БИ. 2005. Вып. 8. С. 263–272.

Кац 1994 — Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического: Каталог-определитель. Саратов: Изд-во СГУ, 1994. 170 с.

Кац 2007 — Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт

комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007. 480 с. (БИ. Вып. 18).

Кутайсов 1990 — *Кутайсов В. А.* Античный город Керкинитида. Киев: Наукова думка, 1990. 176 с.

Лейпунська 1984 — *Лейпунська Н. О.* Ливарні форми з Ольвії // Археологія. 1984. № 45. С. 68–75.

Монахов 1989 — *Монахов С. Ю.* Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. Саратов: Изд-во СГУ, 1989. 158 с.

Монахов 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды; СГУ, 2003. 352 с.

Монахов 2014 — *Монахов С. Ю.* Косские и псевдокосские амфоры и клейма // STRATUMplus. 2014. № 3. С. 195–222.

Рыжова 2015 — *Рыжова Л. А.* Пергамские эллинистические кратеры // Причерноморье: История, политика, культура. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2015. Вып. 16 (5). С. 89–104.

Самойлова 2013 — *Самойлова Т. Л.* Тира // Бруяко И. В., Самойлова Т. Л. (ред.). Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса; Измаил: СМІЛ, 2013. С. 450–493.

Стржелецкий 1950 — *Стржелецкий С. Ф.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1950 г. по открытому листу № 35 формы № 1 // МЗХТ, НА, д. 1301.

Стржелецкий 1951 — *Стржелецкий С. Ф.* Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. // ВДИ. 1951. № 2 (36). С. 136–141.

Howland 1958 — *Howland R.* Greek lamps and their survivals. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1958. 252 p. (The Athenian Agora. Vol. 4).

Krutilov 2010 — *Krutilov V. V.* Moulds // Bilde P. G., Hojte J. M., Krapivina V. V., Kryziskij S. D., Lejpunska A. (eds.). Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6<sup>th</sup> century BC to the 4<sup>th</sup> century AD. Aarhus: AUP, 2010. P. 473–478 (BSS. 13).

Finkielsztejn 2001 — *Finkielsztejn G.* Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ. Oxford: Archaeopress, 2001 260 p. (BAR IS. 990).

Munsell 2009 — *Munsell Soil Color Charts.* Michigan: Grand Rapids, 2009.

Stolba 2005 — *Stolba V. F.* Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology // Stolba V. F., Hannestad L. (eds.). Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC. Aarhus: AUP, 2005. P. 153–171 (BSS. 3).

## MATERIALS FROM THE CISTERN IN QUARTER XIX OF TAURIC CHERSONESOS (EXCAVATIONS OF 1949–1950) AND THE QUESTIONS OF CHRONOLOGY OF THE LATE HELLENISTIC CITY

M. I. TYURIN

**Keywords:** *Tauric Chersonesos, Hellenism, chronology, amphorae, ceramic stamps, relief pottery.*

The paper deals with finds from a cistern found by G. D. Belov and S. F. Strzheletsky in quarter XIX of Chersonesos in 1949–1950. Over 100 objects from the cistern, stored in the State Museum-Reserve of Tauric Chersonesos, remain unpublished. The only find from the

cistern infill which was published by the discoverers is a mould for casting an earring and a pendant, made of a sawed handle of a Rhodes amphora. The assemblage under study includes amphoras produced at Chersonesos, Sinope, Rhodes, Kos, Knidos and other enters, table, cooking, black-glazed pottery, fragments of relief bowls, a lamp, ceramic plummets. Of particular importance is a collection of amphora stamps represented by stamps from Sinope (2 items), Chersonesos (8 items) and Rhodes (6 items), which has already more than once become a subject of research. The revision of the stamps allows specifying the date of the assemblage formation. The latest finds (first of all, the Rhodes stamps belonging to chronological group IVa) do not go beyond the limits of the middle of the II c. BC. Therefore, the formation of the cistern infill should be dated to the middle/third quarter of the II c. BC.

### Literature and archive sources

Антонова 1958 — *Antonova I. A. Kratkiy istoricheskiy ocherk (Brief historical review) // Khersones Tavricheskiy. Putevoditel po raskopkam (Tauric Chersonese. Guide to the excavations)*. Simferopol: Krymizdat, 1958. 87 p. (in Russian).

Белов 1951 — *Belov G. D. Otchet o raskopkah v Hersonese v 1949 i 1951 gg. (Report of the excavations in Chersonesos in 1949 and 1950) // Museum-Reserve of Tauric Chersonesos, Scholarly archive, doc. 622 (in Russian)*.

Белов 1953 — *Belov G. D. Severny'y rayon Hersonesa (The North area of Chersonesos) // Skrijnskaya E. Ch. (ed.). Materialy' po arheologii Yugo-Zapadnogo Kry'ma (Hersones, Mangup) (Materials on the archaeology of the Southwestern Crimea [Chersonesos, Mangup])*. M.: AS of the USSR, 1953. P. 11–31 (MSA. No. 34) (in Russian).

Белов 1956 — *Belov G. D. E'llinisticheskiy kvartal v Hersonese (The Hellenistic district in Chersonesos) // Vestnik drevney istorii (Herald of ancient history)*. 1956. No. 3. P. 141–151 (in Russian).

Буйских 2008 — *Buyskikh A. V. Prostranstvennoe razvitie Hersonesa Tavricheskogo v antichnuyu e'pohu (Spatial Planning Development of Chersonesos of Taurica in Ancient Epoch)*. Simferopol, 2008. 424 p. (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Suppl. 5) (in Russian).

Внуков 2006 — *Vnukov S. Yu. Prichernomorskie amfory' I v. do n. e'. — II v. n. e'. Ch. 2: petrografiya, kronologiya, problemy' trgovli (Black Sea amphoras of the I c. BC — I c. AD: petrography, chronology, trade problems)*. St. Petersburg: Aletyya, 2006. 320 p. (in Russian).

Зайцев 2005 — *Zaycev Yu. P. Neapol' Skifskiy (II v. do n. e'. — III v. n. e'.) (Scythian Neapolis [II c. BC — III c. AD])*. Simferopol: Universum, 2003. 212 p. (in Russian).

Ковалевская 2005 — *Kovalevskaya L. A. Kompleks stolovoy i kuhonnoy keramiki s usad'by' 106 na hore Hersonesa Tavricheskogo (The assemblage of table and cooking ware from farmhouse 106 on the Chora of Tauric Chersonesos) // Bosporskie issledovaniya (BS)*. 2005. Vol. 8. P. 263–272 (in Russian).

Кац 1994 — *Kac V. I. Keramicheskie kleyma Hersonesa Tavricheskogo: Katalog-opredelitel' (Ceramic Stamps of Tauric Chersonesus: Identification guide)*. Saratov: Saratov SU, 1994. 170 p. (in Russian).

Кац 2007 — *Kac V. I. Grecheskie keramicheskie kleyma e'pohi klassiki i e'llinizma (opy't kompleksnogo izucheniya) (Greek ceramic stamps of the Classical and Hellenistic epoch [results of a complex study])*. Simferopol; Kerch, 2007. 480 p. (BS. Vol. 18) (in Russian).

Кутайсов 1990 — *Kutaysov V. A. Antichny'y gorod Kerkinitida (Ancient city of Kerkinitis)*. Kiev: Naukova dumka, 1990. 176 p. (in Russian).

Лейпунська 1984 — *Leypuns'ka N. O. Livarni' formi z Ol'vi'i' (Casting moulds from Olbia) // Arheologiya (Archaeology)*. 1984. No. 45. P. 68–75 (in Ukrainian).

Монахов 1989 — *Monahov S. Yu.* Amfory' Hersonesa Tavricheskogo IV–II vv. do n. e'. (*Amphoras of Tauric Chersonesos of the IV — II cc. BC*). Saratov: Saratov SU, 1989. 158 p. (in Russian).

Монахов 2003 — *Monakhov S. Ju.* Grecheskie amfory' v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedusch'ih centrov-e'ksporterov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog-opredelitel' (*Greek amphoras in the Black Sea region: Typology of the amphoras from the main exporting centers selling their goods in ceramic containers: Identification guide*). M.; Saratov: Kimmerida; Saratov SU, 2003. 352 p. (in Russian).

Монахов 2014 — *Monakhov S. Ju.* Kosskie i psevdokosskie amfory' i kleyma (*Koan and Pseudo-Koan amphorae and stamps*) // STRATUMplus. 2014. No. 3. P. 195–222 (in Russian).

Рыжова 2015 — *Ry'jova L. A.* Pergamskie e'linisticheskie kratery' (*Pergamonian Hellenistic kraters*) // Prichernomor'e: Istorija, politika, kul'tura (*Black Sea Region: History, Politics, Culture*). Sevastopol: Sevastopol brunch of MSU, 2015. Vol. 16 (5). P. 89–104 (in Russian).

Самойлова 2013 — *Samojlova T. L.* Tira (*Tyras*) // I. V. Brujako, T. L. Samojlova (eds.). Drevnie kul'tury' Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (*Ancient cultures of the Northwestern Black Sea region*). Odessa; Izmail: SMIL, 2013. P. 450–493 (in Russian).

Стржелецкий 1950 — *Strjeleckiy S. F.* Otchet o raskopkah v Hersonese v 1950 g. po otkry'tomu listu № 35 formy' № 1 (*Report of excavations in Chersonesos in 1950*) // Museum-Reserve of Tauric Chersonesos, Scholarly archive, doc. 1301 (in Russian).

Стржелецкий 1951 — *Strjeleckiy S. F.* Antichny'e pamyatniki Hersonesa iz raskopok 1950 g. (*Ancient monuments of Chersonesos from excavations of 1950*) // Vestnik drevney istorii (*Herald of ancient history*). 1951. No. 2 (36). P. 136–141 (in Russian).

Howland 1958 — *Howland R.* Greek lamps and their survivals. Princeton, New Jersey: ASCSA, 1958. 252 p. (The Athenian Agora. Vol. 4).

Krutilov 2010 — *Krutilov V. V.* Moulds // Bilde P. G., Hojte J. M., Krapivina V. V., Kryziskij S. D., Lejpunskaja A. (eds.). Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6<sup>th</sup> century BC to the 4<sup>th</sup> century AD. Aarhus: AUP, 2010. P. 473–478 (BSS. 13).

Finkielsztejn 2001 — *Finkielsztejn G.* Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ. Oxford: Archaeopress, 2001. 260 p. (BAR IS. 990).

Munsell 2009 — *Munsell Soil Color Charts*. Michigan: Grand Rapids, 2009.

Stolba 2005 — *Stolba V. F.* Hellenistic Chersonesos: Towards Establishing a Local Chronology // Stolba V. F., Hannestad L. (eds.). Chronologies of the Black Sea Area in the Period c. 400–100 BC. Aarhus: AUP, 2005. P. 153–171 (BSS. 3).

## БРОНЗОВЫЕ РЕЛЬЕФНЫЕ АТТАШИ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

В. В. ДОРОШКО

**Ключевые слова:** *Херсонес Таврический, римское время, бронзовая посуда.*

Статья посвящена бронзовым рельефным атташам из раскопок Херсонеса Таврического, которые отличаются изяществом художественного исполнения среди других деталей бронзовой посуды из городища и его некрополя. Некогда они украшали нижние части ручек сосудов закрытого типа. Сосуды с аналогичными сюжетами на атташах традиционно относят к производству италийских мастерских раннеримского времени. Приведенные атташи ручек, равно как и остальные находки деталей бронзовой посуды в Херсонесе, указывают на постоянный приток бронзовой посуды в город в I–II вв. н. э.

Бронзовая посуда и ее детали при раскопках античных центров Северного Причерноморья встречаются редко. В коллекции Херсонесского музея сохранилось несколько десятков таких находок, еще не введенных в научный оборот. Среди них изяществом художественного исполнения выделяются два рельефных атташа, некогда украшавшие нижние части ручек сосудов закрытого типа.

Первый атташ (инв. № 5106; рис. 1, 1) найден при неизвестных обстоятельствах во время раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе (1888–1907 гг.). Высота его составляет 4 см, ширина — 4,1 см. Выпуклый атташ имеет сердцевидную форму, обратная сторона вогнутая и гладкая для лучшей спайки с туловом сосуда. На внешней стороне рельефно показан идущий крылатый Эрот в образе вакханта. Торевту удалось передать его раскованное движение. Запрокинутая вверх голова Эрота и открытое тело подчеркивают хмельной экстаз. Атрибуты, которые он несет, принадлежат Вакху: тирс, увенчанный шишкой пинии в правой руке, и опустошенный канфар — в левой. На той же руке, вероятнее всего, — шкура молодого оленя, которую вакханты часто рвали во время праздников. В литературе представлено множество сюжетов с Эротом или Вакхом на атташах ручек италийских сосудов I в. н. э. (Radnoti 1938: 160, Taf. XL, 1, s; 165, XLIII, 1; Boesterd 1956: 79, pl. XII, 280; Eggers 1966: 99, 110, Abb. 38, b; Кропоткин 1970: 23, 89, рис. 67, 4; Raev 1977: 613, 632, 639, Taf. 25, 5; Bolla et al. 1986: 209, fig. 2–3; Bolla 1994: 80, tav. LXXXI, 86; Пуздровский 2007: 169, рис. 155, 1), однако точных аналогий херсонесской находке нам обнаружить не удалось. Похожие сюжеты с вакхантами встречаются на щитках краснолаковых светильников, в целом датируемых I в. н. э. (Bailey 1980: 134, Q 774; 145, Q 819; 226, Q 1070).

Второй атташ (инв. № 37395/38; рис. 1, 2) обнаружен во время раскопок М. И. Золотарева в 2003 г. в помещении 10 квартала ХСVII. Длина атташа составляет 4,1 см,



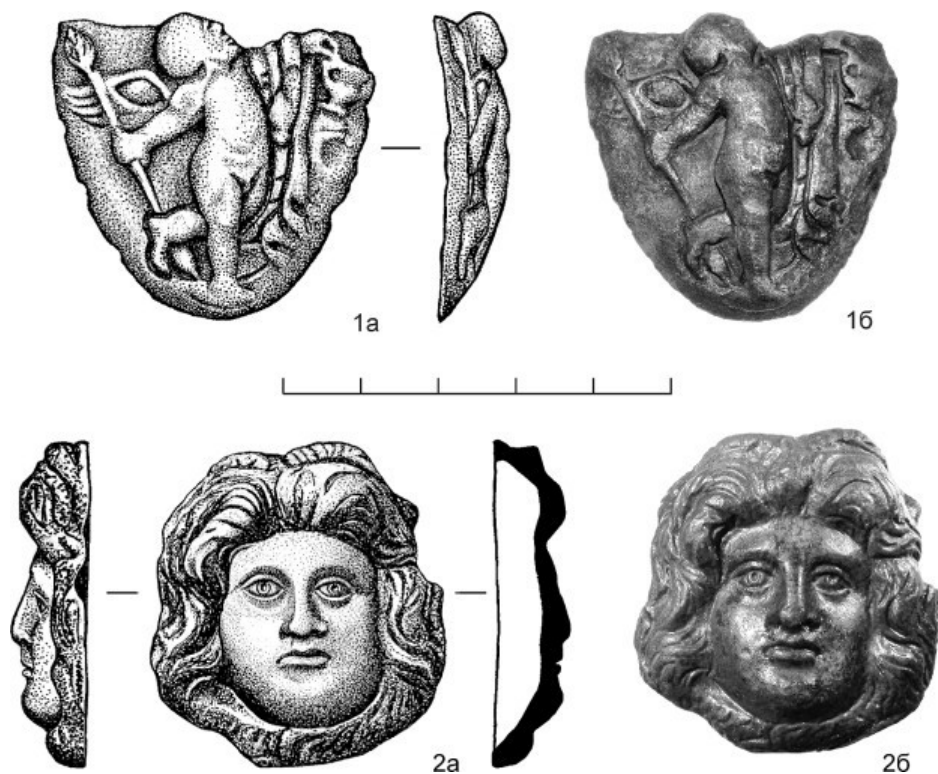


Рис. 1. Херсонес Таврический, бронзовые атташи: 1 — с изображением Эроса в образе вакханта; 2 — в форме лика Медузы (1а, 2а — прорисовки; 1б, 2б — фото)

Fig. 1. Tauric Chersonesos, bronze vessel appliques: 1 — with an image of Eros in the character of a bacchant; 2 — in the form of Medusa's face (1a, 2a — drawings; 1b, 2b — photos)

ширина — 3,8 см. Несмотря на небольшие размеры, он отличается высокохудожественным исполнением и детальной проработкой. Весь атташ образует рельефное изображение лика Медузы. В верхних складках ее волос вплетены змеи. Вьющиеся волосы густыми прядями окаймляют слегка полноватое лицо. Зрачки глаз выделены ямками. Широкий нос имеет гладкую переносицу. В самом образе Медузы нет признаков напряженности, напротив, ее спокойствие подчеркивают припухлые губы и слегка опущенные веки. В верхней части атташа сохранился корень ручки. Тыльная сторона атташа имеет бесформенное углубление для облегчения его веса. Возможно, находка также относится к изделиям италийского производства, на что указывает целый ряд близких аналогий раннеримского времени (Radnoti 1938: 139, Taf. XLVII, 1; 166, 168, Taf. XLII, 2; XLIV, 3; Menzel 1960: 35, 42, Taf. 43, 63, 50, 73; Лордкипанидзе 1964: 199–205, рис. 1, 2; Tassinari 1993: 219, tav. CXXXIV, 3).

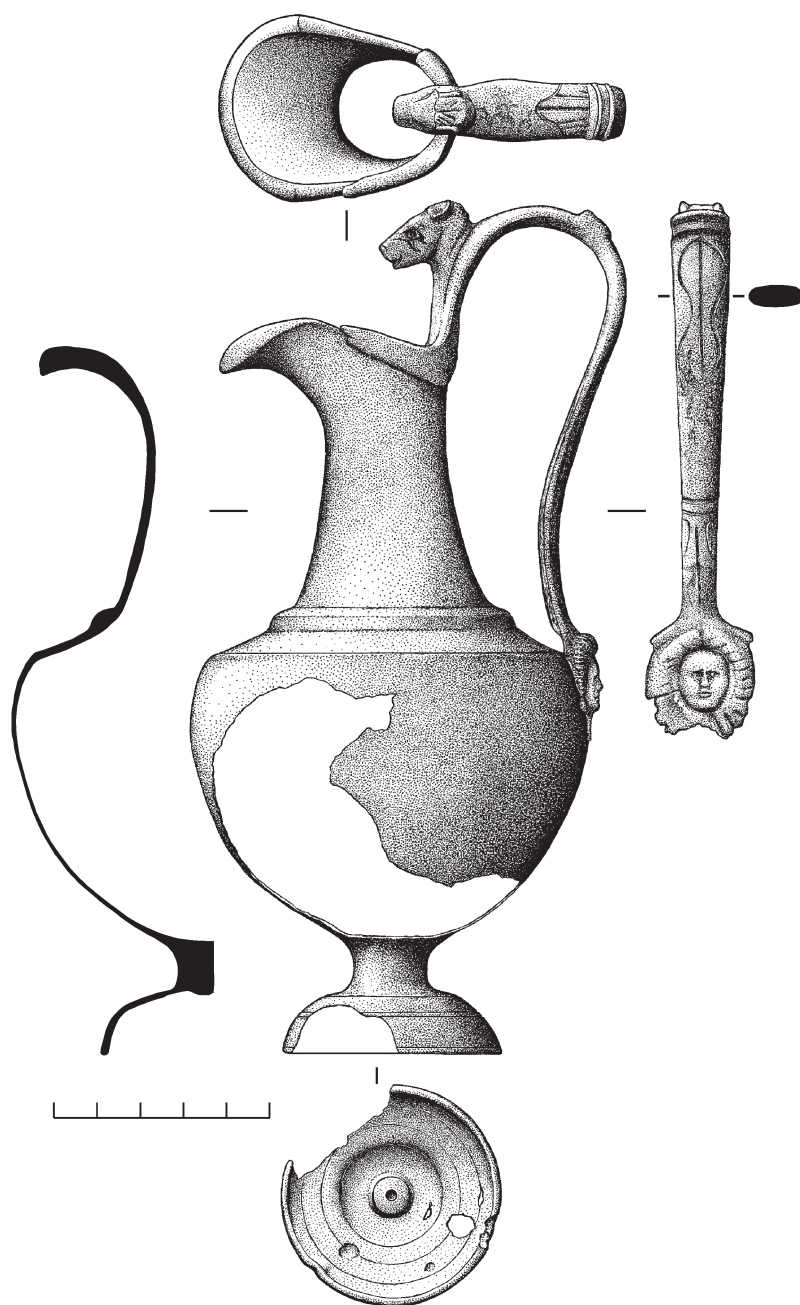


Рис. 2. Херсонес Таврический, пристенный склеп 1014, бронзовая ойнохоя Eggers 127

Fig. 2. Tauric Chersonesos, mural tomb 1014, bronze oenochoe Eggers 127

В качестве сюжетной и стилистической параллели этой находки можно рассматривать декор бронзовой ойнохой из Херсонеса (рис. 2), обнаруженной в пристенном склепе 1014 в 1899 г. Она была найдена внутри погребальной глиняной урны, поставленной в нишу 13 (Косцюшко-Валюжинич 1901: 14, рис. 13).

Кувшин принадлежит к достаточно многочисленной группе сосудов Eggers 127. Их отличает изящная форма, узкое горло, широкие плечики и чашевидная ножка. Ручка сверху украшена протомой головы собаки, а нижний атташ оформлен в виде лика Медузы. Обычно эти сосуды отличаются лишь детализировкой ручек, которые в верхней части чаще всего украшались протомами львов, лошадей, грифонов, быков, лебедей. На нижний атташ часто помещали изображения Медузы, Аттиса, Менады и Фавна. Как и херсонесская находка, большинство аналогичных кувшинов встречаются в комплексах I–II вв. н. э. (Radnoti 1938: 139–144, Taf. XLVII, XLVIII; Boesterd 1956: XXVII, 65, pl. X, 225, 226; Лордкипанидзе 1964: 206–209, рис. 4, 5; Eggers 1966: 103, Abb. 56, 7; Raev 1977: 613–614, Taf. 13, 5; 25, 1; 26, 2; 27, 1; 32, 8; 36, 5; Kraskovska 1978: 12, 15, pl. VII, XIII). Общераспространенному мнению об италийском производстве этих сосудов противоречит тот факт, что среди многочисленных образцов бронзовой посуды из Помпей представлена только одна ойнохоя Eggers 127 (Tassinari 1993: no. 4291). На этом фоне хочется отметить распространенность кувшинов этого типа в районах Среднего и Нижнего Дуная, где, возможно, и находился один или несколько центров их производства.

В целом, приведенные атташи ручек, равно как и остальные находки из Херсонеса, указывают на постоянный приток бронзовой посуды раннеримского времени в город.

## Литература

- Косцюшко-Валюжинич 1901 — *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. СПб., 1901. 55 с. (Известия ИАК. Вып. 1).
- Кропоткин 1970 — *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). М.: Наука, 1970. 280 с. (САИ. Вып. Д1-27).
- Лордкипанидзе 1964 — *Лордкипанидзе О. Д.* Италийские бронзовые изделия, найденные на территории древней Грузии // СА. 1964. № 1. С. 199–220.
- Пуздровский 2007 — *Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 493 с.
- Bailey 1980 — *Bailey D. M.* A Catalogue of the Lamps in the British Museum Vol. 2: Roman lamps made in Italy. London, 1980. 458 p.
- Boesterd 1956 — *Boesterd M.* The bronze vessels in the Rijksmuseum G. M. Kam at Nijmegen. Nijmegen: Departement van Onderwijs, Kunsten en Wetenschappen, 1956. 91 p.
- Bolla 1994 — *Bolla M.* Vasellame romano in bronzo nelle Civiche Raccolte Archeologiche di Milano. Milano, 1994. 123 p. (Notizie dal Chiostrò del Monastero Maggiore. suppl. 11).
- Bolla et al. 1986 — *Bolla M., Castoldi M., Terenziani L.* Recipienti in bronzo d'età romana in Lombardia // Scritti in ricordo di Graziella Massari Gaballo e di Umberto Tocchetti Pollini. Milano, 1986. P. 195–209.

Eggers 1966 — *Eggers J. H.* Römische Bronzegefäße in Britannien. Bonn, 1966. 164 S. (Jahrbuch des RGZM. Nr. 13).

Kraskovska 1978 — *Kraskovska L.* Roman bronze vessels from Slovakia. Oxford, 1978. 81 p. (BAR IS [suppl.]. 44).

Menzel 1960 — *Menzel H.* Die römischen Bronzen aus Deutschland. Bd. 1: Speyer. Mainz: Verlag des RGZM, 1960. 140 S.

Radnoti 1938 — *Radnoti A.* Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Budapest; Leipzig, 1938. 147 S. (Dissertationes Pannonicae. Ser. 2. Nr. 6).

Raev 1977 — *Raev B. A.* Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1977. Nr. 58. S. 605–642.

Tassinari 1993 — *Tassinari S.* Il vasellame bronzeo di Pompei. Roma: L'ERMA di Bretschneider, 1993. 2 vols. 274 p.

## BRONZE RELIEF VESSEL APPLIQUES OF THE ROMAN TIME FROM THE EXCAVATIONS AT TAURIC CHERSONESOS

V. V. DOROSHKO

**Keywords:** *Tauric Chersonesos, Roman time, bronze vessels.*

The work is devoted to the relief vessel appliques from the excavations of Tauric Chersonesos, which differ from the other details of bronze vessels by the refinement of their artistic execution. In former times they served to decorate the lower parts of vessel handles. The vessels with analogous subjects on their appliques are thought to have been manufactured by the Italic craftsmen of the Early Roman time. The described handle appliques, as well as the other details of bronze vessels from Chersonesos, are indicative of a constant influx of bronze ware to the city in the I–II cc. AD.

### Literature

Косцюшко-Валюжинич 1901 — *Koscyushko-Valyujinich K. K.* Izvlechenie iz otcheta o ras-kopkakh v Hersonese Tavricheskom v 1899 g. (*Extraction from the report of excavations in Tauric Chersonesos in 1899*). St. Petersburg, 1901. 55 p. (Reports of the Imperial Archaeological Commission. Vol. 1) (in Russian).

Кропоткин 1970 — *Kropotkin V. V.* Rimskie importny'e izdeliya v Vostochnoy Evrope (II v. do n. e'. — V v. n. e'). (*Roman imports in East Europe (II c. BC — V c. AD)*). M.: Nauka, 1970. 280 p. (Corpus of Archaeological Sources. Vol. Д1-27) (in Russian).

Лордкипанидзе 1964 — *Lordkipanidze O. D.* Italiyskie bronzovy'e izdeliya, naydennoye na territorii drevney Gruzii (*Vases romains de bronze trouvés en Géorgie ancienne*) // SA. 1964. No. 1. P. 199–220 (in Russian).

Пуздровский 2007 — *Puzdrovskiy A. E.* Kry'mskaya Skifiya II v. do n. e'. — III v. n. e'. Pogrebal'ny'e ramyatniki (*Crimean Scythia in the II c. BC — III c. AD. Burial sites*). Simferopol: Biznes-Inform, 2007. 493 p. (in Russian).

Bailey 1980 — *Bailey D. M.* A Catalogue of the Lamps in the British Museum Vol. 2: Roman lamps made in Italy. London, 1980. 458 p.

Boesterd 1956 — *Boesterd M.* The bronze vessels in the Rijksmuseum G. M. Kam at Nijmegen. Nijmegen: Departement van Onderwijs, Künsten en Wetenschappen, 1956. 91 p.

Bolla 1994 — *Bolla M.* Vasellame romano in bronzo nelle Civiche Raccolte Archeologiche di Milano. Milano, 1994. 123 p. (Notizie dal Chioistro del Monastero Maggiore. suppl. 11).

Bolla et al. 1986 — *Bolla M., Castoldi M., Terenziani L.* Recipienti in bronzo d'età romana in Lombardia // *Scritti in ricordo di Graziella Massari Gaballo e di Umberto Tocchetti Pollini.* Milano, 1986. P. 195–209.

Eggers 1966 — *Eggers J. H.* Römische Bronzegefäße in Britannien. Bonn, 1966. 164 S. (Jahrbuch des RGZM. Nr. 13).

Kraskovska 1978 — *Kraskovska L.* Roman bronze vessels from Slovakia. Oxford, 1978. 81 p. (BAR IS [suppl.], 44).

Menzel 1960 — *Menzel H.* Die römischen Bronzen aus Deutschland. Bd. 1: Speyer. Mainz: Verlag des RGZM, 1960. 140 S.

Radnoti 1938 — *Radnoti A.* Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Budapest; Leipzig, 1938. 147 S. (Dissertationes Pannonicae. Ser. 2. Nr. 6).

Raev 1977 — *Raev B. A.* Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Mösien // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission.* 1977. Nr. 58. S. 605–642.

Tassinari 1993 — *Tassinari S.* Il vasellame bronzeo di Pompei. Roma: L'ERMA di Bretschneider, 1993. 2 vols. 274 p.

# ОКОННОЕ СТЕКЛО РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И ЕГО ОКРУГИ

О. П. ДОРОШКО

**Ключевые слова:** *Херсонес Таврический, римское время, оконное стекло.*

Статья посвящена редкой для Херсонеса античного времени группе материала — оконному стеклу. До недавнего времени считалось, что оконное стекло изготавливали в городе еще с конца III в. н. э. (раскопки Г. Д. Белова). Однако исследования показали, что самые ранние мастерские, в которых производили оконное стекло, следует датировать не ранее середины V в. н. э. Оконное стекло римского времени (середины II — первой половины III в. н. э.) было найдено в Херсонесе (термы в «цитадели»), на высоте Суздальская и в Балаклаве — т. е. на объектах, связанных с присутствием римских военнослужащих в регионе.

Оконное стекло из раскопок античных поселений Северного Причерноморья не раз становилось предметом исследования. Но, как часто бывает, там, где уже подведены некоторые итоги и гипотеза воспринимается как факт, при более пристальном рассмотрении вопроса оказывается, что в основу предложенных выводов легли давно опровергнутые историографические мифы. Такая ситуация сложилась и в отношении такой небольшой и, на первый взгляд, малоинформативной группы археологического материала античного Херсонеса Таврического, как оконное стекло.

О собственном производстве стекла в Херсонесе стало достоверно известно благодаря открытию стеклоделательных мастерских в XXV квартале Северного района города (раскопки 1963, 1965, 1967–1968 гг.) (Белов 1965; 1969). Г. Д. Белов на основании найденных монет определил время функционирования мастерских концом III — IV и IV–V вв. н. э. После открытия в 1963 г. первой стеклоделательной мастерской Г. Д. Белов провел химический анализ некоторых образцов, в том числе стекломассы и плоского оконного стекла (Белов 1965: 237–239). Исследования показали, что их составы незначительно отличаются друг от друга, что свидетельствует о едином производстве стеклянных изделий в Херсонесе (Там же: 238). Открытый в 1963 г. комплекс Г. Д. Белов по сопутствующему керамическому и нумизматическому материалу датировал IV–V вв. н. э. (Там же: 239).

Основываясь на этих исследованиях, Ю. Л. Щапова сделала вывод, что в херсонесских мастерских стекло, в том числе и для производства окон, варили в соответствии с ранневизантийскими рецептурными нормами (Щапова 2008: 41). Она датировала стеклоделательную мастерскую, исследованную в 1963 г., концом IV–V вв. (Там же).

А. С. Островерхов в обзорной работе, посвященной оконному стеклу античного времени из Северного Причерноморья, обратился и к материалам Херсонеса. В качестве примера производства оконного стекла в Херсонесе он привел уже известные материалы упоминавшейся выше мастерской, датируя период ее функционирования III–IV вв. н. э. (Островерхов 2010: 100).

Анализ керамического материала из раскопок подвала этого комплекса, проведенный Л. А. Голофаст, дал иную датировку (Голофаст 1997: 316–321). Можно уверенно говорить, что засыпь подвала образовалась не ранее середины VI — начала VII в. н. э. (Там же: 321). Л. А. Голофаст также внесла корректировки в датировки других комплексов, связанных со стекольным производством в Херсонесе. По ее мнению, самые ранние стеклоделательные мастерские, в которых производили оконное стекло, следует относить ко времени не ранее середины V в. н. э. (Там же: 314–316). Таким образом, в историографии не осталось ни одной работы, которая бы имела отношение к оконному стеклу Херсонеса античного времени.

Для уточнения вопроса о дате появлении оконного стекла в этом центре обратимся к материалам комплексов римского времени. На территории городища они единичны, часть из них исследована в «цитадели» — месте постоянного базирования римских военнослужащих. Здесь в 1970 г. были открыты остатки терм римского времени, построенных не ранее середины II в. н. э. (Антонова, Зубарь 2003: 59). К северной стене помещения 5 (интерпретированного как фригидарий) примыкали две ванны, оштукатуренные с внутренней стороны цемянкой (Там же: 56, 57). В засыпи этих ванн обнаружены фрагменты плоского стекла, которые в настоящее время хранятся в фондах Херсонесского музея-заповедника (рис. 1, 1–5). Стекло прозрачное, желтоватого оттенка. Размеры наиболее крупного фрагмента составляют 17 × 16,5 см. Толщина в средней части — 0,3 см, по краям стекло становится более тонким, до 0,05 см. Эта особенность позволила восстановить примерные размеры стеклянной пластины — 20 × 20 см. В римское время оконные стекла имели разную величину — известны пластины 16 × 20 (Forbes 1966: 187), 27 × 33, 30 × 40, 33 × 54 см (Kisa 1908: 363); одна из наиболее крупных пластин (30 × 60 см) хранится в Британском музее (Ibid.). Скошенные края фрагмента могут свидетельствовать о креплении стекла в металлической раме (Островерхов 2010: 99). Одна сторона пластины гладкая, прозрачная, другая — более мутная, шероховатая. По всей толщине стекла имеются характерные пузырьки, причем в центре стекла они эллипсоидные, а по краям — округлые. Учитывая указанные характеристики, можно предположить, что стекло изготавливали путем выливания на плиту с дальнейшей раскаткой (Щапова 1983: 150).

Вместе с оконным стеклом в засыпи ванн была найдена разнообразная керамика<sup>1</sup>. Приведем здесь лишь наиболее интересные экземпляры.

<sup>1</sup> Материал готовится к публикации.

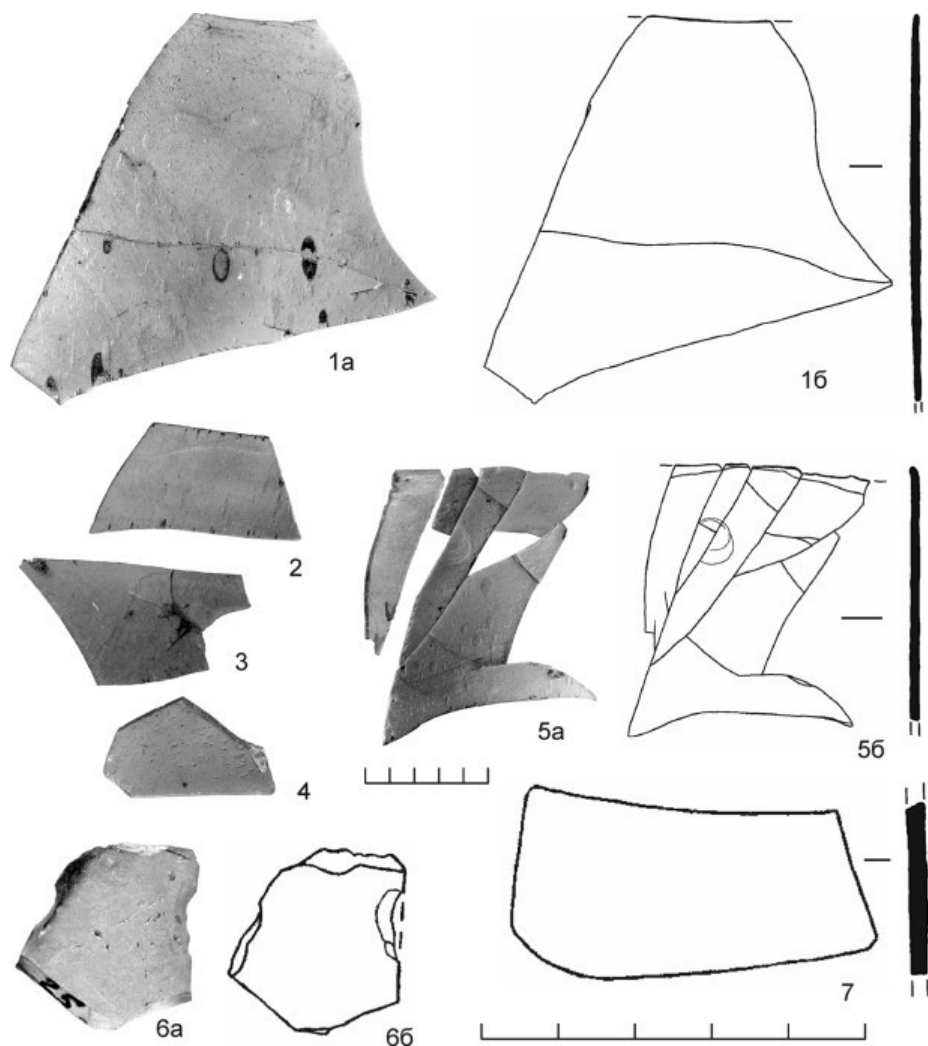


Рис. 1. Оконное стекло из раскопок «цитадели» Херсонеса Таврического (1–5) и его окружи (6 — высота Суздальская; 7 — Балаклава). 1а, 2–4, 5а, 6а — фото; 1б, 5б, 6б, 7 — прорисовки

Fig. 1. Window glass from the excavations in the «citadel» of Tauric Chersonesos (1–5) and its vicinity (6 — Suzdalskaya height; 7 — Balaklava). 1а, 2–4, 5а, 6а — photos; 1б, 5б, 6б, 7 — drawings

### Краснолаковая керамика

1. Кувшин одноручный грушевидной формы (ойнохоя?) на кольцевом поддоне (рис. 2, 1). Венчик воронкообразный. Тулово имеет слабое рифление. Ручка плоская в сечении, небрежно профилирована. Глина красная, без видимых



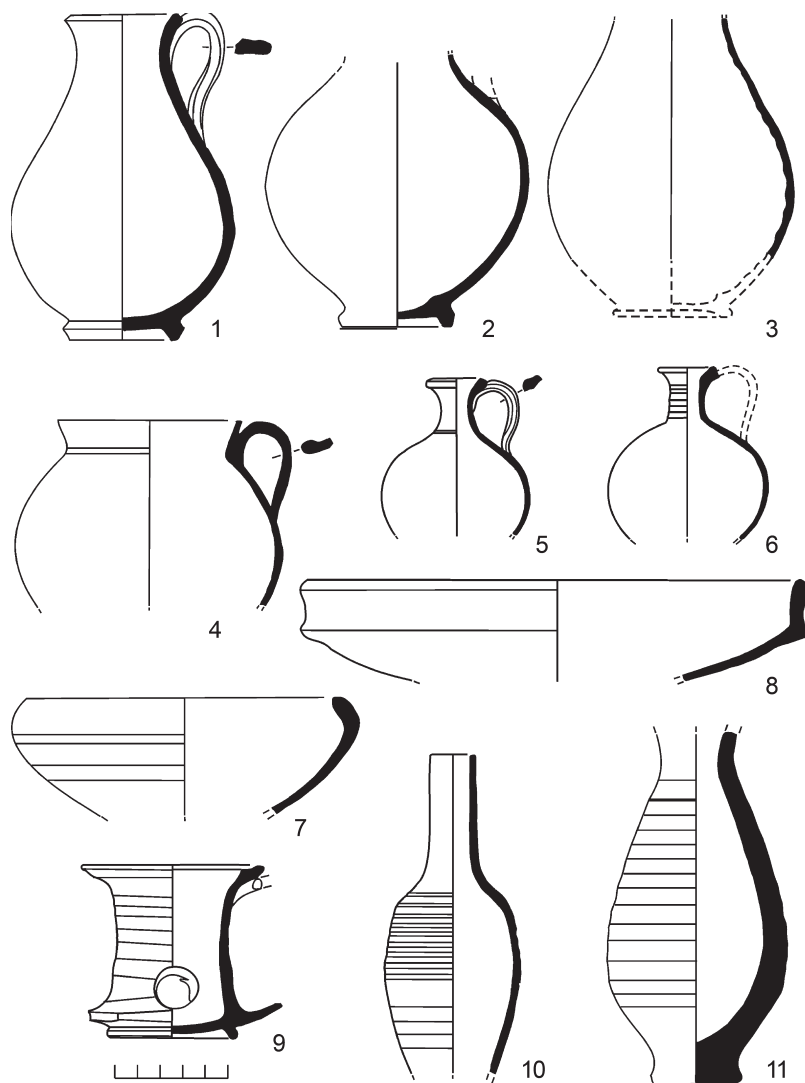


Рис. 2. Херсонес Таврический, керамика из раскопок «цитадели»: 1–8 — краснолаковые сосуды; 9 — светильник; 10, 11 — бальзамарии

Fig. 2. Tauric Chersonesos, pottery from the excavations of the «citadel»: 1–8 — red-glazed vessels; 9 — lamp; 10, 11 — balsamaria

включений. Лак оранжево-красный, покрывает верхнюю часть сосуда снаружи и венчик изнутри.

2. Кувшин одноручный грушевидной формы (рис. 2, 2). Сохранилась часть тулова. Глина красная, плотная, без видимых включений. Лак красно-бурый, нанесен неровным слоем в верхней части кувшина.

3. Кувшин одноручный грушевидной формы на кольцевом поддоне (рис. 2, 3). Сохранилась часть деформированного тулова. Сохранился след от ручки, прикреплённой в верхней части тулова. Глина красная, плотная, без видимых включений. Лак красно-оранжевый, нанесен неровным слоем в верхней части кувшина.

Подобные кувшины грушевидной формы известны по раскопкам Усть-Альминского мог-ка, где они датируются второй половиной II — началом III в. н. э. (Пуздровский 2007: рис. 180, 5) — тип 7, вариант 1 по А. А. Труфанову (Труфанов 2009: 177, рис. 35). Известны они и в некрополе Херсонеса (Зубарь 1982: рис. 46, 1–6). По материалам мог-ка Бельбек IV такие кувшины датируются первой половиной III в. н. э. — тип 39 по Д. В. Журавлеву (Журавлев 2010: 171).

4. Кубок с шаровидным туловом (рис. 2, 4). Сохранилась часть верха и тулова. Венчик слегка расширяющийся. Ручка небольшая, петлевидная, прикреплена в верхней части тулова и непосредственно под венчиком. В месте соединения с туловом расположены две бороздки.

В Усть-Альминском мог-ке такие кубки встречаются с материалом середины II в. н. э. (Труфанов 2009: 167, рис. 26). По А. Е. Пуздровскому их датировка несколько шире — в пределах второй половины II — начала III в. н. э. (Пуздровский 2007: рис. 181, 6–9). В мог-ке Бельбек IV похожие кружки (форма 1 по Д. В. Журавлеву) найдены в комплексах I–III вв. (Журавлев 2010: 172–176).

5. Миска глубокая с загнутым внутрь краем и рифленой поверхностью (рис. 2, 7). Сохранилась верхняя часть. Лак темно-коричневый, неровный, покрывает снаружи лишь верхнюю часть сосуда.

Подобная миска найдена в склепе Усть-Альминского некрополя второй половины II — начала III в. н. э. (Пуздровский 2007: рис. 182, 9). В других комплексах Северного Причерноморья такие миски также датируются началом III в. н. э. — тип 17.1.2 по Д. В. Журавлеву (Журавлев 2010: 55–56).

6. Тарелка глубокая с вертикальным, немного вогнутым, скругленным краем и «бортиком» под краем (рис. 2, 8). Сохранилась верхняя часть. Лак красный.

Такие тарелки найдены во многих могильниках Северного Причерноморья (тип 4.2 по Д. В. Журавлеву; II — первая половина III в. н. э.; Журавлев 2010: 46). По материалам Усть-Альминского мог-ка они датируются второй половиной II — началом III в. н. э. (Пуздровский 2007: рис. 182, 4, 6, 8, 10, 11, 13).

7. Лекиф с шарообразным туловом, воронковидным венчиком, плавно переходящим в цилиндрическое горло, и слабопрофилированной ручкой (рис. 2, 5). Сохранилась верхняя часть. Лак оранжево-коричневый, неравномерно покрывает верхнюю часть сосуда и верхнюю часть горла изнутри.

8. Лекиф с шарообразным туловом, рифленным в верхней части, воронковидным венчиком, плавно переходящим в цилиндрическое горло, и слабопрофилированной ручкой (рис. 2, 6). Сохранилась верхняя часть. Лак коричневого оттенка покрывает верхнюю часть сосуда и горло изнутри.

Похожие краснолаковые флаконы найдены в могиле 430 Усть-Альминского некрополя (около начала II в. н. э.) (Пуздровский 2007: рис. 164, 11).

## Простая керамика

1. Бальзамарий светлоглиняный тонкостенный с удлиненным туловом, рифленым в верхней части. Плавно суживающиеся плечи сосуда переходят в высокое прямое горло (рис. 2, 10). Сохранился фрагмент тулова (венчик и ножка отсутствуют). Глина мелкозернистая, без видимых включений.

2. Бальзамарий светлоглиняный толстостенный с грушевидным туловом, украшенным «желобками», на плоском поддоне (рис. 2, 11). Горло не сохранилось. Глина светлая мелкозернистая с редкими включениями мелких известковых частиц и большим количеством мелких частиц слюды. Обжиг неровный.

Подобные бальзамарии найдены в Херсонесе (Зубарь, Сорочан 1986: 109, рис. 5, 5), в мог-ке Совхоз-10, где по сопутствующему материалу они широко датируются II–IV вв. (Стржелецкий и др. 2005: 114, табл. XXVII, 23–25), а также в Хараксе (Камелина 2012: 56, рис. 23, 2).

3. Светильник-свечник с цилиндрическим туловом, имеющим отверстие в нижней части, на кольцевом поддоне (рис. 2, 9). Верхний край отогнут наружу. Ручка уплощенная, верхний ее край крепился под венчиком, оббита. Стенки чаши-поддона утрачены. Глина розовая, без видимых включений.

Светильники-свечники были широко распространены в Херсонесе и его округе в позднеримское время (Белов и др. 1953: 189, рис. 38, *д*; Рыжов 1986: 136, рис. 7), известны они и с территории Добруджи (Журавлев, Турова 2012: 380). Датировку светильника-свечника уточняет находка двух экземпляров на римском посту на высоте Казацкая, который существовал в середине II — начале III в. н. э. (Нессель 2005: 514, рис. 3, 1–2).

\* \* \*

Хронологически представленные материалы не выходят за пределы первой половины III в. н. э. Вероятнее всего, комплекс связан с единовременным разрушением терм. Это событие И. А. Антонова и В. М. Зубарь относили к 237 г. (Антонова, Зубарь 2003: 39–40), а В. В. Дорошко — к 20-м гг. III в. (Дорошко 2016: 21). Таким образом, слой с оконным стеклом следует датировать в пределах середины II — первой половины III в. н. э.

Оконное стекло римляне стали изготавливать с конца I в. до н. э., в первую очередь, для бань. Позже оконные стекла распространились по всей территории Римской империи (Kisa 1908: 362–365; Voop 1966; Новиченкова 2015: 98). В Северном Причерноморье большинство фрагментов стекла найдены на памятниках, связанных с пребыванием римских военнослужащих. Самые ранние находки в регионе происходят из раннеримских слоев святилища у перевала Гурзуфское Седло (Новиченкова 2015: 98). Однако наиболее часто фрагменты оконных стекол встречаются в слоях разрушений первой половины III в. н. э. Так, в Горгиппии осколки найдены в подвалах домов 5, 19, 25, 30, которые погибли в пожаре (Алексеева, Сорокина 2007: 36). Фрагменты оконного стекла находят в слоях Пантикапея, Тиритаки, Мирмекия, Фанагории (Островерхов 2010: 95). В Ольвии и ее округе, а также в Тире подобные находки связаны с местами дислокации римских войск (Там же).

Исходя из комплекса материалов терм, находки оконного стекла в Херсонесе можно датировать серединой II — первой половиной III в. н. э. В настоящее время мы не можем с уверенностью говорить о месте изготовления оконного стекла, хотя Е. М. Алексеева и Н. П. Сорокина предполагали его производство в Горгиипии (Алексеева, Сорокина 2007: 36). Учитывая, что большинство зафиксированных находок происходит из мест, связанных с деятельностью римских военнослужащих, можно также предположить, что оконное стекло поступало в Крым из Нижней Мезии. Середина II — первая половина III в. н. э. считается одним из наиболее знаменательных этапов римского военного присутствия в Юго-Западной и Южной Таврике. Именно в этот период была создана сеть оборонительных сооружений по гребню Сапунгорского плато (высота Казацкая, высота Суздальская, Сапун-гора, Кавказ-Баир), возведены лагерь в Балаклаве, крепость Харакс и Алма-Кермен.

На высоте Суздальская в 2011 г. (раскопки В. В. Дорошко и А. А. Филиппенко) в слое римского времени был найден фрагмент оконного стекла размера  $2,3 \times 2,4$  см. Стекло прозрачное, голубого оттенка. Пузырьки мелкие (рис. 1, 6). Отнести этот небольшой фрагмент к группе оконного стекла удалось только благодаря сохранившемуся оплавленному краю. В 2012 г. в Балаклаве (раскопки О. Я. Савели<sup>2</sup> и Р. Карасевич-Щиперски) в слое римского времени найден фрагмент оконного (?) стекла, изготовленного из прозрачной, бесцветной массы (рис. 1, 7).

Таким образом, оконное стекло в Херсонесе и его округе впервые появилось около середины II — первой половины III в. н. э., т. е. на одном из этапов римского военного присутствия в Таврике. На сегодняшний день в Херсонесе неизвестны стеклоделательные мастерские и отходы производства этого времени; по всей видимости, оконное стекло было привозным. Время, последовавшее за выводом римских войск, оказалось сложным для Херсонеса. Была разорена сельскохозяйственная округа, экономические связи оказались разрушенными (Дорошко 2016). И только с конца IV в. импортные предметы и зарубежные традиции вновь стали оказывать влияние на материальную культуру Херсонеса.

### Литература и источники

Алексеева, Сорокина 2007 — Алексеева Е. М., Сорокина Н. П. Коллекция стекла античной Горгиипии. М.: Интербук-бизнес, 2007. 159 с.

Антонова, Зубарь 2003 — Антонова И. А., Зубарь В. М. Некоторые итоги археологических исследований римской цитадели Херсонеса // ХС. 2003. Вып. 12. С. 31–68.

Белов 1965 — Белов Г. Д. Стеклоделие в Херсонесе // СА. 1965. № 3. С. 237–239.

Белов 1969 — Белов Г. Д. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 80–84.

Белов и др. 1953 — Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // Скржинская Е. Ч. (отв. ред.). Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 160–236 (МИА. № 34).

<sup>2</sup> Выражаю благодарность авторам раскопок за предоставленную возможность работы с материалами.

Голофаст 1997 — *Голофаст Л. А.* К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ. 1997. Вып. 4. С. 312–325.

Дорошко 2016 — *Дорошко В. В.* К истории Херсонеса Таврического в первой половине III века // Вестник Новосибирского ГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 1. С. 16–27.

Журавлев 2010 — *Журавлев Д. В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010. 320 с. (МАИЭТ. Suppl. 9).

Журавлев, Турова 2012 — *Журавлев Д. В., Турова Н. П.* Античные глиняные светильники Ялтинского историко-литературного музея // БИ. 2012. Вып. 26. С. 335–400.

Зубарь 1982 — *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.

Зубарь, Сорочан 1986 — *Зубарь В. М., Сорочан С. Б.* Новый погребальный комплекс III–IV вв. н. э. и экономическое развитие Херсонеса // Анохин В. А. (отв. ред.). Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. М.: Наука, 1986. С. 101–129.

Камелина 2012 — *Камелина Г. А.* Керамический комплекс из раскопок нижней оборонительной стены Харакса (по материалам раскопок В. Д. Блаватского в 1935 г.) // ПИФК. 2012. Вып. 2. С. 46–90.

Нессель 2005 — *Нессель В. А.* Светильники из раскопок храма Юпитера Долихена и военного поста на высоте Казацкой // Сугдейский сборник. 2005. Вып. 2. С. 506–516.

Новиченкова 2015 — *Новиченкова Н. Г.* Горный Крым: II в. до н. э. — II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь: Н. Орианда, 2015. 216 с.

Островерхов 2010 — *Островерхов А. С.* Віконне скло з античних міст Північного Причорномор'я // Археологія. 2010. № 3. С. 95–110.

Пуздровский 2007 — *Пуздровский А. Е.* Крымская Скифия II в. до н. э. — III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-информ, 2007. 493 с.

Рыжов 1986 — *Рыжов С. Г.* Керамический комплекс III–IV вв. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // Анохин В. А. (отв. ред.). Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. М.: Наука, 1986. С. 130–139.

Стржелецкий и др. 2005 — *Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И.* Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // STRATUMplus. 2003–2004. 2005. № 4. С. 27–277.

Труфанов 2009 — *Труфанов А. А.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. — III в. н. э. // STRATUMplus. 2005–2009. 2009. № 4. С. 117–328.

Щапова 1983 — *Щапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: Изд-во МГУ, 1983. 199 с.

Щапова 2008 — *Щапова Ю. Л.* Византийское стекло: Очерки истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

Boon 1966 — *Boon G.* Roman Window Glass from Wales // Journal of Glass Studies. 1966. Vol. 8. P. 41–45.

Forbes 1966 — *Forbes R. J.* Studies in ancient technology. Leiden: Brill, 1966. Vol. 5. 241 p.

Kisa 1908 — *Kisa A.* Das Glas im Altertume. Leipzig: Verlag von Karl W. Hiersemann, 1908. Bd. 2. 978 S.

## ROMAN WINDOW GLASS FROM THE EXCAVATIONS OF TAURIC CHERSONESOS AND ITS VICINITY

O. P. DOROSHKO

**Keywords:** *Tauric Chersonesos, Roman time, window pane.*

The paper deals with window glass — a category of material which is rare for Chersonesos. Until recently it was thought that window glass had been produced in the city starting from the late III c. AD. (G. D. Belov's excavations). However, the earliest workshops where window glass was manufactured cannot be dated any earlier than the middle of the V c. AD. The window glass of the Roman time (middle of the II — first half of the III c. AD) was found in Chersonesos (thermae in the «citadel»), on the Suzdalskaya height, and in Balaklava, or, in other words, in the localities associated with the presence of Roman soldiers.

### Literature

Алексеева, Сорокина 2007 — *Alekseeva E. M., Sorokina N. P. Kollekcija stekla antichnoy Gorgippii (The collection of glass of ancient Gorgippia)*. M.: Interbuk-biznes, 2007. 159 p. (in Russian).

Антонова, Зубарь 2003 — *Antonova I. A., Zubar' V. M. Nekotory'e itogi arheologicheskikh issledovaniy rimskoy citadeli Hersonesa (Some results of archaeological studies at the Roman citadel of Chersonesos) // Hersonesskiy sbornik (Chersonesos collection)*. Sevastopol, 2003. Vol. 12. P. 31–68 (in Russian).

Белов 1965 — *Belov G. D. Steklodelie v Hersonese (La verrerie à Chersonèse) // SA*. 1965. No. 3. P. 237–239 (in Russian).

Белов 1969 — *Belov G. D. Steklodelatel'naya masterskaya v Hersonese (Glassmaking workshop in Chersonesos) // Kratkie soobsh'eniya Instituta arheologii (BCIA)*. 1969. Vol. 116. P. 80–84 (in Russian).

Белов и др. 1953 — *Belov G. D., Strjeleckiy S. F., Yakobson A. L. Kvartal XVIII (raskopki 1941, 1947 i 1948 gg.) (Quarter XVIII [excavations of раскопки 1941, 1947 and 1948]) // Skrzjinskaya E. Ch. (ed.). Materialy' po arheologii Yugo-Zapadnogo Kry'ma (Hersones, Mangup) (Materials on the archaeology of the Southwestern Crimea [Chersonesos, Mangup])*. M.: AS of the USSR, 1953. P. 160–236 (MSA. No. 34) (in Russian).

Голофаст 1998 — *Golofast L. A. K voprosu o steklodelii v rannevizantiyskom Hersonese (About glass-making production in early Byzantine Chersonesos) // Materialy' po arheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria)*. Simferopol, 1998. Vol. 6. P. 312–325 (in Russian).

Дорошко 2016 — *Doroshko V. V. K istorii Hersonesa Tavricheskogo v pervoy polovine III veka (Towards the history of Tauric Chersonesos in the first half of the III century) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya (Herald of Novosibirsk SU. Series: History, philology)*. 2016. Vol. 15, issue 1. P. 16–27 (in Russian).

Журавлев 2010 — *Juravlev D. V. Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kry'ma I–III vv. n. e'. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny') (Red-glazed pottery of the Southwestern Crimea of the I–III cc. AD [based on the materials of the Late Scythian cemeteries of the Belbek valley])*. Simferopol, 2010. 320 p. (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Suppl. 9) (in Russian).

Журавлев, Турова 2012 — *Juravlev D. V., Turova N. P. Antichny'e glinyany'e svetil'niki Yaltinskogo istoriko-literaturnogo muzeya (Ancient clay lamps of the Yalta Historical-Literary Museum) // Bosporskie issledovaniya (BS)*. 2012. Vol. 26. P. 335–400 (in Russian).

Зубарь 1982 — Zubar' V. M. Nekropol' Hersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n. e'. (*The necropolis of Tauric Chersonesos of the I–IV cc. AD*). Kiev: Naukova dumka, 1982. 144 p. (in Russian).

Зубарь, Сорочан 1986 — Zubar' V. M., Sorochan S. B. Novy'y pogrebal'ny'y kompleks III–IV vv. n. e'. i e'konomicheskoe razvitiye Hersonesa (*New funeral complex of the III–IV cc. AD and the economic development of Chersonesos*) // Anohin V. A. (ed.). *Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya v pervy'e veka nashey e'ry'* (*Ancient culture of the North Black Sea region in the first centuries of our era*). M.: Nauka, 1986. P. 101–129 (in Russian).

Камелина 2012 — Kamelina G. A. Keramicheskii kompleks iz raskopok nijney oboronitel'noy steny' Haraksa (po materialam raskopok V. D. Blavatskogo v 1935 g.) (*Ceramic Complex from the Excavation of the Charax Lower Defensive Wall [according to the materials of excavations by Blavatsky in 1935]*) // Problemy' istorii, filologii i kul'tury' (*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*). 2012. Vol. 2. P. 46–90 (in Russian).

Нессель 2005 — Nessel' V. A. Svetil'niki iz raskopok hrama Yupitera Dolihena i voennogo posta na vy'sote Kazackoy (*Lamps from the excavations of the temple of Jupiter Dolichenus and military post on the height of Kozatskaya*) // Sugdeyskiy sbornik (*Sugdean collection*). 2005. Vol. 2. P. 506–516 (in Russian).

Новиченкова 2015 — Novichenkova N. G. Gornyy Kry'm: II v. do n. e'. — II v. n. e'. Po materialam raskopok svyatilish'a u perevala Gurzufskoe Sedlo (*The Mountain Crimea in II century BC — II century AD. Basing on materials of excavations of the sanctuary near Gurzuf Saddle pass*). Simferopol: N. Orianda, 2015. 216 p. (in Russian).

Островерхов 2010 — Ostroverhov A. C. Vi'konne sklo z antichnih mi'st Pi'vni'chnogo Prichernomor'ya (*Windowpane from Ancient Cities of the North Coast of the Black Sea [experience of complex research]*) // Arheologiya (*Archaeology*). 2010. No. 3. P. 95–110 (in Ukrainian).

Пуздровский 2007 — Puzdrovskiy A. E. Kry'mskaya Skifiya II v. do n. e'. — III v. n. e'. Pogrebal'ny'e pamyatniki (*Crimean Scythia in the II c. BC — III c. AD. Burial sites*). Simferopol: Biznes-Inform, 2007. 493 p. (in Russian).

Рыжов 1986 — Ry'zov S. G. Keramicheskii kompleks III–IV vv. n. e'. iz severo-vostochnogo rayona Hersonesa (*Pottery assemblage of the III–IV cc. AD from the northeastern part of Chersonesos*) // Anohin V. A. (ed.). *Antichnaya kul'tura Severnogo Prichernomor'ya v pervy'e veka nashey e'ry'* (*Ancient culture of the North Black Sea region in the first centuries of our era*). M.: Nauka, 1986. P. 130–139 (in Russian).

Стржелецкий и др. 2005 — Strzeleckiy S. F., Vysotskaya T. N., Ryjova L. A., Jestkova G. I. Naselenie okrugy Hersonesa v pervoy polovine I ty'syacheletiya novoy e'ry' (po materialam nekropolya «Sovhoz-10») (*The Population in the Neighborhood of Chersonesos Tauricus in the First Half of 1<sup>st</sup> Millenium A. D. [by materials of the necropolis "Sovkhos no. 10"]*) // STRATUMplus, 2003–2004. 2005. No. 4. P. 24–277 (in Russian).

Труфанов 2009 — Trufanov A. A. Hronologiya mogil'nikov Predgornogo Kry'ma I v. do n. e'. — III v. n. e'. (*Chronology of Cemeteries of Crimean Foothills of the 1<sup>st</sup> c. BC — 3<sup>rd</sup> c. AD*) // STRATUMplus. 2005–2009. 2009. No. 4. P. 117–328 (in Russian).

Щапова 1983 — Schapova Yu. L. Oчерки istorii drevnego steklodeliya (po materialam doliny' Nila, Blijnego Vostoka i Evropy') (*Essays on the history of ancient glassmaking [with particular reference to the materials from the Nile valley, the Near East, and Europe]*). M.: MSU, 1983. 199 p. (in Russian).

Щапова 2008 — Schapova Yu. L. Vizantiyskoe steklo: Oчерки istorii (*Byzantine glass: Historical essays*). M.: LKI, 2008. 288 p. (in Russian).

Boon 1966 — Boon G. Roman Window Glass from Wales // *Journal of Glass Studies*. 1966. Vol. 8. P. 41–45.

Forbes 1966 — Forbes R. J. *Studies in ancient technology*. Leiden: Brill, 1966. Vol. 5. 241 p.

Kisa 1968 — Kisa A. *Das Glas im Altertume*. Leipzig: Verlag von Karl W. Hiersemann, 1908. Bd. 2. 978 S.

# КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ КАЗАЧЬЕЙ БУХТЫ (МАЯЧНЫЙ ПОЛУОСТРОВ)

В. А. НЕССЕЛЬ

**Ключевые слова:** античность, поселение, Маячный п-ов, Херсонес Таврический, здание, краснолаковая керамика, Понтийская сигиллата А, сосуды, лак, глина.

На территории античного поселения на перешейке Маячного п-ова, расположенного в 10 км к западу от Херсонеса Таврического, было обнаружено и исследовано здание первых веков нашей эры. Значительную долю находок в общем массиве керамики составляют краснолаковые сосуды открытых и закрытых форм. Среди находок доминирующее положение занимает керамика группы Понтийской сигиллаты А. Вероятнее всего, данные изделия могли производиться в керамических мастерских, находившихся в Северном Причерноморье. Сосуды этой группы представлены различными типами тарелок, мисок, чаш (рис. 1–3). Среди краснолаковой керамики из раскопанного здания представлены также кружки и кувшины (рис. 3, 4). Судя по характерным признакам, эти сосуды также могли изготавливать в локальных северопричерноморских мастерских, возможно в тех же самых, где производилась и керамика группы Понтийской сигиллаты А. В целом находки из здания относятся к концу I — началу III вв. н. э., причем основная масса изделий датируется серединой II — началом III в. н. э. Здание было разрушено в результате мощного пожара. Анализ находок позволяет установить время его гибели.

Систематические археологические раскопки на территории античного поселения на перешейке Маячного п-ова, расположенного примерно в 10 км к западу от Херсонеса Таврического, регулярно вносят коррективы в имеющиеся сведения о различных периодах существования этого памятника<sup>1</sup>. Современные исследования, сосредоточенные, в основном, в северной части поселения, на скальных террасах западного берега Казачьей бухты, постоянно дополняют информацию о его периодизации и структурной организации. В коллекции находок из этих раскопок, хранящихся в фондах Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», представлены разнообразные предметы материальной культуры, в основной своей массе относящиеся к эллинистическому времени. Это, прежде всего, монеты, а также различные виды тарных сосудов, традиционных для этого периода центров производства, в том числе и клейменные, наборы парадной чернолаковой и простой столовой посуды, сосуды для приготовления пищи, светильники, фрагменты

<sup>1</sup> Об основных положениях, связанных с проблемами интерпретации и хронологии античного поселения на перешейке Маячного п-ова, или «древнего Херсонеса» Страбона, см.: Бертье-Делагард 1907; Жеребцов 1985; Сапрыкин 1994; Щеглов 1994; Николаенко 1999: 29, 54–56; 2004; Рогов 2005: 148–154; Зубарь 2007: 157–187.



терракотовых статуэток. Все эти находки наглядно иллюстрируют жизнь на этом участке поселения со второй четверти IV до конца II в. до н. э. Тем интереснее представляются итоги недавних раскопок, открывших на месте эллинистической «улицы» здание первых веков нашей эры. Здание погибло в пожаре, следы которого были зафиксированы по всей его площади (Николаенко и др. 2007: 9–17; 2009: 3–7). Архитектурные остатки сопровождал обильный керамический материал, анализ которого и позволил определить время функционирования этой постройки.

Одно из ведущих мест в комплексе находок, для которых к настоящему времени были разработаны подробные хронологические и типологические схемы, занимает краснолаковая керамика (около 30 % от общего количества керамических находок). Доминирующее положение здесь принадлежит сосудам группы Понтийской сигиллаты. Впервые этот термин — Pontic Sigillata был предложен в 1985 г. Дж. Хейсом, выделившим всего 13 форм сосудов этой группы (Hayes 1985: 92–96, tav. XXII, 6–10; XXIII, 1–13). В дальнейшем Д. В. Журавлевым была предложена более детальная классификация, с выделением трех отдельных групп в общем массиве Понтийской сигиллаты, а также выявлением различий в формах и вариантах сосудов, относимых им к той или иной группе (Журавлев 2007: 366–393; 2010: 40–95). Вопрос о месте или местах производства керамики, объединенной в общую группу Понтийской сигиллаты, до сих пор остается открытым и порождает немало споров. Наиболее вероятной, на наш взгляд, является гипотеза о том, что данную керамику производили в нескольких центрах, расположенных в регионе Черного моря. При этом в Западном Причерноморье такие мастерские известны — Хотница, Павликени и Бутово (территория современной Болгарии) (Sultov 1985: 18–32), однако производившаяся там керамика заметно отличается от краснолаковых сосудов, составляющих массовый материал на северопричерноморских памятниках первых веков нашей эры. Для Северного и Южного Причерноморья таких мест производства точно не выявлено. По мнению Д. В. Журавлева, скорее всего, такой крупный производственный центр мог существовать на территории современной Турции (Журавлев 2010: 35, 40). В то же время и в Херсонесе, и в Пантикапее могли также изготавливать свою керамику с лаковым покрытием. В пользу этого предположения свидетельствуют находки керамики со следами производственного брака, неоднократно зафиксированные в этих центрах в процессе раскопок. Гипотеза о таком локальном производстве высказывалась рядом ученых (Книпович 1952: 294; Кадеев 1970: 91–98; Zhuravlev 2000: 155; Кленина 2004: 39–85; Ушаков 2004; Klenina 2003; 2015).

подавляющее большинство сосудов, составивших коллекцию краснолаковой керамики из раскопок античного поселения на перешейке Маячного п-ова, объединены рядом характерных признаков, позволяющих считать их продукцией одной или нескольких локальных мастерских, выпускавших сходную по качеству посуду. Здесь, прежде всего, следует указать на качество лакового покрытия, его цвет и саму манеру нанесения. При этом, однако, многие из данных

находок происходят из слоя пожара, уничтожившего здание, что привело к видимым изменениям в цветовой гамме лака и глиняного теста. В тех же случаях, когда сосуды находились вне зоны горения, можно с уверенностью утверждать, что качество лака и его цвет полностью соответствуют керамике группы Понтийской сигиллаты А (лак жидкий, от оранжевого до буро-красного, с цветовыми переходами на одном сосуде<sup>2</sup>). Обращает на себя внимание и способ нанесения лакового покрытия: изнутри изделия полностью покрыты лаком, а снаружи — частично, лишь в верхней части, при этом на уровне поддона видны характерные потеки. На эту особенность неоднократно указывали исследователи краснолаковой керамики Северного Причерноморья (Журавлев 2007: 367; 2010: 40; Klenina 2015: 363–364, fig. 8). У всех сосудов черепок в изломе имеет плотную структуру, с очень мелкими редкими известковыми включениями, цвет глины — от светло-коричневого до красно-коричневого<sup>3</sup>, что также характерно для керамики группы Понтийской сигиллаты А.

Формы найденных сосудов группы Понтийской сигиллаты А хорошо известны по современным исследованиям керамических комплексов Северного Причерноморья и имеют многочисленные аналогии среди материалов из Херсонеса и Юго-Западного Крыма. Хорошо разработанные классификации (Науес 1985: 92–96, tav. XXII, 6–10; XXIII, 1–13; Журавлев 2010: 40–66) позволяют использовать единую терминологию для определения типов изделий, а также выделить особенности в формах и вариантах сосудов<sup>4</sup>.

По набору специфических характеристик, обусловленных функциональным назначением сосудов, а также размерам, выделяются тарелки, миски и чаши. Формы всех этих изделий вошли в новейшую классификацию Понтийской сигиллаты Д. В. Журавлева (Журавлев 2010). В количественном отношении преобладают находки тарелок и мисок.

*Понтийская сигиллата А. Тарелки.* Форма I по Хейсу, форма 4.2 по Журавлеву (Науес 1985: 93, tav. XXII, 6–10; XXIII, 1; Журавлев 2010: 45–47, табл. 18, 106–115; 19, 116–127). Глубокие тарелки с вертикальным бортиком и сильно скошенными стенками. Обнаружены фрагменты прямых или слегка выгнутых бортиков, украшенных с внешней стороны двумя линиями кольцевой нарезки, а также доньев на кольцевом поддоне, в некоторых случаях имеющих в центре поясок насечек. У отдельных экземпляров место перехода бортика к стенке оформлено в виде острого выступающего ребра. Диаметр венчика — 15–26 см. Инв. № 28/37524, 31/37548, НВФ 14/1139, НВФ 15/1139, НВФ 16/1139 (рис. 1, 1–6; 2, 13, 14).

<sup>2</sup> Индекс 2.5 YR 4/1–4/2, 5/6–5/8 (dark reddish gray — red) по цветовой шкале Munsell (Munsell 2000).

<sup>3</sup> Индекс 2.5 YR 6/4–6/6 — light reddish brown — light red; 5YR 6/6 — reddish yellow; 10R 5/4–6/6 — weak red — light red (Ibid.).

<sup>4</sup> Поскольку большинство сосудов были найдены при обстоятельствах, повлекших заметные изменения в цветовой гамме лакового покрытия и глины, но на основании характерных признаков, упомянутых выше, относятся к группе Понтийской сигиллаты А, описания лака и глиняного теста для них не приводятся.

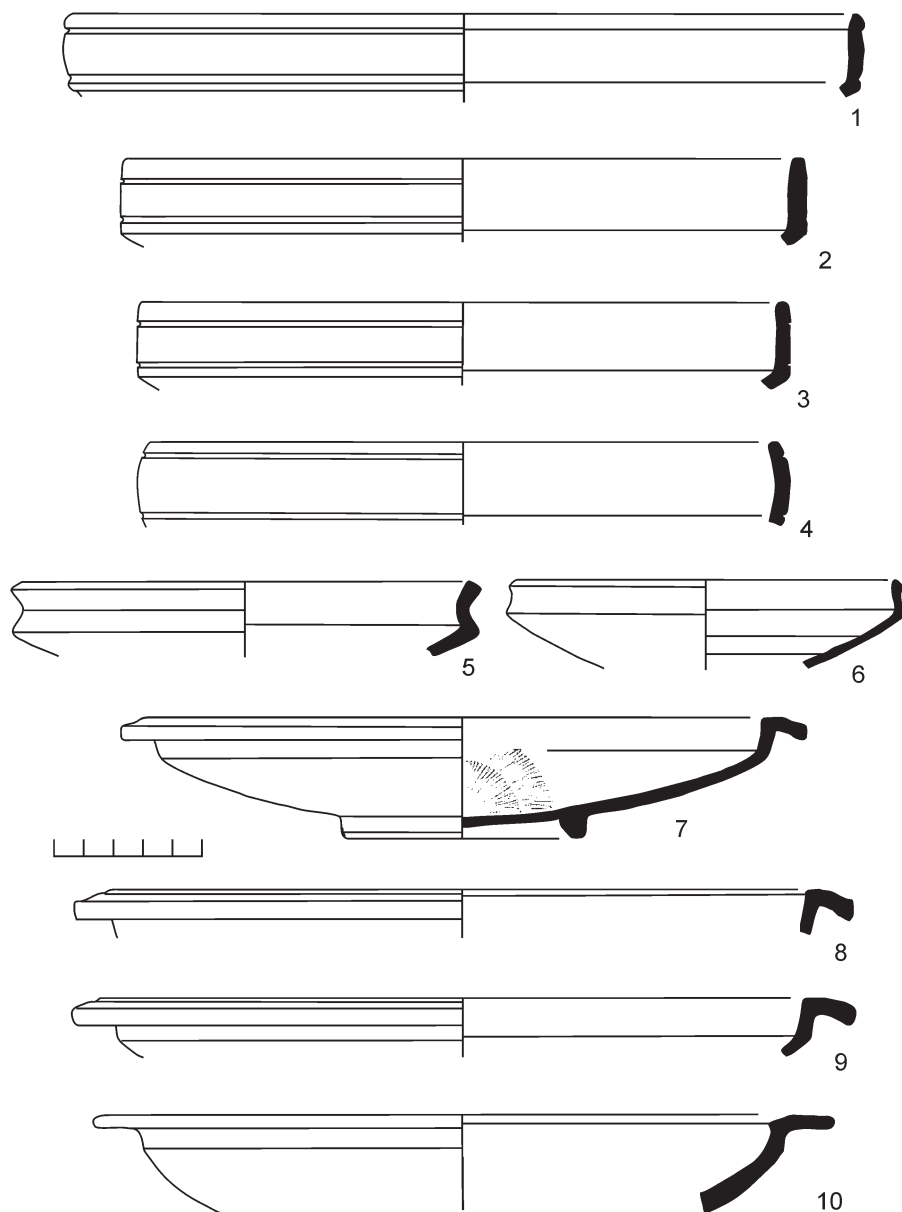


Рис. 1. Поселение на перешейке Маячного п-ова, фрагменты краснолаковой керамики, Понтийская сигиллата, тарелки

Fig. 1. Settlement on the isthmus of the Mayachnyi peninsula, red-glazed pottery fragments, Pontic sigillata, plates

Дата: II — первая половина III в. н. э. (Ковалевская 1998: 96, рис. 4, 2; Журавлев, Ломтадзе 1999: 99, рис. 3, 17; Кленина 2004: 47–48, рис. 13, 134–137; 14, 139–142; 15, 144–148; Ушаков 2004: 286–296, рис. 2, 6; Журавлев 2005: 146–147, рис. 8, 51–60; 9, 61–71; 2010: 45–47, табл. 18–19; Шаров 2007: 55–60, рис. 13, 5; Нессель 2011: 118, рис. 1, 3–10).

Форма III по Хейсу, форма 6.3 по Журавлеву (Hayes 1985: 93, tav. XXIII, 3; Журавлев 2010: 49–50, табл. 20, 131–133). Глубокие тарелки полусферической формы с отогнутым наружу горизонтальным краем, слегка нависающим над стенками, на низком кольцевом поддоне, который может быть изнутри украшен рядами концентрических насечек. Диаметр венчика — 25–26 см, диаметр поддона — 9 см, высота изделий — 4,5–5 см. Инв. № 26/37548, 27/37548 (рис. 1, 7–10).

Дата: середина II — первая половина III в. н. э. (Журавлев, Ломтадзе 1999: 100, рис. 3, 29; Нессель 2000: 146–147, рис. 31, 4–13; Кленина 2004: 44–45, рис. 12, 122–123, 125–128, Журавлев 2007: 368–369, рис. 1, 4–6; 2010: 49–50, табл. 20, 131–133; Камелина 2012: 56–57, табл. 12, 1–4; 24, 13–17; Klenina 2015: 364, fig. 8).

*Миски.* Форма 14.3 по Журавлеву (Журавлев 2010: 54–55, табл. 23, 155–160). Глубокие сосуды полусферической формы на низком кольцевом поддоне, верхний край которых, как правило, закруглен и загнут внутрь. Диаметр венчика — 14,5–17 см, диаметр поддона — 6–8 см. Инв. № 28/37548, 29/37548, НВФ 13/1139 (рис. 2, 1–8, 11, 15–17).

Дата: эта форма появляется в I в. н. э., на крымских памятниках такие изделия наиболее массово встречаются среди материала II–III вв. н. э. (Нессель 2000: 143–144, рис. 29, 1–5, 7, 8; Кленина 2004: рис. 9, 85–100; 10, 101, 103–105; Уженцев, Труфанов 2004: 274, рис. 3, 22–25; Журавлев 2007: 375, рис. 4, 28, 29; 2010: 54–55, табл. 23, 155–160; Шаров 2007: 78–87, рис. 13, 8; Журавлев, Нессель 2011: 118–119, рис. 3, 3–6; Klenina 2003: 226, fig. 2, 1, 2; Kovalevskaja, Sarnowski 2003: 234, fig. 4, 1, 3, 4).

Форма 17.1 по Журавлеву (Журавлев 2010: 55, табл. 24, 165–170). Глубокие тонкостенные сосуды усеченно-конической формы, с сильно загнутым внутрь закругленным краем. Дно на кольцевом поддоне с внутренней подрезкой. Диаметр венчика — 13–14 см, диаметр поддона — 8,6 см. Инв. № 31/36548 (рис. 2, 9, 10, 12).

Дата: конец I — середина III в. н. э. (Kovalevskaja, Sarnowski 2003: 234, fig. 4, 2; Журавлев 2007: 376–377, рис. 5, 165–170; 2010: 55, табл. 24, 165–170).

Форма 20 по Журавлеву (Журавлев 2010: 56, табл. 25, 176). Фрагмент небольшой плоскодонной миски с расходящимися в стороны стенками. Диаметр дна — 4,7 см (рис. 3, 11).

Дата: конец II — начало III в. н. э. (Журавлев 2007: 378, рис. 6, 49; 2010: 56, табл. 25, 176).

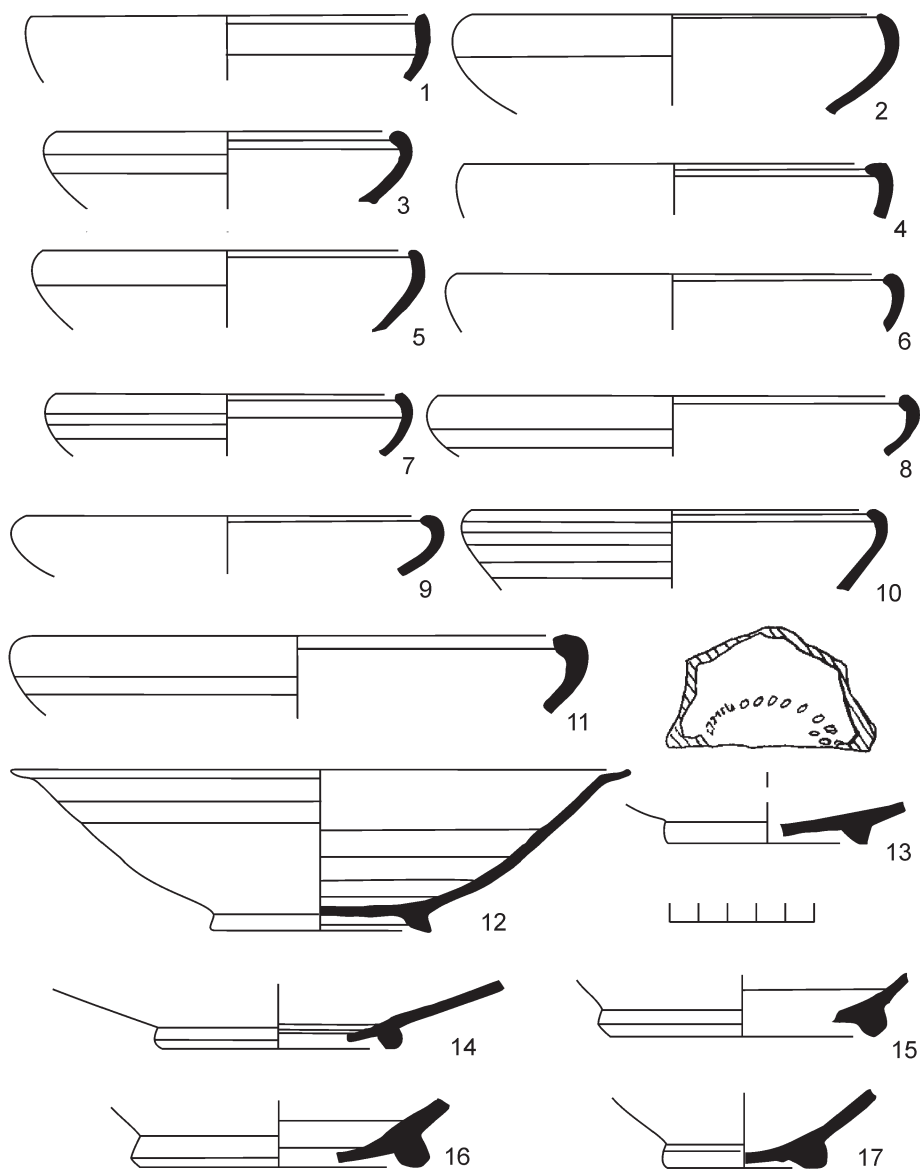


Рис. 2. Поселение на перешейке Маячного п-ова, фрагменты краснолаковой керамики, Понтийская сигиллата: 1–12, 15–17 — миски; 13, 14 — тарелки

Fig. 2. Settlement on the isthmus of the Mayachnyi peninsula, red-glazed pottery fragments, Pontic sigillata: 1–12, 15–17 — bowls; 13, 14 — plates

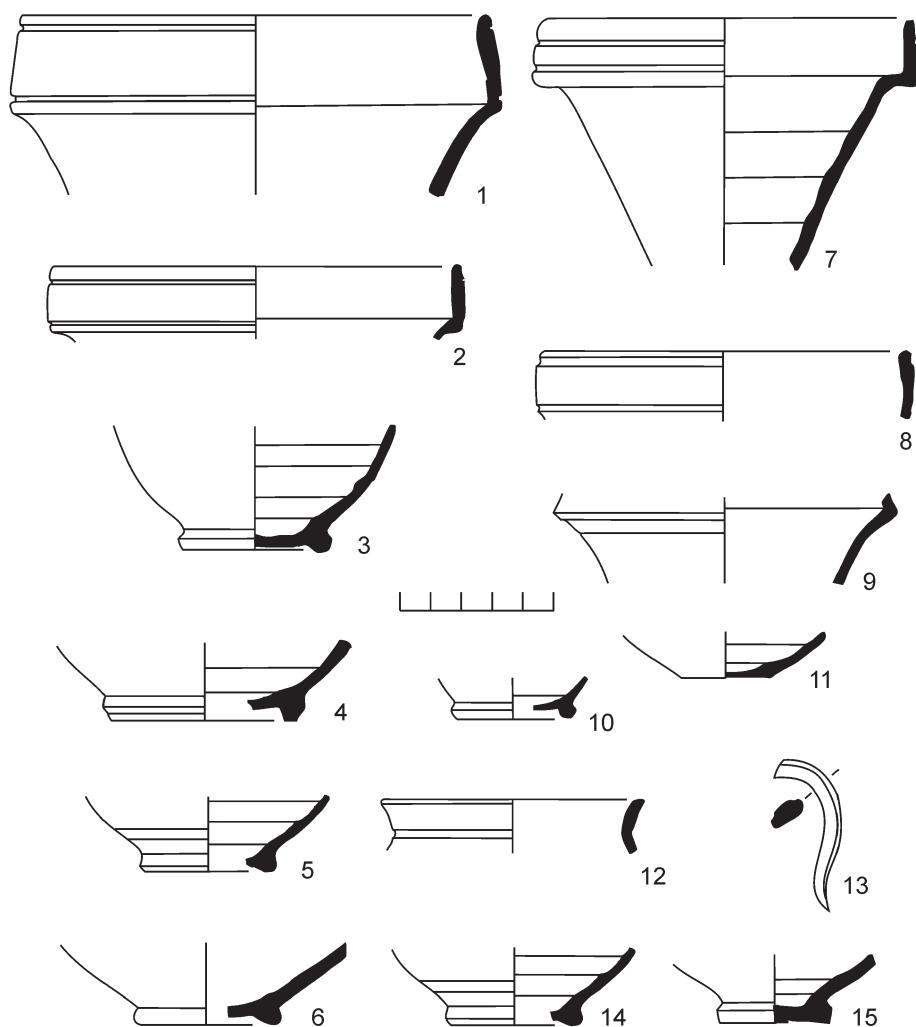


Рис. 3. Поселение на перешейке Маячного п-ова, фрагменты краснолаковой керамики: 1–10 — чаши; 11 — миска; 12–15 — кружки

Fig. 3. Settlement on the isthmus of the Mayachnyi peninsula, red-glazed pottery fragments: 1–10 — bowls; 11 — basin; 12–15 — cups

*Чашы.* Было обнаружено несколько фрагментов глубоких чаш с усеченно-коническим туловом на низком кольцевом поддоне, с высоким вертикальным бортиком, слегка наклоненным внутрь, профилированным в верхней и нижней части неглубокими желобками. Диаметр венчика — 12 см, диаметр поддона — 4,3–5,8 см. Инв. № 30/37548 (рис. 3, 1, 3, 4). По профилю сосуда напоминают

форму 28 по Журавлеву, но не имеют лентовидных ручек-налепов, так характерных для этой формы, датируемой концом I — началом II в. н. э. (Журавлев, Ломтадзе 1999: 100, рис. 3, 26–28; Журавлев 2007: 383, рис. 8, 64–65; 2010: 59, табл. 27, 191–192). Вероятно, что найденные чаши представляют дальнейшее развитие формы, происходившее уже позднее, с середины II в. н. э. и соответствующее форме VI по Хейсу (Hayes 1985: 94, tav. XXIII, 8; ср.: Ковалевская 1998: 95, рис. 3, 11; Нессель 2000: 149, рис. 32, 15, 21; 2011: 118, рис. 2, 4, 9, 11, 12; Кленина 2004: 52–54, рис. 18, 163–175; 19, 176–185; Ушаков 2004: 288–293, рис. 2, 3, 5, 7; Klenina 2003: 226, fig. 3, 2).

Форма V по Хейсу, форма 30.2 по Журавлеву (Hayes 1985: 94, tav. XXIII, 5, 6; Журавлев 2010: 60, табл. 27, 195–204). Чаши меньших размеров, по сравнению с предыдущей формой, с коническим туловом на очень низком кольцевом поддоне, с вертикальным бортиком, слегка наклоненным внутрь, в месте перехода бортика к стенке — выступающее ребро. Верхняя и нижняя часть бортика профилирована неглубокой кольцевой нарезкой. Диаметр венчика — 10–11 см, диаметр дна — 3,5–4,3 см. Инв. № 46/37445, НВФ 14/1139 (рис. 3, 2, 5–10).

Дата: последняя четверть I — середина II в. н. э. (Ковалевская 1998: 95, рис. 4, 7; Журавлев, Ломтадзе 1999: 99–100, рис. 3, 24–25; Нессель 2000: 149, рис. 32, 19, 22, 23; 2011: 118, рис. 2, 1–3, 5–8; Кленина 2004: 52, рис. 18, 164, 165, 169; Журавлев 2007: 384–385, рис. 8, 68–77; 2010: 60, табл. 27, 198–200, 202–203; Шаров 2007: 60–69, рис. 13, 5).

Кроме сосудов группы Понтийской сигиллаты А, среди материалов из раскопок здания первых веков нашей эры на античном поселении на перешейке Маячного п-ова были обнаружены краснолаковые изделия закрытых форм. Многие из них находят несомненное сходство с находками из Херсонеса и его окружи, а также могильников, расположенных в Юго-Западном Крыму. В 2010 г. Д. В. Журавлевым на основе керамики из позднескифских могильников Бельбекской долины была предпринята попытка классифицировать сосуды закрытых форм, исходя из их функционального назначения и характерных особенностей (столовые амфоры, кувшины, гуттусы, ойнохойи и т. д.) (Журавлев 2010: 70–94). Этот опыт классификации, проведенной на более чем 300 экз. краснолаковых сосудов, представляется нам довольно удачным, поэтому его основные схемы были восприняты и продолжены и в нашем исследовании. Качество и цвет глины и лака у всех закрытых сосудов весьма напоминает глину и лак сосудов Понтийской сигиллаты<sup>5</sup>, многие сосуды были покрыты лаком только до половины тулова, с потеками лака на поддоне.

*Кружки.* К этой категории находок относятся одноручные невысокие сосуды с грушевидным туловом, на низкой дисковидной подставке, с вертикальным, слегка отогнутым наружу венчиком, отделенным от тулова плоским валиком-налепом — форма 1 по Журавлеву (Журавлев 2010: 91–92, табл. 60–65, 488–557). Диаметр венчика — 8,5 см, диаметр дна — 3,5–4 см (рис. 3, 12–15).

<sup>5</sup> Лак — 2.5 YR 4/1–4/2 dark reddish gray — weak red; глина — 2.5 YR 6/4–6/6 light reddish brown — light red (Munsell 2000).

Дата: сосуды этой формы, чаще всего в публикациях называемые «кубками», весьма распространены во всем Северном Причерноморье и имеют широкую датировку I–III вв. н. э. (Кадеев 1970: 96–97, рис. 12, 3–6; Зубарь 1982: 76–77, рис. 48; Ковалевская 1998: 95, рис. 3, 12–14; Нессель 2000: 151, рис. 33, 1–8; 2011: 119, рис. 3, 10–12; Кленина 2004, с. 63–65, рис. 20, 188; Стржелецкий и др. 2005: 94, табл. XIX, 3–14; Klenina 2003: 226, fig. 3, 1).

*Кувшины.* Форма 20.1 по Журавлеву (Журавлев 2010: 83–84, табл. 53–54). Более всего было найдено обломков кувшинов с невысоким горлом, заканчивающимся вертикальным венчиком с острым или сглаженным ребром, в отдельных случаях на венчике имеется неглубокая горизонтальная врезка. Диаметр венчика — 6–8 см. Инв. № 27/37524 (рис. 4, 4, 5, 8, 9).

Дата: кувшины этой формы чаще всего встречаются в комплексах конца II — первой половины III в. н. э. (Нессель 2000: 153, рис. 33, 21–22, 27–28; 2011: 119, рис. 4, 1–7; Кленина 2004: 59, рис. 21, 200; Ушаков 2004: 291, рис. 1, 12, 15; Klenina 2003: 227, fig. 3, 4).

Форма 37 по Журавлеву (Журавлев 2010: 89, табл. 58, 478). Одноручный кувшин с коротким воронковидным горлом с маленьким отогнутым венчиком, имеющим косую верхнюю подрезку с внешней стороны, тулово почти шаровидной формы на плоском дне, с желобком на внутренней стороне, имитирующим поддон. Уплощенно-овальная ручка крепится прямо под венчиком. На тулове в средней части видно неглубокое рифление. Диаметр венчика — 6,8 см, диаметр дна — 5 см, высота изделия — 14 см. Сосуд почти полностью сохранился. Инв. № 25/37548 (рис. 4, 1).

Дата: сосуд с близкими морфологическими признаками из могильника Бельбек III в Юго-Западном Крыму датируется концом II — первой половиной III в. н. э. (Там же), к этому же времени относятся сходные по профилировке и размерам кувшины, обнаруженные в мог-ке «Совхоз-10» в округе Херсонеса (Стржелецкий и др. 2005: 98, табл. XX, 14).

Остальные кувшины сохранились крайне фрагментарно, поэтому отнесение их к нижеперечисленным формам достаточно условно.

Форма 4 по Журавлеву (Журавлев 2010: 76–77, табл. 44, 348, 350, 353–354; 45, 358). Верхняя часть горла с отогнутым наружу прямоугольным венчиком с плоским верхним краем. Диаметр венчика — 11 см (рис. 4, 6).

Дата: сосуды этой формы имеют широкий хронологический диапазон от I до III в. н. э., но наиболее часто встречаются среди материала II — первой половины III в. н. э. (Кленина 2004: 58–59, рис. 21, 206; Ушаков 2004: 291, рис. 1, 4; Шаров 2007: 52–54, рис. 13, 10; Журавлев 2010: 76–77, табл. 44–45, 354, 358; Нессель 2011: 119, рис. 4, 8–11).

Форма 11 по Журавлеву (Журавлев 2010: 79–80, табл. 48–49, 379–387). Верхняя часть кувшина с узким невысоким горлом с выступающим ребром в средней части. Венчик утрачен. Уплощенная ручка прикреплена на уровне ребра. Диаметр горла в узкой части — 3,6 см. Инв. НВФ 11/1139 (рис. 4, 10).



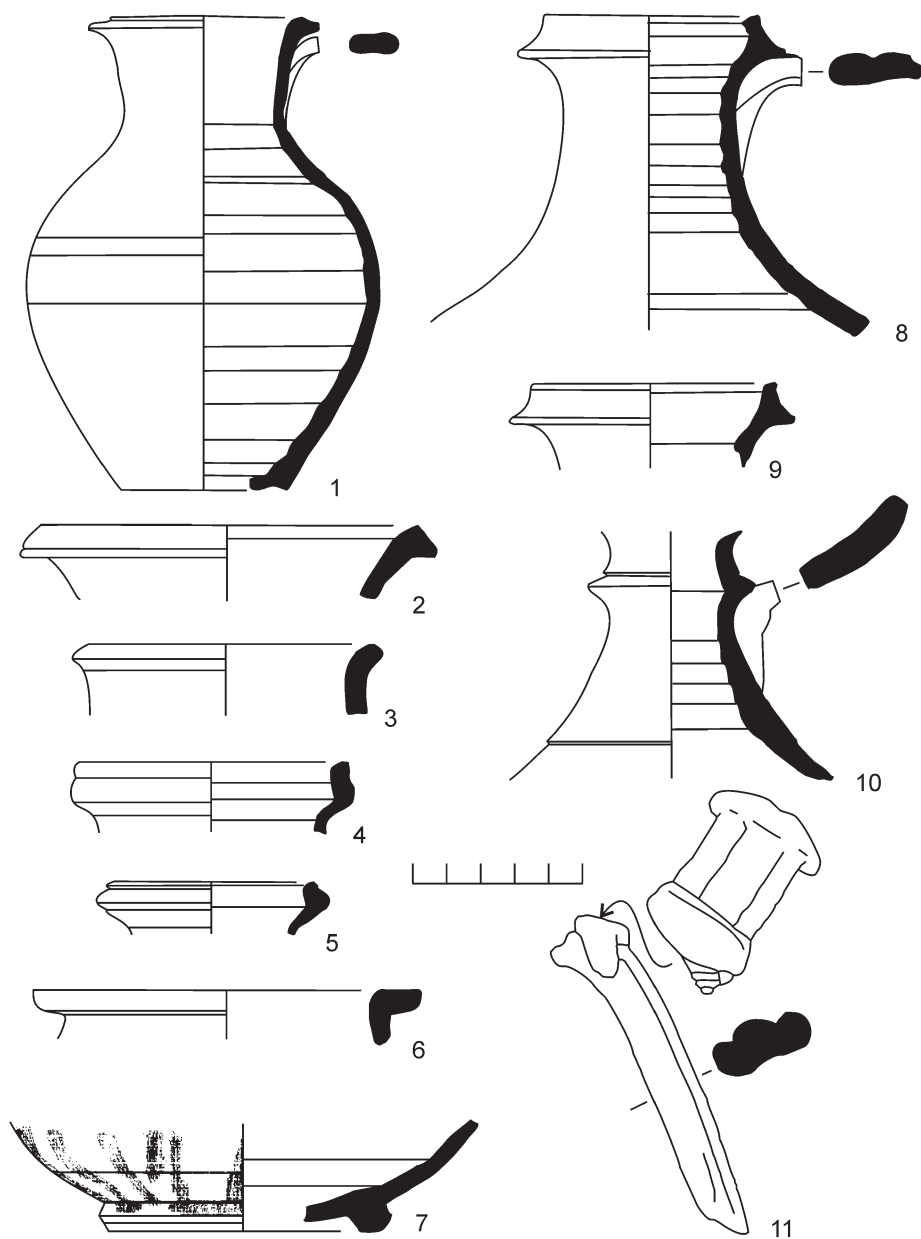


Рис. 4. Поселение на перешейке Маячного п-ова, фрагменты краснолаковых кувшинов  
 Fig. 4. Settlement on the isthmus of the Mayachnyi peninsula, fragments of red-glazed jars

Дата: сосуды такой формы чаще всего встречаются в северопричерноморских комплексах конца I–II вв. н. э., в отдельных случаях — в первой половине III в. н. э. (Кленина 2004: 60, рис. 22, 209; Стржелецкий и др. 2005: 100–101, табл. XXII, 1–10; Журавлев 2010: 79–80, табл. 48–49, 379–385).

Форма 19 по Журавлеву (Журавлев 2010: 82–83, табл. 52, 412, 414–418). Часть расширенного в верхней части горла с отогнутым наружу венчиком. Диаметр венчика — 11 см (рис. 4, 2).

Дата: по находкам в комплексах первых веков нашей эры на территории Крыма эта форма датируется II — началом III в. н. э. (Стржелецкий и др. 2005: 98, табл. XX, 12; Шаров 2007: 46–49, рис. 13, 3; Журавлев 2010: 82–83, табл. 52, 412, 414–418).

Форма 22.1 по Журавлеву (Журавлев 2010: 84–85, табл. 56, 447–449). Верхняя часть горла с маленьким, отогнутым наружу венчиком. Диаметр венчика — 9 см (рис. 4, 3).

Дата: конец I — III в. н. э. (Ср.: Стржелецкий и др. 2005: 101–102, табл. XXIII, 1–3; Шаров 2007: 49–52, рис. 13, 1; Журавлев 2010: 84–85, табл. 56, 447–449).

Следует отметить, что кроме кувшинов выделенных форм в общей массе краснолаковой керамики встречались единичные фрагменты других сосудов, не вошедших в классификацию Д. В. Журавлева. Таков, например, обломок профилированной ручки крупного сосуда, украшенной в верхней части горизонтальным лентовидным налепом (рис. 4, 11). В качестве аналогии для этого экземпляра можно указать на кратеровидный краснолаковый сосуд I в. н. э. из раскопок на хоре Херсонеса, ручки которого были оформлены таким же образом (Kovalevskaja, Sarnowski 2003: 234, fig. 4, 11).

Как показывает обзор краснолаковой керамики, значительную долю находок составляют сосуды, традиционные для керамических комплексов середины II — первой половины III в. н. э. Основываясь на этих результатах, можно с большой долей вероятности установить финальную фазу существования здания, откуда происходит весь комплекс находок. Мощный пожар, приведший к обрушению крыши, скорее всего, произошел не ранее первой половины III в. н. э. Время сооружения этой постройки устанавливается на основании самых ранних находок, обнаруженных на полах и участках двора и датируемых второй половиной I в. н. э.

Сам факт обнаружения строительного комплекса первых веков нашей эры на территории поселения позволяет по-новому взглянуть на проблему пространственной организации Маячного п-ова в этот период. Вероятно, что на отдельных участках поселения, возникшего еще в первой половине IV в. до н. э. и просуществовавшего вплоть до конца II в. до н. э., и в римское время существовали хозяйственные, а возможно, и жилые комплексы. Конечно, это пока только предположение, базирующееся на основании открытия одного здания и сопровождавшего его материала. Возможно, его можно будет проверить будущими археологическими изысканиями.

## Литература и источники

- Бертъе-Делагард 1907 — *Бертъе-Делагард А. Л.* Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам // Известия ИАК. 1907. Т. 21. С. 177–207.
- Жеребцов 1985 — *Жеребцов Е. Н.* Материалы к периодизации античных памятников Маячного полуострова // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 17–26.
- Журавлев 2005 — *Журавлев Д. В.* Краснолаковые понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV // ХС. 2005. Вып. 14. С. 141–168.
- Журавлев 2007 — *Журавлев Д. В.* Понтийская сигиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // БИ. 2007. Вып. 16. С. 366–448.
- Журавлев 2010 — *Журавлев Д. В.* Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Симферополь, 2010. 320 с. (МАИЭТ. Suppl. 9).
- Журавлев, Ломтадзе 1999 — *Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Керамический комплекс II в. н. э. с акрополя Пантикапея // ДБ. 1999. № 2. С. 98–113.
- Зубарь 1982 — *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.
- Зубарь 2007 — *Зубарь В. М.* Хора Херсонеса Таврического на Гераклеийском полуострове (история раскопок и некоторые итоги изучения). Киев: Стилос, 2007. 318 с.
- Кадеев 1970 — *Кадеев В. И.* Очерки экономики Херсонеса в I–IV веках н. э. Харьков: Изд-во Харьковского ГУ, 1970. 164 с.
- Камелина 2012 — *Камелина Г. А.* Керамический комплекс из раскопок нижней оборонительной стены Харакса (по материалам раскопок В. Д. Блаватского в 1935 г.) // ПИФК. 2012. Вып. 2 (36). С. 46–90.
- Кленина 2004 — *Кленина Е. Ю.* Керамические сосуды II–III вв. н. э. из усадьбы «Близнецы» (хора Херсонеса Таврического). Poznań: Poznańska Drukarnia Naukowa. 2004. 112 с.
- Книпович 1952 — *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // Гайдукевич В. Ф., Максимова М. И. (ред.). Боспорские города. Т. 1: Итоги археологических исследований Тиритак и Мирмекия в 1935–1940 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 289–326 (МИА. № 25).
- Ковалевская 1998 — *Ковалевская Л. А.* Керамический комплекс конца II — III в. н. э. из раскопок виллы 341 // ХС. 1998. Вып. 9. С. 89–99.
- Нессель 2000 — *Нессель В. А.* Столовая керамика // Сарновски Т., Савеля О. Я. (ред.). Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава: Puszka Pandory, 2000. С. 140–154.
- Нессель 2011 — *Нессель В. А.* Столовая керамика из раскопок римского военного поста в округе Херсонеса Таврического // ХС. 2011. Вып. 16. С. 117–127.
- Николаенко 1999 — *Николаенко Г. М.* Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Севастополь: Изд-во Национального заповедника «Херсонес Таврический», 1999. Ч. 1. 84 с.
- Николаенко 2004 — *Николаенко Г. М.* Хора Херсонеса Таврического // Самойлова Т. Л. (ред.). Античные памятники Крыма. Киев: Мистецтво, 2004. С. 193–220.
- Николаенко и др. 2007 — *Николаенко Г. М., Демьянчук С. Г., Нессель В. А., Олтаржевский Г. А., Петроковский А. И.* Отчет Гераклеийской экспедиции о раскопках на западном берегу Казачьей бухты в 2006 г. Ч. 1 // НА НЗХТ, д. 3869.
- Николаенко и др. 2009 — *Николаенко Г. М., Демьянчук С. Г., Нессель В. А., Олтаржевский Г. А., Петроковский А. И.* Отчет о раскопках укрепленного поселения на западном берегу Казачьей бухты в 2008 г. // НА НЗХТ, д. 3989.

Рогов 2005 — *Рогов Е. Я.* Греки и варвары в Западном Крыму // Марченко К. К. (отв. ред.). Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетея, 2005. С. 137–210 (Античная библиотека).

Сапрыкин 1994 — *Сапрыкин С. Ю.* О внутренней колонизации Херсонеса Таврического // ВДИ. 1994. № 3. С. 126–144.

Стржелецкий и др. 2005 — *Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И.* Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз-10») // STRATUMplus. 2003–2004. 2005. № 4. С. 24–277.

Уженцев, Труфанов 2004 — *Уженцев В. Б., Труфанов А. А.* Краснолаковая керамика из Калос-Лимена // ХС. 2004. Вып. 13. С. 265–284.

Ушаков 2004 — *Ушаков С. В.* Херсонесская сигиллата (к постановке проблемы) // Там же. С. 285–296.

Шаров 2007 — *Шаров О. В.* Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами. СПб.: Нестор-История, 2007. 208 с. (Материалы и исследования Славяно-Сарматской экспедиции. Вып. 1).

Щеглов 1994 — *Щеглов А. Н.* «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Могаричев Ю. М. (ред.). Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь: Таврия, 1994. С. 8–42.

Hayes 1985 — *Hayes J. W.* Sigillate Orientali // Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Atlante delle Forme Ceramiche II, Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Tardo Ellenismo e Primo Impero). Roma: Istituto poligrafico e Zecca Dello Stato, 1985. 96 p.

Klenina 2003 — *Klenina E.* Some aspects of the table earthenware of the 2<sup>nd</sup> — 3<sup>rd</sup> centuries AD from Chersonesos Taurica // REI CRETARIÆ ROMANÆ FAVORVM ACTA. 2003. 38. P. 225–228.

Klenina 2015 — *Klenina E.* Ceramic Production of Tauric Chersonesos in the Roman Period // Tomas A. (ed.). Ad Fines Imperii Romani. Studia Thaddaeo Sarnowski septuagenario ab amicis, colleges discipulisque dedicate. Warszawa: IA, University of Warsaw, 2015. P. 359–373.

Kovalevskaja, Sarnowski 2003 — *Kovalevskaja L., Sarnowski T.* La vaisselle des habitants d'une maison rurale de l'époque romaine dans la chôra de Chersonèse Taurique // REI CRETARIÆ ROMANÆ FAVORVM ACTA. 2003. 38. P. 229–235.

Munsell 2000 — Munsell Soil color charts. New York: Munsell Color Co., 2000.

Sultov 1985 — *Sultov B.* Ceramic production on the territory of Nicopolis ad Istrum (II<sup>nd</sup> — IV<sup>th</sup> centuries). Sofia, 1985. 132 p. (Terra Antiqua Balcanica. Vol. 1).

Zhuravlev 2000 — *Zhuravlev D.* Terra sigillata and red slip pottery from the Late Skythian necropoleis of the South-Western Crimea (1<sup>st</sup> — 3<sup>rd</sup> centuries AD) // REI CRETARIÆ ROMANÆ FAVORVM ACTA. 2000. 36. P. 151–160.

## RED-GLAZED POTTERY FROM THE EXCAVATIONS OF AN ANTIQUE SETTLEMENT ON THE WESTERN COAST OF THE KAZACHIYA BAY (MAYACHNYI PENINSULA)

V. A. NESSEL

**Keywords:** *classical antiquity, settlement, Mayachnyi peninsula, Tauric Chersonesos, red-glazed pottery, Pontic sigillata A, vessels, glaze, clay.*

A building dated to the first centuries of our era was discovered and studied at the antique settlement of Mayachnoe, 10 km west of Tauric Chersonesos. A considerable part of ceramic finds is represented by red-glazed vessels of both open and closed type. The assemblage is dominated by the pottery belonging to the Pontic sigillata A group. In all likelihood, these vessels were manufactured in the North Black Sea region. They are represented by various types of plates, basins and bowls (fig. 1–3). In addition, the collection of red-glazed pottery from the building contains cups and jars (fig. 3–4). They too could have been produced in the North Black Sea region, may be in the very same workshops where the Pontic sigillata A pottery comes from. On the whole, the finds from the building can be dated to the late I — early III c. AD, and the main mass of things to the middle II — early III c. AD. The building was destroyed as a result of a fire. The analysis of finds allows to ascertain the time of this event.

### Literature and archive sources

Бертъе-Делагард 1907 — *Bert'e-Delagard A. L. Drevneyshiy Hersones po Strabonu i raskopkam (Oldest Chersonesos according to Strabo and excavations) // Izvestiya Imp. Arheologicheskoy komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission). St. Petersburg, 1907. Vol. 21. P. 177–207 (in Russian).*

Жеребцов 1985 — *Zherebcov E. H. Materialy' k periodizacii antichny'h pamyatnikov Mayachnogo poluostrova (Materials for the periodization of the Antique sites of the Mayachnyi peninsula) // Kratkie soobsh'eniya Instituta arheologii (BCLA). 1981. Vol. 168. P. 17–26 (in Russian).*

Журавлев 2005 — *Juravlev D. V. Krasnolakovy'e pontiyskie tarelki s vertikal'ny'm bortikom iz mogil'nika Bel'bek IV (Red-figured Pontian plates with vertical rims from the cemetery of Belbek IV) // Chersonesskij sbornik (Chersonesos collection). Sevastopol, 2005. Vol. 14. P. 141–168 (in Russian).*

Журавлев 2007 — *Juravlev D. V. Pontiyskaya sigillata iz mogil'nikov Bel'bek III i Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Kry'mu (Pontic sigillatum from Bel'bek III and Bel'bek IV tumuli in the South-West Crimea) // Bosporskie issledovanija (BS). Simferopol; Kerch, 2007. Vol. 16. P. 366–448 (in Russian).*

Журавлев 2010 — *Juravlev D. V. Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kry'ma I–III vv. n. e'. (po materialam pozdnieskifskih nekropoley Bel'bekskoy doliny') (Red-glazed pottery of the Southwestern Crimea of the I–III cc. AD [based on the materials of the Late Scythian cemeteries of the Belbek valley]). Simferopol, 2010. 320 p. (Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria. Suppl. 9) (in Russian).*

Журавлев, Ломтадзе 1999 — *Juravlev D. V., Lomtadze G. A. Keramicheskij kompleks II v. n. e'. s akropolya Pantikapeya (Pottery assemblage of the II c. AD from the acropolis of Pantikapeum) // Drevnosti Bospora (Antiquities of Bosporus). 1999. No. 2. P. 98–113 (in Russian).*

Зубарь 1982 — *Zubar' V. M. Nekropol' Hersonesa Tavricheskogo I–IV vv. n. e'. (The necropolis of Tauric Chersonesos of the I–IV cc. AD). Kiev: Naukova dumka, 1982. 144 p. (in Russian).*

Зубарь 2007 — *Zubar' V. M. Hora Hersonesa Tavricheskogo na Gerakleyskom poluostrove (istoriya raskopok i nekotory'e itogi izucheniya) (The chora of Tauric Chersonesos on the Heracleian peninsula [history of excavations and some results of the study]). Kiev: Stilos, 2007. 318 p. (in Russian).*

Кадеев 1970 — *Kadeev V. I. Ocherki e'konomiki Hersonesa v I–IV vekah n. e' (Essay on the economy of Chersonesos in the I–IV cc. AD). Har'kov: Har'kov SU, 1970. 164 p. (in Russian).*

Камелина 2012 — *Kamelina G. A. Keramicheskij kompleks iz raskopok nijney oboronitel'noy steny' Haraksa (po materialam raskopok V. D. Blavatskogo v 1935 g.) (Ceramic Complex from the Excavation of the Charax Lower Defensive Wall [according the materials of excavations*

by Blavatsky in 1935]) // Problemy' istorii, filologii i kul'tury' (*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*). 2012. Vol. 2. P. 46–90 (in Russian).

Кленина 2004 — *Klenina E. Yu.* Keramicheskie sosudy' II–III vv. n. e'. iz usad'by' «Blizne-cy'» (hora Hersonesa Tavricheskogo) (*Ceramic vessels of the II–III cc. AD from the «Twins» manor [the chora of Tauric Chersonesos]*). Poznań: Poznańska Drukarnia Naukowa. 2004. 112 p. (in Russian).

Книпович 1952 — *Knipovich T. N.* Krasnolakovaya keramika pervy'h vekov n. e'. iz raskopok Bosporskoj e'kspedicii 1935–1940 gg. (*Red-glazed pottery of the first centuries AD from the excavations of the Bosphorus expedition in 1935–1940*) // Gaydukevich V. F., Maksimova M. I. (eds.). Bosporskie goroda (*Bosporan cities*). Vol. 1: Itogi arheologicheskikh issledovaniy Tiritaki i Mirmekiya v 1935–1940 gg. (*Results of archaeological studies at Tyritake nad Myrmekion in 1935–1940*). M.; L.: AS of the USSR, 1952. P. 289–326 (in Russian) (MSA. No. 25).

Ковалевская 1998 — *Kovalevskaya L. A.* Keramicheskiy kompleks konca II — III v. n. e'. iz raskopok villy' 341 (*Pottery assemblage of the late II — III c. AD from the excavations of villa 341*) // Heroneskiy sbornik (*Chersonesos collection*). Sevastopol, 1998. Vol. 9. P. 89–99 (in Russian).

Нессель 2000 — *Nessel' V. A.* Stolovaya keramika (*Table ware*) // Sarnovski T., Save-lya O. Ya. (eds.). Balaklava. Rimskaya voennaya baza i svyatilisch'e Yupitera Dolihena (*Balaklava. Roman military post and a sanctuary of Jupiter Dolichenus*). Warszawa: Puzska Pandory, 2000. P. 140–154 (in Russian).

Нессель 2011 — *Nessel' V. A.* Stolovaya keramika iz raskopok rimskogo voennogo posta v okruge Hersonesa Tavricheskogo (*Table ware from the excavations of a Roman military post in the vicinity of Tauric Chersonesos*) // Heroneskiy sbornik (*Chersonesos collection*). Sevastopol, 2011. Vol. 16. P. 117–127 (in Russian).

Николаенко 1999 — *Nikolaenko G. M.* Hora Hersonesa Tavricheskogo. Zemel'ny'y kadastr IV–III vv. do n. e'. (*The chora of Tauric Chersonesos. Land register of the IV–III cc. BC*). Sevastopol: National Reserve of «Tauric Chersonesos», 1999. Pt. 1. 84 p. (in Russian).

Николаенко 2004 — *Nikolaenko G. M.* Hora Hersonesa Tavricheskogo (*The chora of Tauric Chersonesos*) // Samoylova T. L. (ed.). Antichny'e pamyatniki Kry'ma (*Ancient Greek sites in the Crimea*). Kiev: Mistectvo, 2004. P. 193–220 (in Russian).

Николаенко и др. 2007 — *Nikolaenko G. M., Dem'yanchuk S. G., Nessel' V. A., Oltarjevskiy G. A., Petrokovskiy A. I.* Otchet Gerakleyskoj e'kspedicii o raskopkah na zapadnom beregu Kazach'ey buhty' v 2006 g. (*Report of the Heracleian Expedition about its excavations on the west coast of the Kazachya bay in 2006*). Pt. 1 // Scholarly archive of the National Reserve of «Tauric Chersonesos», doc. 3869 (in Russian).

Николаенко и др. 2009 — *Nikolaenko G. M., Dem'yanchuk S. G., Nessel' V. A., Oltarjevskiy G. A., Petrokovskiy A. I.* Otchet o raskopkah ukreplennogo poseleniya na zapadnom beregu Kazach'ey buhty' v 2008 g. (*Report of the excavations of a fortified settlement on the west coast of the Kazachya bay in 2008*). Pt. 1 // Scholarly archive of the National Reserve of «Tauric Chersonesos», doc. 3989 (in Russian).

Рогов 2005 — *Rogov E. Ya.* Greki i varvary' v Zapadnom Kry'mu (*Greeks and barbarians in Western Crimea*) // Marchenko K. K. (ed.). Greki i varvary' Severnogo Prichernomor'ya v skifskuyu e'pohu (*Greeks and barbarians of the North Black Sea region in the Scythian epoch*). St. Petersburg: Aletyya, 2005. P. 137–210 (in Russian).

Сапрыкин 1994 — *Saprykin S. Yu.* O vnutrenney kolonizatsii Hersonesa Tavricheskogo (*On internal colonization of Tauric Chersonesos*) // Vestnik drevney istorii (*Herald of ancient history*). 1994. No 3. P. 126–144 (in Russian).

Стржелецкий и др. 2005 — *Strzeleckiy S. F., Vysotskaya T. N., Ryjova L. A., Jestkova G. I.* Naselenie okrugy Hersonesa v pervoy polovine I ty'syacheletiya novoy e'ry' (po materialam nek-

ropolya «Sovhoz-10») (*The Population in the Neighborhood of Chersonesos Tauricus in the First Half of 1<sup>st</sup> Millenium A. D. [by materials of the necropolis "Sovkhoz no. 10"]*) // STRATUMplus, 2003–2004. 2005. No. 4. P. 24–277 (in Russian).

Уженцев, Труфанов 2004 — *Ujencev V. B., Trufanov A. A. Krasnolakovaya keramika iz Kalos-Limena (Red-glazed pottery from Kalos-Limen)* // *Hersonesskiy sbornik (Chersonesos collection)*. Sevastopol, 2004. Vol. 13. P. 265–284 (in Russian).

Ушаков 2004 — *Ushakov S. V. Hersonesskaya sigillata (k postanovke problemy')* (*Chersonesos sigillata [problem statement]*) // *Ibid.* P. 285–296 (in Russian).

Шаров 2007 — *Sharov O. V. Keramicheskiy kompleks nekropolya Chaty'r-Dag. Hronologiya kompleksov s rimskimi importami (Pottery assemblage of the Chatyr-Dag necropolis. The chronology of assemblages with Roman imports)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. 208 p. (Materials and studies of the Slavonic-Sarmatian Expedition. Vol. 1) (in Russian).

Щеглов 1994 — *Sch'eglov A. N. «Stary'y» Hersones Strabona. Ukreplenie na peresheyke Mayachnogo poluostrova: topografiya i fortifikaciya (Strabo's «Old» Chersonesos. The defences on the Mayachnyi peninsula isthmus: topography and fortifications)* // *Mogarichev Yu. M. (ed.). Problemy' istorii i arheologii Kry'ma (Problems in history and archaeology of Crimea)*. Simferopol: Tavriya, 1994. P. 8–42 (in Russian).

Hayes 1985 — *Hayes J. W. Sigillate Orientali* // *Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Atlante delle Forme Ceramiche II, Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Tardo Ellenismo e Primo Impero)*. Roma: Istituto poligrafico e Zecca Dello Stato, 1985. 96 p.

Klenina 2003 — *Klenina E. Some aspects of the table earthenware of the 2<sup>nd</sup> — 3<sup>rd</sup> centuries AD from Chersonesos Taurica* // *REI CRETARIÆ ROMANÆ FAVORVM ACTA*. 2003. 38. P. 225–228.

Klenina 2015 — *Klenina E. Ceramic Production of Tauric Chersonesos in the Roman Period* // *Tomas A. (ed.). Ad Fines Imperii Romani. Studia Thaddaeo Sarnowski septuagenario ab amicis, colleges discipulisque dedicate*. Warszawa: IA, University of Warsaw, 2015. P. 359–373.

Kovalevskaja, Sarnowski 2003 — *Kovalevskaja L., Sarnowski T. La vaisselle des habitants d'une maison rurale de l'époque romaine dans la chôra de Chersonèse Taurique* // *REI CRETARIÆ ROMANÆ FAVORVM ACTA*. 2003. 38. P. 229–235.

Munsell 2000 — *Munsell Soil color charts*. New York: Munsell Color Co., 2000.

Sultov 1985 — *Sultov B. Ceramic production on the territory of Nicopolis ad Istrum (II<sup>nd</sup> — IV<sup>th</sup> centuries)*. Sofia, 1985. 132 p. (*Terra Antiqua Balcanica*. Vol. 1).

Zhuravlev 2000 — *Zhuravlev D. Terra sigillata and red slip pottery from the Late Skythian necropoleis of the South-Western Crimea (1<sup>st</sup> — 3<sup>rd</sup> centuries AD)* // *REI CRETARIÆ ROMANÆ FAVORVM ACTA*. 2000. 36. P. 151–160.

# ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ОПИСАНИЯ АНТИЧНЫХ КАМЕННЫХ КЛАДОК СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Т. В. ОЛЕЙНИК

**Ключевые слова:** *каменные кладки, методика классификации, система и техника кладки, методика С. Д. Крыжицкого.*

Каменные кладки стен являются самой распространенных категорий строительных остатков, с которыми приходится иметь дело исследователям античных памятников. Однако методика, применяемая различными исследователями для характеристики каменных строений, лишена систематического и четко установленного общепринятого порядка. Основой для создания унифицированной методики, позволяющей обеспечить максимальную полноту словесного описания строительных остатков, могут послужить труды С. Д. Крыжицкого, посвященные классификации античных кладок Северного Причерноморья. С помощью такой методики можно будет воссоздать облик античных строений при полном их разрушении и даже отсутствии каких-либо графических изображений.

Кладки стен являются, наверное, одной из самых распространенных категорий строительных остатков, с которыми приходится иметь дело исследователям античных памятников. Существует целый ряд научных трудов, посвященных вопросам характеристики разновидностей и областям применения тех или иных кладок (Кирштейн 1909: 85; Гриневиц 1926; 1927; 1930; 1953; Архитектура античного мира 1940; Башкиров 1948; Карасев 1955; 1959; Осипов и др. 1962: 113, 117; Крыжицкий 1965; 1981; 1993; Daremberg et al. 1900; Scranton 1941: 23; Martin 1965: 273–390, fig. 174, 182; Orlandos 1968: 127–160, fig. 160; 165, 2; Wright 2000–2009; Adam 2005). Однако, несмотря на широкую известность и простоту доступа, труды эти не пользуются должным спросом на практике, вследствие чего полнота описания строительных остатков в ряде случаев до сих пор остается далекой от исчерпывающей или не отражает реальной картины. Это объясняется тем, что методика, применяемая различными исследователями для характеристики каменных построек, лишена систематического и четко установленного общепринятого порядка. Так, нередко при их описании ограничиваются лишь указанием количества лицевых сторон фасада стены, слоев и рядов (при этом могут путаться слои и ряды), регулярности/иррегулярности системы, наличия забутовки и названия породы камней. Порой регулярную рядовую кладку принимают за бутовую, особенно в случае, когда плохая обработка камня (или полное отсутствие таковой) создает иллюзию неаккуратности, бессистемности и хаотичности кладки.

Нередко при реставрации кладок приходится наблюдать картину, когда для восполнения утрат применяются системы и техники кладки, резко отличные от исходной, что неизбежно ведет к потере памятником археологии своего



изначального, подлинного облика. В некоторых случаях такой подход может стать причиной нарушения работы конструкций и перераспределения нагрузок на их несущие элементы или даже к разрушению памятника.

Особенно печальным является сочетание обеих ситуаций, когда объект, не получивший изначального надлежащего описания его исследователями (к примеру, в случаях, когда подробные чертежи отсутствуют, а качество фотоснимков неудовлетворительно), претерпел многократные «реставрации» подобного рода, и современное его состояние уже не позволяет установить точный первоначальный характер примененных строительных приемов.

Выход из ситуации следует видеть в широкомасштабном внедрении единого способа описания кладок (который, конечно же, может варьироваться, с учетом хронологических и региональных особенностей, несомненно, имеющих место). Насущно необходимо ввести в *практический* оборот незаслуженно забытые труды С. Д. Крыжицкого (Крыжицкий 1965: 39–47; 1981: 35–41; 1993: 35–36, 60–62), посвященные методике классификации античных кладок Северного Причерноморья, учитывающие предыдущий опыт как отечественных, так и зарубежных коллег. Его разработки, облеченные в форму таблиц для удобства и быстроты применения как в полевых, так и в кабинетных условиях, могут послужить столь необходимой в данном случае системообразующей основой.

Предложенная нами в этой статье методика классификации, изначально составленная С. Д. Крыжицким для систематизации описаний античных кладок Северного Причерноморья (т. е. имеющая региональный характер), может быть вполне успешно применена с учетом местных особенностей и традиций строительства и для других регионов/периодов. Не может быть сомнений в том, что чем скорее получит применение единый способ классификации каменных кладок, тем скорее и проще будет решаться задача выявления хронологических и территориальных особенностей распространения строительных приемов. Все это со временем может привести к образованию «нового витка» создания классификаций кладок, при этом — уже с учетом их периодизации, а также географической, культуроформирующей и прочих составляющих.

Цель создания данной методики — обеспечить максимальную полноту словесного описания каменной кладки, так чтобы с его помощью можно было воссоздать облик первоначальной конструкции даже при полной ее утрате, отсутствии каких-либо графических ее изображений или неудовлетворительном качестве последних.

Ниже предложены таблицы, составленные для удобства описания кладок. Первая часть (табл. 1) содержит *индивидуальные* параметры, вторая (табл. 2) — набор *системообразующих* признаков (создана автором этой статьи на основании методики классификации кладок, предложенной С. Д. Крыжицким).

Таблица 1

**Индивидуальная характеристика кладки<sup>1</sup>**

НАИМЕНОВАНИЕ ЗДАНИЯ/СООРУЖЕНИЯ КЛАДКА №	
<b>1. Чертеж-схема способа кладки (с указанием масштаба)</b>	
а	план
б	фас 1
в	фас 2 (при наличии)
г	торец 1 (при наличии)
д	торец 2 (при наличии)
<b>2. Фото кладки (с указанием масштаба, желательно горизонтального и вертикального)</b>	
а	вид сверху
б	фас 1
в	фас 2 (при наличии)
г	торец 1 (при наличии)
д	торец 2 (при наличии)
<b>3. Датировка/предварительная датировка</b>	
а	датирующий материал/признак
б	относительная периодизация (строительный этап)
<b>4. Ориентация объекта в пространстве (для строений, состоящих более чем из одной кладки)</b>	
а	ориентация длинной оси объекта по сторонам света (для строений, состоящих более чем из одной кладки)
б	ориентация кладки по сторонам света
в	ориентация объекта/отдельной кладки относительно близлежащих объектов (уходит ли какой-либо [С, З, Ю, В] из своих оконечностей в борт раскопа — для исследуемых на данный момент объектов)
<b>5. Вертикальный уровень расположения относительно других кладок и слоев</b>	
<b>6. Объемно-пространственные параметры</b>	
а	ширина (м):
	- min**
	- mid
	- max**

<sup>1</sup> Пункты таблиц, помеченные «\*\*», могут быть опущены при использовании сокращенной версии данной методики характеристики каменных кладок.

б	высота (м):
	- min**
	- mid**
	- max
в	длина (м)/не менее ... (м):
	- по внешней стороне - по внутренней стороне
г	толщина слоев (для двух- и трехслойных кладок)
д	количество сохранившихся/видимых вертикальных рядов (шт.):
	- min**
	- mid**
	- max
е	средняя высота одного ряда (м) при наличии горизонтальных рядов (при наличии различных видов систем кладки в одной стене необходимо указывать для каждого вида; при наличии различных частей стены — для каждой части):
	- min** (для уступчатых, переменных, псевдоисодомных)
	- mid** (для псевдоисодомных)
	- max (для уступчатых, переменных, псевдоисодомных)
ж	средний размер блока/плиты в кладке (длина, ширина, высота) (при наличии различных видов систем кладки в одной стене необходимо указывать средний размер камня для каждого вида; при наличии различных частей стены — для каждой части):
	- для лицевой кладки**
	- для забутовки**
<b>7. Наличие деформаций (п. VI.1)/утрат</b>	
а	место, где зафиксирована деформация/утрата (назначение кладки) [см. п. IV.1; 2]
б	размеры деформации/утраты

Позволим себе остановиться на первой части характеристики кладок, учитывая, что вторая подробно разобрана в упомянутых выше публикациях С. Д. Крыжицкого (Крыжицкий 1965: 39–47; 1981; 1993: 35–36, 60–62). В табл. 1 содержатся только индивидуальные параметры кладок (длина-ширина-высота сохранившегося участка стены, положение относительно сторон света и т. д.), совокупность которых в определенном сочетании носит неповторимый характер, а потому не поддается и не нуждается в классификации (например, было бы абсурдным классифицировать кладки по длине сохранившегося их участка или количеству видимых на поверхности вертикальных рядов — эти признаки имеют исключительно ситуативный характер). По этой причине они вынесены отдельно от общих системообразующих и типобразующих признаков.

Таблица 2

**Характеристика каменных кладок (по методике С. Д. Крыжицкого)<sup>2</sup>**

I. В ПОПЕРЕЧНОМ ВЕРТИКАЛЬНОМ СЕЧЕНИИ (для двух- и трехслойных кладок, в случае применения различных систем и техник кладки для каждого вертикального слоя — необходимо приводить характеристику по пунктам I–VII для каждого из них)	
<b>1. Количество слоев, параллельных плоскости фасада</b>	
а	однослойная:
	- однолицевая (обработка с одной стороны)
	- двухлицевая (обработка с двух сторон)
б	двухслойная:
	- однолицевая (с применением бута)
	- двухлицевая
в	трехслойная (с забутовкой среднего слоя)
<b>2. Количество фасадов</b>	
а	однолицевая
б	двухлицевая
II. СИСТЕМА КЛАДКИ	
<b>1. Положение камней в кладке</b>	
а	орфостатная:
	- простая (в одном ряду камни уложены на постель, в другом — орфостатно)
	- сложная (чередование на фасаде в орфостатном ряду тычков и постелей)
б	постелистая (укладка на постель)
в	ложковая (ориентировка на фасад ложком)
г	тычковая (ориентировка на фасад тычком)
д	ложково-тычковая (чередование на фасаде ложков и тычков)
<b>2. Наличие или отсутствие горизонтальных рядов</b>	
а	<b>нерядовые</b>
•	<b>нерегулярные (без соблюдения горизонтальности рядов)</b>
	бутовая
	уступчатая
	орфостатная
	постелистая (укладка на постель)
	ложковая (ориентировка на фасад ложком)
	тычковая (ориентировка на фасад тычком)
ложково-тычковая (чередование на фасаде ложков и тычков)	

<sup>2</sup> Таблица составлена Т. В. Олейник на основании методики классификации кладок, предложенной С. Д. Крыжицким (Крыжицкий 1981). Пункты таблицы, помеченные «\*», дополнены/внесены Т. В. Олейник.

●	<b>полигональные (из камня полигональной формы, притесанного на стыках, без соблюдения горизонтальности рядов)</b>
	лесбийская (с криволинейной конфигурацией швов по фасаду)
	простая
	уступчатая
	орфостатная
	полигональная
	шахматная
	постелистая (укладка на постель)
	ложковая (ориентировка на фасад ложком)
	тычковая (ориентировка на фасад тычком)
	ложково-тычковая (чередование на фасаде ложков и тычков)
циклопическая	
б	<b>рядовые (с соблюдением горизонтальности рядов; к рядовым также относятся кирпичные кладки)</b>
●	<b>однорядные (состоят из одинаково уложенных по высоте камней)</b>
	орфостатная:
а	- простая (в одном ряду камни уложены на постель, в другом — орфостатно)
	- сложная (чередование на фасаде в орфостатном ряду тычков и постелей)
б	полигональная
в	шахматная
г	постелистая (укладка на постель)
д	ложковая (ориентировка на фасад ложком)
е	тычковая (ориентировка на фасад тычком)
ж	ложково-тычковая (чередование на фасаде ложков и тычков)
●	<b>двухрядные (ряды одинаково уложенных камней чередуются через один; к двухрядным также относится кладка <i>opus spicatum</i>)</b>
	орфостатная:
а	- простая (в одном ряду камни уложены на постель, в другом — орфостатно)
	- сложная (чередование на фасаде в орфостатном ряду тычков и постелей)
	полигональная
	шахматная
б	постелистая (укладка на постель)
в	ложковая (ориентировка на фасад ложком)
г	тычковая (ориентировка на фасад тычком)
д	ложково-тычковая (чередование на фасаде ложков и тычков)
●	<b>трехрядная</b>
●	<b>четырёхрядная</b>
●	<b>более рядов...</b>
●	<b>смешанная (из рядов природного камня и обожженного кирпича, чередующихся по высоте)</b>

III. МАТЕРИАЛ	
<b>1. Форма</b>	
а	<b>плит/блоков в целом</b> (для лицевой кладки* и для забутовки [см. п. IV.7.а]***)
	квадровые
	прямоугольные
	подтреугольные*
	полигональные (при отсутствии прямоугольности и любом числе)
	клинчатые
б	<b>фасадной стороны камней</b>
	трапецидальные
	прямоугольные
	подтреугольные*
	полигональные
	клинчатые
<b>2. Обработка</b>	
а	<b>необработанный камень</b>
б	<b>обработанный камень</b>
•	рваный:
	- грубо рваный - рваный по слою
•	пиленный
•	тесаный
•	околотый:
	- грубо околотый (глубина околки до 3 см) - мелко околотый (глубина околки до 0,5 см)
•	обработанный под скарапель (глубина околки до десятых долей см)
•	обработанный под «троянку» (рифленая фактура)
•	шлифованный
•	отсутствие/наличие, ширина и количество рустов (ограниченных гладкими полосами с одной, двух, трех или четырех сторон), характер выквадровки фасадов
<b>3. Происхождение (для лицевой кладки* и для забутовки [см п IV.7.б]***)</b>	
а	природное
	порода [подлежит дальнейшему дополнению]
	месторождение
б	искусственное:
	- сырцовый
	- обожженная глина
	место производства
<b>4. Цвет (для лицевой кладки* и для забутовки [см п IV.7.в]***) [подлежит дальнейшему дополнению]</b>	
а	поверхность*
б	в местах сколов*

IV. ТЕХНИКА КЛАДКИ	
<b>1. Части стены, относящиеся к различным строительным периодам (при наличии), перестройки, ремонт</b> (в случае применения различных систем и техник кладки для частей стены, относящихся к различным строительным периодам, необходимо приводить характеристику по пунктам I–VII для каждой из них)	
<b>2. Части, из которых состоит стена/назначение кладки</b> (в случае применения различных систем и техник кладки для частей стены, имеющих различное функциональное или конструктивное назначение, необходимо приводить характеристику по пунктам I–VII для каждой из них)	
а	фундамент (указать глубину закладки от уровня пола или улицы)
б	цоколь
в	стена подвальная
г	стена наземная
<b>3. Высота рядов</b>	
а	исодомная (одинаковая высота рядов)
б	псевдоисодомная (неодинаковая высота рядов)
в	переменная (переменная высота одного и того же ряда)
<b>4. Перевязь (наличие/отсутствие)</b>	
а	слоев
б	рядов
<b>5. Способы притески швов</b>	
а	неплотная/плотная (швы толщиной до 1–2 мм)
б	притеска боковых вертикальных граней
	для всей плоскости
	подтеска на узкой полосе у фасада (анафиролиз)
в	притеска постелей
г	отеска общая по фасаду
д	подсечки вдоль швов:
	- форма поперечного сечения подсечек
	- месторасположение подсечек относительно фасада камня
<b>6. Связующий раствор (наличие, характер) (для лицевой кладки* и для забутовки [см. п. IV.7.г]**)</b>	
а	<b>вяжущее</b>
	земляной (вяжущее — грязевой раствор; цвет — грязно-серый)
	глиняный (вяжущее — глина; цвет: от светло-желтого до коричневого)
	известковый (вяжущее — известь; цвет — белый)
	цемяночный (вяжущее — известь, гидравлическая добавка — цемянка; цвет — розовый)
	гипсовый (вяжущее — гипс; цвет — белый)
	кладка насухо (связующий раствор отсутствует)*

б	<b>заполнитель</b> [подлежит дальнейшему дополнению]
	песок:
	- речной
	- морской
	щебень
	галька
	рубленая солома
	другое
<b>7. Забутовка (наличие, характер)*</b>	
а	средняя форма блока плит/блоков в целом* [см. п. III.1.а]
б	происхождение камня* [см. п. III.3.а; б] [подлежит дальнейшему дополнению]
в	цвет* [см. п. III.4] [подлежит дальнейшему дополнению]
г	связующий раствор* [см. п. IV.6]
<b>8. Наличие/отсутствие [подлежит дальнейшему дополнению]</b>	
а	выступов
б	срезов
в	пазов
г	ниш
д	отверстий для скрепления камней между собой
е	иных приемов (указать)
<b>9. Применение скреп [подлежит дальнейшему дополнению]</b>	
а	форма
б	материал
в	способ установки
г	места врезки
<b>10. Наличие облицовки/следов облицовки (для лицевой кладки** и для забутовки**) [подлежит дальнейшему дополнению]</b>	
а	глиняная обмазка
б	штукатурка
в	покраска
<b>11. Наличие вторично использованных архитектурных деталей [подлежит дальнейшему дополнению]</b>	
<b>12. Наличие и характер проемов [подлежит дальнейшему дополнению]</b>	
<b>13. Наличие и характер перемычек [подлежит дальнейшему дополнению]</b>	
V. НАИМЕНОВАНИЕ СИСТЕМЫ КЛАДКИ ПО ЛАТИНСКОЙ (РИМСКОЙ) ТЕРМИНОЛОГИИ (если имеется)* [подлежит дальнейшему дополнению]	
VI. СОСТОЯНИЕ КЛАДКИ НА МОМЕНТ ОТКРЫТИЯ [подлежит дальнейшему дополнению]	
<b>1. Дефекты</b>	
а	прогиб/проседание (как правило, результат неравномерного проседания грунта; обычно при возведении стены на культурном слое, недостаточном заглублении подошвы кладки от современного ей уровня дневной поверхности, при наличии грунтовых вод):
	- нарушение горизонтальности рядов кладки
	- трещины



б	выпячивание:
	- горизонтальное (как правило, результат распора земли при относительно небольшой толщине кладки и значительной ее длине. Характерно для стен подвалов. Нередко является сопровождающим фактором при вертикальном выпячивании)
	- вертикальное (как правило, результат сильного вертикального давления и слабой перевязки между слоями кладки. Характерно как для подвальных, так и наземных стен. Нередко сопровождается и горизонтальным выпячиванием)
	- смешанное*
в	наклон (как правило, результат горизонтального распора земли или неравномерного оседания грунта; наклон отдельных слоев в многослойных кладках случается при слабой перевязке)
VII. ПРИМЕЧАНИЯ*	
Кладка №	

Данная методика описания строительных остатков *в такой интерпретации* применяется *впервые* и подлежит дальнейшему дополнению и усовершенствованию. К примеру, существует необходимость более подробной характеристики используемых пород камня и его цвета (табл. 2, п. III.3.а; III.4), заполнителя и связующего раствора (табл. 2, п. IV.6. а; б), описания характера выступов, пазов и т. д. (табл. 2, п. IV.8), применяемых скреп (табл. 2, п. IV.9), облицовки (табл. 2, п. IV.10), вторично использованных архитектурных деталей (табл. 2, п. IV.11), проемов (табл. 2, п. IV.12), перемычек (табл. 2, п. IV.13), поиска соответствий среди наименований систем кладок по латинской (римской) терминологии (табл. 2, п. V), дополнения раздела «деформации» (табл. 2, п. VI), в том числе — «сейсмические».

### Литература

- Архитектура античного мира 1940 — Архитектура античного мира. М.: Изд-во Академии архитектуры, 1940. 512 с.
- Башкиров 1948 — *Башкиров А. С.* Антисейсизм древней архитектуры. Калинин: Вышневолоцкая правда, 1948. 399 с.
- Гриневич 1926 — *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч. 1 // ХС. 1926. Вып. 1. С. 53–57.
- Гриневич 1927 — *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч. 2 // ХС. 1927. Вып. 2. С. 5–104.
- Гриневич 1930 — *Гриневич К. Э.* Техника и типы кладок датированных стен античного Херсонеса // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). М., 1930. С. 61–69.
- Гриневич 1953 — *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч. 3 // ХС. 1959. Вып. 5. С. 75–114.
- Карасев 1955 — *Карасев А. Н.* Архитектура (Краткий очерк) // Гайдукевич В. Ф., Максимова М. И. (отв. ред.). Античные города Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 188–214.
- Карасев 1959 — *Карасев А. Н.* Развитие строительного-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья // Смирнов А. П. (ред.). Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 126–138.

Кириштейн 1909 — *Кириштейн Г.* Строительное искусство: Руководство к возведению фабричных, гражданских и сельских строений. Рига: Изд-во Н. Киммеля, 1909. [3], XI, 548 с.

Крыжицкий 1965 — *Крыжицкий С. Д.* Про методику опису кладок міст Північного Причорномор'я VII ст. до н. е. — IV ст. н. е. // *Археологія*. 1965. Т. 18. С. 39–47.

Крыжицкий 1981 — *Крыжицкий С. Д.* О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья // *КСИА*. 1981. Вып. 168. С. 35–41.

Крыжицкий 1993 — *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1993. 248 с.

Осипов и др. 1962 — *Осипов Л. Г., Сербинович П. П., Стерлигов В. Д., Шубин Л. Ф.* Архитектура гражданских и промышленных зданий. М.: Госстройиздат, 1962. 335 с.

Adam 2005 — *Adam J.-P.* Roman Building: Materials and Techniques. London; New York: Routledge, 2005. 727 p.

Daremberg et al. 1900 — *Daremberg C., Saglio E., Pottier E.* Dictionnaire des Atiquités Grecques et Romaines. Т. 3: Mur. Paris, 1900.

Martin 1965 — *Martin R.* Manuel d'architecture grecque. Т. 1: Matériaux et techniques. Paris, 1965. 522 p., LVI pl.

Orlandos 1968 — *Orlandos A. K.* Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens Grecs. Paris: E. De Boccard, 1968.

Scranton 1941 — *Scranton R. L.* Greek Walls. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1941. XVI + 194 p.

Wright 2000–2009 — *Wright G. R. H.* Ancient Building Technology. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000: Vol. 1 — 155 p.; 2005: Vol. 2 — 316 p., 309 fig.; 2009: Vol. 3 — 325 p., 415 fig.

## ONCE AGAIN ON THE QUESTION OF THE METHODOLOGY OF DESCRIBING ANTIQUE STONE MASONRY IN THE NORTH BLACK SEA REGION

T. V. OLEINIK

**Keywords:** *stone masonry, methodology of classification, system and technique of masonry, S. D. Kryzhitsky's methodology.*

Masonry walls represent the most frequent category of building remains the researchers of antique sites have to deal with. However, the methodologies used by different scholars to characterize stone buildings lack any systematic and clearly established procedure. The works by S. D. Kryzhitsky devoted to the classification of antique masonry works of the North Black Sea region can serve as a basis for creating a unified methodology for the full verbal description of building remains. Such a methodology would allow to reconstruct the appearance of fully destroyed ancient buildings even in the absence of any graphic representations.

### Literature

Архитектура античного мира 1940 — *Arhitektura antichnogo mira (Architecture of the Classical world)*. М.: Academy of architecture, 1940. 512 p. (in Russian).

Башкиров 1948 — *Bashkirov A. S.* Antiseizmizm drevney arhitektury' (*Antiseismism of ancient architecture*). Kalinin: Vyshnevolutskaya pravda, 1948. 399 p. (in Russian).

Гриневич 1926 — *Grinevich K. E.* Steny' Hersonesa Tavricheskogo. Ch. 1 (*Walls of Tauric Chersonesos. Pt. 1*) // *Hersonesskiy sbornik (Chersonesos collection)*. Sevastopol, 1926. Vol. 1. P. 53–57 (in Russian).

Гриневи́ч 1927 — *Grinevich K. E. Steny' Hersonesa Tavricheskogo. Ch. 2 (Walls of Tauric Chersonesos. Pt. 2)* // *Hersonesskiy sbornik (Chersonesos collection)*. Sevastopol, 1927. Vol. 2. P. 5–104 (in Russian).

Гриневи́ч 1930 — *Grinevich K. E. Tehnika i tipy' kladok datirovanny'h sten antichnogo Hersonesa (Techniques and types of stone masonry of the dated walls of Tauric Chersonesos)* // *Trudy' sekcii arheologii Rossiyskoy associacii nauchno-issledovatel'skih institutov obsch'estvenny'h nauk (Proceedings of the Archaeological Section of the Russian Association of the Research Institutes of Social Sciences)*. M., 1930. P. 61–69 (in Russian).

Гриневи́ч 1953 — *Grinevich K. E. Steny' Hersonesa Tavricheskogo. Ch. 3 (Walls of Tauric Chersonesos. Pt. 3)* // *Hersonesskiy sbornik (Chersonesos collection)*. Sevastopol, 1959. Vol. 5. P. 75–114 (in Russian).

Карасев 1955 — *Karasev A. N. Arhitektura (Kratkiy ocherk) (Architecture [a brief outline])* // Gaydukevich V. F., Maksimova M. I. (eds.). *Antichny'e goroda Severnogo Prichernomor'ya: Ocherki istorii i kul'tury' (Antique cities of the North Black Sea region: Essays on history and culture)*. M.; L.: AS of the USSR, 1955. P. 188–214 (in Russian).

Карасев 1959 — *Karasev A. N. Razvitie stroitel'no-kamenotesnogo remesla v antichny'h gorodah Severnogo Prichernomor'ya (The development of building and stonecutting crafts in the Antique cities of the North Black Sea region)* // Smirnov A. P. (ed.). *Problemy' istorii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu e'pohu (Problems of history of the North Black Sea region in the Classical epoch)*. M.: AS of the USSR, 1959. P. 126–138 (in Russian).

Кирштейн 1909 — *Kirshiteyn G. Stroitel'noe iskusstvo: Rukovodstvo k vozvedeniyu fabrichny'h, grajdanskih i sel'skih stroeniy (Building art: guidelines for erecting industrial, civil and farm structures)*. Riga: N. Kimmel, 1909. [3], XI, 548 p. (in Russian).

Крижицький 1965 — *Krijic'kiy S. D. Pro metodiku opisu kladok mist Pivnichnogo Prichernomor'ya VII st. do n. e. — IV st. n. e. (On the methodology of describing stone masonry in the cities of the North Black Sea region of the VII c. BC — IV c. AD)* // *Arheologiya (Archaeology)*. 1965. Vol. 18. p. 39–47 (in Ukrainian).

Крыжицкий 1981 — *Kry'jickiy S. D. O principah klassifikacii antichny'h kladok Severnogo Prichernomor'ya (On the principles of classification of the antique masonry works in the North Black Sea region)* // *Kratkie soobsh'eniya Instituta arheologii (BCIA)*. 1981. Vol. 168. p. 35–41 (in Russian).

Крыжицкий 1993 — *Kry'jickiy S. D. Arhitektura antichny'h gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya (Architecture of the Ancient states of the North Black Sea region)*. Kiev: Naukova dumka, 1993. 248 p. (in Russian).

Осипов и др. 1962 — *Osipov L. G., Serbinovich P. P., Sterligov V. D., Shubin L. F. Arhitektura grajdanskih i promy'shlenny'h zdaniy (Architecture of civil and industrial buildings)*. M.: Gosstroyizdat, 1962. 335 p. (in Russian).

Adam 2005 — *Adam J.-P. Roman Building: Materials and Techniques*. London; New York: Routledge, 2005. 727 p.

Darembert et al. 1900 — *Darembert C., Saglio E., Pottier E. Dictionnaire des Atiquités Grecques et Romaines. T. 3: Mur*. Paris, 1900.

Martin 1965 — *Martin R. Manuel d'architecture grecque. T. 1: Matériaux et techniques*. Paris, 1965. 522 p., LVI pl.

Orlandos 1968 — *Orlandos A. K. Les matériaux de construction et la technique architecturale des anciens Grecs*. Paris: E. De Boccard, 1968.

Scranton 1941 — *Scranton R. L. Greek Walls*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1941. XVI + 194 p.

Wright 2000–2009 — *Wright G. R. H. Ancient Building Technology*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000: Vol. 1 — 155 p.; 2005: Vol. 2 — 316 p., 309 fig.; 2009: Vol. 3 — 325 p., 415 fig.

## Список сокращений

АА	— Археологический Альманах. Донецк
АВ	— Археологические вести. СПб.
АМА	— Античный мир и археология. Саратов
АН	— Академия наук
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь: Керченская городская тип.
БЧ	— Боспорские чтения. Керчь
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВЖК	— Высшие женские курсы
ВКИКМЗ	— Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Керчь
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры. Л.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
ГУ	— Государственный университет
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
ДБ	— Древности Боспора / Масленников А. А. (гл. ред.). М.
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа: Атлас. СПб.: Тип. Имп. АН, 1854
ИА	— Институт археологии
ИАК	— Императорская Археологическая комиссия
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР/ РАН. Л.; М./СПб.
ККК	— Каталог керамических клейм
ККТ	— Каталог керамической тары

---

КСИА	— Краткие сообщения ИА АН СССР/РАН. М.; Л.
ЛГУ	— Ленинградский ГУ
Л. с.	— Лицевая сторона
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.
МГУ	— Московский ГУ им. М. В. Ломоносова
МЗХТ	— Музей-заповедник «Херсонес Таврический»
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НА (НОА)	— Научный архив
НАН	— Национальная академия наук
НВФ	— Научно-вспомогательный фонд
НИИ	— Научно-исследовательский институт
ОАК	— Отчеты ИАК. СПб.: Тип. Имп. АН
О. с.	— Обратная сторона
ПИФК	— Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск
П. о.	— Полевая опись
РА	— Российская археология. М.
РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры. Пг.
РАН	— Российская академия наук
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд. М.
РО	— Рукописный отдел
РОССПЭН	— Изд-во «Российская политическая энциклопедия»
СА	— Советская археология. М.
САИ	— Свод археологических источников. М.; Л.: Наука
СГМИИ	— Сообщения ГМИИ. М.
СГУ	— Саратовский ГУ
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

---

ТГЭ	— Труды ГЭ. Л./СПб.: Изд-во ГЭ
Тр.	— Труды.
ХС	— Херсонесский сборник. Севастополь
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд. М.
РО	— Рукописный отдел
СПбГУ	— Санкт-Петербургский ГУ
AS	— Academy of Sciences
ASCSA	— American School of Classical Studies at Athens
AUP	— Aarhus University Press
BAR IS	— British Archaeological Reports. International Series
BCIA	— Brief communications of the Institute of Archaeology of AS of the USSR/RAS. M.; L.
BS	— Bosporos Studies
BSS	— Black Sea Studies
CVA	— Corpus Vasorum Antiquorum
IA	— Institute of Archaeology
IHMC	— Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg
L.	— Leningrad
M.	— Moscow
MD	— Manuscript division
MSA	— Materials and studies in the archaeology of the USSR
MSU	— Moscow State University
RAS	— Russian Academy of Sciences
RGZM	— Römisch-Germanisches Zentralmuseum
RA	— Russian archaeology. M.
RAHMC	— Russian Academy of the History of Material Culture
SA	— Soviet archaeology. M.
SAHMC	— State Academy of the History of Material Culture
SU	— State University

**Список авторов статей,  
опубликованных в «Записках ИИМК РАН», № 14**

- Буйских Алла Валерьевна — Украина, 04210, Киев, пр. героев Сталинграда, 12. Институт археологии НАН Украины.
- Виноградов Юрий Алексеевич — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.
- Дорошко Валентин Валерьевич — Россия, 299045, Севастополь, Древняя ул., 1. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Отдел исследований и охраны объектов культурного наследия.
- Дорошко Ольга Павловна — Россия, 299045, Севастополь, Древняя ул., 1. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Научно-фондовый отдел.
- Кузьмищев Александр Геннадиевич — Украина, 04210, Киев, пр. героев Сталинграда, 12. Институт археологии НАН Украины.
- Кашаев Сергей Владимирович — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.
- Кузнецова Елена Владимировна — Россия, 410012, Саратов, Астраханская ул., 83. Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Институт археологии и культурного наследия.
- Колтухов Сергей Георгиевич — Россия, 295007, Симферополь, пр. Вернадского, 2. Институт археологии Крыма, Отдел раннего железного века.
- Лимберис Наталья Юрьевна — Россия, 350040, Краснодар, Ставропольская ул., 149. Кубанский государственный университет, НИИ археологии.
- Марченко Иван Иванович — Россия, 350040, Краснодар, Ставропольская ул., 149. Кубанский государственный университет, НИИ археологии.

- Монахов Сергей Юрьевич — Россия, 410012, Саратов, Астраханская ул., 83. Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Институт археологии и культурного наследия.
- Нессель Виктория Александровна — Россия, 299045, Севастополь, Древняя ул., 1. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Отдел исследований и охраны объектов культурного наследия.
- Олейник Татьяна Владимировна — Украина, 61022, Харьков, пл. Свободы, 4. Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Исторический факультет.
- Сенаторов Сергей Николаевич — Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.
- Тункина Ирина Владимировна — Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.
- Скржинская Марина Владимировна — Украина, 01001, Киев, ул. Грушевского, 4. Институт истории Украины НАН Украины, Отдел истории средних веков и раннего нового времени.
- Тюрин Максим Игоревич — Россия, 299045, Севастополь, Древняя ул., 1. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Отдел музеефикации памятников археологии.
- Форнасье Йохен (Fornasier Jochen) — Institut für Archäologische Wissenschaften. Abt. I: Vorderasiatische und Klassische Archäologie, Fachbereich 09. Goethe-Universität, Frankfurt, Campus Westend, Norbert-Wollheim-Platz 1, D-60323 Frankfurt am Main, Bundesrepublik Deutschland.
- Чурекова Наталия Борисовна — Россия, 410012, Саратов, Астраханская ул., 83. Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Институт археологии и культурного наследия.
- Шауб Игорь Юрьевич — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел истории античной культуры.



*Научное издание*

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ  
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 14**

Редактор *М. А. Молчанова*

Корректор *М. А. Молчанова*

Верстка *И. Н. Лщук*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ  
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,  
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93;  
95 3001 — книги. 95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 02.12.2016. Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.  
Уч.-изд. л. 13. Печ. л. 12. Тираж 300 экз. Заказ 7170

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами  
Отпечатано в ООО «Невская книжная типография»  
197198, Санкт-Петербург, Большая Пушкарская ул., дом 31, литер «Б», помещение 1Н  
Тел. +7(812) 643-0319  
Тел./факс: +7(812) 380-7950  
E-mail: spbcolor@mail.ru

